

А. Амфитеатровъ.

СТРАНА

РАЗДОРА.

Балканскія впечатлѣнія.

Издание Райской.

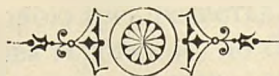
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.

1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ автора.	Стр
Въ Македонской глуши	1
Салоники	43
За Шаромъ	85
На славянской Адриатикѣ	123
Повелитель правовѣрныхъ	177
Петко Каравеловъ	201
<i>Приложеніе А.</i> Данныя славянскаго разселенія.	
<i>Приложеніе Б.</i> Замѣчанія о македонскомъ освободи- тельномъ движеніи	233
<i>Приложеніе В.</i> Почтовые скандалъ.	247

ОТЪ АВТОРА.

Въ февралѣ 1901 года, когда изъ Македоніи начали приходить особенно обостренныя корреспонденціи въ славянскую, русскую и европейскую печать, я, по собственному почину, поѣхалъ въ этотъ малоизвѣстный край. Хотѣлось мнѣ самому, лично, опредѣлиться, по мѣрѣ силъ, въ смыслѣ и возможныхъ размѣрахъ македонскаго освободительнаго движенія. Ибо, въ указанное время, нѣкоторая часть русской и славянской печати уже обнаружила яркую тенденцію тянуть Европу къ вмѣшательству въ македонскія дѣла,— читай: толкать Россію въ новый крестовый походъ на турокъ за свободу македонцевъ. Крестовые походы съ освободительными задачами—прекрасное дѣло, но и подвиги высшаго благородства подчиняются процессу вызрѣванія до надлежащей своевременности. Вотъ и любопытно было посмотреть: правда ли, что македонскія неурядицы дошли до точки, за которою имъ остается одно роковое разрѣшеніе—сперва геройское, но безсильное освободительное возстаніе, потомъ—европейское вмѣшательство, читай: русскій крестовый походъ. Любопытство усугублялось тѣмъ соображеніемъ, что намъ, русскимъ, крестовые походы сейчасъ врядъ ли удобны и желательны; притомъ, за спиною у насъ стоитъ недавній и мало поощрительный опытъ,

въ которомъ, цѣною несчетно пролитой русской крови и разсыпанной казны, былъ приобрѣтенъ, мало благодѣтельный для славянства и совсѣмъ не лестный для русскаго національнаго чувства, Берлинскій трактатъ. Народная мудрость гласитъ, что, обжегшись на молокѣ, будешь дуть и на воду. Именно съ этимъ нравоученіемъ въ памяти, я и совершалъ свою македонскую поѣздку.

Вкратцѣ, результаты просмотра могутъ быть выражены слѣдующими положеніями:

1. Живется христіанамъ въ Македоніи очень худо, хотя лучше, чѣмъ въ Старой Сербіи, гдѣ быть христіанина, подъ гнетомъ албанцевъ, — адъ безправія.

2. Такъ же худо, какъ македонцамъ, живется христіанамъ и въ другихъ вилайетахъ Турціи.

3. Слѣдовательно, политическій вопросъ долженъ ставиться не: дозволительно ли оставлять турокъ безчинствовать въ Македоніи, но: дозволительно ли, вообще, оставлять подъ мусульманскою властью какихъ-либо подданныхъ христіанъ?

4. Всякія реформы, за порукою Турціи, всегда будутъ политическимъ обманомъ съ ея стороны и самообманомъ для Европы.

5. Коренное населеніе Македоніи представляетъ собою неопредѣленную народность, о которой съ увѣренностью можно сказать только то, что она несомнѣнно и чисто славянская.

6. Сербы считаютъ эту народность сербскою; болгары — болгарскою.

7. Притязанія тѣхъ и другихъ равно неосновательны по смыслу національныхъ претензій и равно основательны по силѣ культурнаго и политическаго

воздѣйствія: подъ вліяніемъ той или другой пропаганды, македонецъ съ равною легкостью, вырабатываетъ себя какъ въ болгарина, такъ и въ серба.

8. Въ настоящее время въ Македоніи торжествуютъ культура и политика болгарскія; сербами Македонія утрачена, повидимому, безнадежно. Македонія, посуленная болгарамъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ, необходима имъ органически и, благодаря ихъ для нея жертвамъ и талантливой агитаціи, она, въ концѣ концовъ, ихъ и будетъ.

9. Распря между сербами и болгарами за Македонію весьма остра, и зрѣлище ея весьма отвратительно.

10. Экономическое положеніе македонскаго крестьянина (1901 г.) не удручаетъ русскаго глаза: крестьянство русское и болгарское въ княжествѣ бѣднѣе македонскаго.

11. Дай Богъ македонцамъ самимъ или черезъ болгаръ получить свободу, но не дай Богъ, чтобы заплатить за нее пришлось русскому мужику.

Въ Болгаріи. въ виду моей давней болгарофильской репутаци, ожидали, что я отнесусь къ «македонской каузѣ» съ бѣльшимъ энтузіазмомъ. Поэтому, взгляды мои были встрѣчены болгарскою политическою прессою, — въ особенности, тою частью ея, которая зоветъ себя руссофильскою, — очень гнѣвно. Поѣздкою 1901 года, — для меня третьею въ Балканскія земли, — я потерялъ семилѣтнюю болгарскую дружбу. Меня обвиняли: одни, что я подкуп-

ленъ: другіе, что я сердитъ, зачѣмъ меня не подкупили; третьи, что я пишу по указкѣ русскаго по сла въ Константинополь, И. А. Зиновьева; четвертые, что я боленъ сербофильствомъ. Въ то же время, сербскіе журналы выставяли меня русскимъ органомъ болгаро-македонскихъ освободительныхъ комитетовъ.

О всѣхъ этихъ обвиненіяхъ считаю необходимымъ предупредить читателя. А затѣмъ, читая, пусть судитъ о моихъ мнѣніяхъ и словахъ, какъ ему покажется.

Въ настоящей книгѣ, извлеченной изъ статей 1901 года, я остался на тѣхъ же точкахъ зрѣнія, но исключилъ большую часть писаннаго о первоначальности болгарскихъ комитетовъ. Не потому, чтобы перемѣнилъ мнѣніе объ ихъ недостаткахъ, но потому, что сейчасъ многіе члены ихъ дерутся и умираютъ на поляхъ сраженій, за свободу славянскаго края,—пошли имъ Богъ удачу и всякое добро!—а ошибки ихъ оставимъ считать исторіи.

Минусинскъ.

1902.

XI. 11.

P. S. Къ набросаннымъ выше строкамъ, писаннымъ въ ноябрѣ 1902 года, я, редактируя книгу въ апрѣлѣ 1903-го, долженъ прибавить, что многое въ ней успѣло съ тѣхъ поръ оправдать себя дѣйствительнымъ ходомъ событій и показаніями европейскихъ журналистовъ, посѣтившихъ край послѣ меня. Случилось уже многое, въ чемъ мнѣ не вѣрили, какъ Кассандрѣ. Такъ,—и это главное,—центръ тяжести вопроса о турецкихъ звѣрствахъ перемѣстился изъ Македоніи въ Старую Сербію. Къ сожалѣнію, когда я составлялъ эту книгу, у

меня не было полного собранія моихъ корреспонденцій. Въ теченіе 1901-го года я неоднократно повторялъ, что ближайшимъ и очень скорымъ шагомъ балканской неурядицы будетъ убійство русскаго консула. Безвременно угасшая молодая жизнь Г. С. Щербины -- печальная точка къ этому предсказанію. Я ошибся только въ имени, потому что думалъ, что убьютъ Машкова: митровицкаго консульства тогда еще не было, а на ускубскомъ консулѣ, В. О. Машковѣ, сосредоточивались и албанскія, и болгарскія ненависти. Многое, недоговоренное въ этомъ выпускѣ «Балканскихъ Впечатлѣній», я надѣюсь досказать въ слѣдующихъ формируемыхъ по болѣе полному матеріалу. Тамъ же читатель найдетъ нѣсколько страницъ изъ первыхъ моихъ путешествій по Балканскому полуострову, когда такъ молодо жилось и такъ весело странствовалось.

А. В. А.

Вологда.
1903. IV. 28.

Въ македонской глуши.

(1901).

I.

Можно удивляться, почему Македонія пррвлекаетъ къ себѣ мало путешественниковъ и описателей. Смуты, постоянно въ ней царящія, тому не объясненіе. Волка бояться—въ лѣсъ не ходить, и—какой же туристъ, сядясь въ вагонъ, съ намѣреніемъ унести за тридевять земель въ тридесятое царство, не мечтаетъ испытать на ряду съ впечатлѣніями пріятыми, ласкающими, нѣсколько и такихъ, чтобы жутко стало, чтобы двѣ-три минуты трястись отъ страха или, наоборотъ, имѣть случай проявить рѣдкое присутствіе духа предъ лицомъ опасности? Если Кукъ—этотъ всемірный желѣзнодорожно-пароходный паукъ и патронъ туристовъ—находилъ охотниковъ путешествовать по полямъ битвъ Трансвааля, страшно далекимъ и открыто опаснымъ,—то на Македонію-то, до которой, сравнительно съ Трансваалемъ, рукой подать,—казалось бы,—какъ не отыскаться любителямъ сильныхъ ощущеній. Однако, ихъ нѣтъ. Поѣзда снуютъ по македонскимъ желѣзнымъ дорогамъ съ пустыми вагонами перваго класса, тогда какъ второй и третій классы всегда биткомъ полны пассажирами мѣстнаго движенія.

Изъ Константинополя на Салонки поѣздъ, снабженный спальными вагонами, ходитъ три раза въ недѣлю, отправляясь вечеромъ, въ девятомъ часу. Уставъ смотрѣть въ сумерки древней византійской столицы,—потому что, хотя онѣ и историческія, но все же сумерки, и темнымъ вечеромъ всѣ кошки сѣры, и всѣ пейзажи одинаковы,—вы ложитесь спать; а просыпаетесь—въ Дедеагачѣ, на берегу голубого

— 4 —

моря, съ силуэтомъ таинственнаго Самоѳракійскаго острова на горизонтѣ. За Дедеагачемъ вамъ уже будетъ не до сна. Во-первыхъ, потому что изъ спальнаго вагона васъ переводятъ въ весьма посредственное купэ турецкаго устройства, или, правильнѣе будетъ сказать, неустройства. Во-вторыхъ, поѣздъ, повернувъ къ сѣверу, мчится прямо на мраморныя стѣны южныхъ Родопскихъ горъ и Тартыкъ-Дага, врѣзывается въ нихъ у Гюмюльджинны, и затѣмъ вся оставшаяся дорога, — покуда не падуть сумерки, — являетъ, справа и слѣва, рядъ очаровательнѣйшихъ картинъ, какими только можетъ подарить путника могучая горная природа. Берега рѣки Кара-су, — ея теченію долго, до станціи Букъ, слѣдуетъ путь, — на мой взглядъ, не менѣе, а мѣстами, пожалуй, даже болѣе живописны, чѣмъ берега Арагвы, съ которыми одного характера здѣшній горный пейзажъ. Впрочемъ, быть-можетъ, такому выгодному впечатлѣнію не мало содѣйствовало и то обстоятельство, что я засталъ Кара-су въ половодье. Она величественно заполняла собою ущелья, разливаясь озерами въ долинахъ, и глазъ не утомлялся необозримыми пространствами каменистаго, обмелѣвшаго и высохшаго русла, такъ досадно падоѣдающаго въ рѣчныхъ пейзажахъ Кавказа, Италіи, Греціи и т. д.

Только проѣхавъ и своими глазами видѣвъ югъ Македоніи, вы можете въ полной мѣрѣ понять, почему за край этотъ съ такимъ ожесточеніемъ спорять и борются столько народностей, каждая объявляя его своимъ. Вѣдь это же — садъ, сплошной садъ! Вы мчитесь чрезъ рощи дикихъ маслинъ, вызеленившихъ горы до самыхъ маковокъ. Кровавыя купы цвѣтущихъ айвы, миндаля, персика, бѣлыя осыпныя черешни, груши, яблоки, желтыя, бѣлыя, лиловыя акаціи пестрѣютъ вокругъ каждаго селенія на много верстъ вокругъ, а зачастую внезапно являются дикорастущими въ лѣсахъ по горнымъ скатамъ. Куда вы ни взглянете, всюду цвѣтутъ деревья и обѣщаютъ богатый плодъ.

Недаромъ македонцы слывутъ первыми садовниками по всему Балканскому полуострову и, въ качествѣ этомъ, ходятъ на заработки даже въ Румынію и Грецію. Какія огромныя площади тщательно распаханнаго чернозема! Какіе выгоны! Сколько влаги въ долинахъ! По свѣжимъ, юнымъ зеленымъ ходятъ, важно кивая длинными шеями, чернохвостые аисты... сперва вамъ кажется, что ихъ — десятки, потомъ вы убѣждаетесь, что низко взяли — надо считать эту умную птицу, ближайшаго друга южнаго человѣка, сотнями, и, наконецъ, машете рукою и на сотенный счетъ: тысячи ихъ тутъ, тучи, тьмы темъ.

— Вы увидите, что Македонія — рай, — говорилъ мнѣ въ Константинополѣ болгарскій дипломатъ. — А присутствовавшій при разговорѣ англичанинъ возразилъ:

— Рай-то рай, только населенный чертями.

— Да, къ несчастію, эти проклятые негодяи-турки... — началъ было болгаринъ. Но англичанинъ безцеремонно персбилъ его:

— Всѣ тамъ хороши.

Вышній видъ южной Македоніи весьма мало говоритъ объ угнетеніяхъ и страданіяхъ. Крестьяне не кажутся забитыми, одежда ихъ пестра и богата, вокругъ сель пасется много стадъ, повсемѣстно слышенъ славянскій говоръ, о которомъ ученые слависты давно спорятъ и филологически, и политически, — поскольку онъ болгарскій, поскольку сербскій. Болгарскія села въ княжествѣ куда грязнѣе и бѣднѣе. О нашихъ я я не говорю. Увы! мы, спасители народовъ, никогда не умѣли помѣстить свой рабочій и земледѣльческій трудъ даже и въ вполонину менѣе пристойныя условія быта, чѣмъ живутъ наши спасаемые. Когда нылкій вопль Гладстона зажегъ Европу сочувствіемъ къ болгарамъ, и наши отцы, дяди, старшіе братья понесли свои буйныя головы за болгарскую свободу подъ турецкій обухъ на окопы Плевны, на гору св. Николая, — мы знаемъ, какое удивленіе, близкое къ разочарованію, по-

стигало участниковъ этого крестоваго похода, по прибытіи ихъ въ угнетенную Болгарію. Ждали видѣть людей нагихъ и босыхъ, безъ крова, безъ пищи, разоренныя села, вытоптанныя поля, цѣпи, трупы, эшафоты. вмѣсто того, видѣли тучныя пажити, виноградники, долины розъ и богатаго мужика-скопидома, который волкомъ смотрѣлъ на освободителей и дралъ съ нихъ втридорога за каждую курцу, за каждый стаканъ вина, за каждый кусокъ хлѣба.

До сихъ поръ не рѣдкость слышать въ военномъ обществѣ, когда офицеры русско-турецкой войны вспоминаютъ свое пребываніе за Дунаемъ:

— Помилуйте! да намъ иной разъ прямо за себя неловко стало: мы, беззапашные, пищие, съ командами, набранными по голоднымъ недоимочнымъ деревнямъ, пришли спасать отъ угнетенія страну, гдѣ самый бѣдный мужикъ богаче самаго богатаго нашего міроѣда. И земли у нихъ много, и культура земли несравненно выше нашей, и порядокъ хозяйства земельного настолько устроенъ, что— не успѣла кончиться война — какъ знаменитѣйшій народникъ русскій, Глѣбъ Успенскій, уже кололъ глаза русскому земельному пестроенію болгарскимъ благоустройствомъ.

Сейчасъ Болгарія уже неспособна возбудить въ новомъ челоѣкѣ недоумѣнія такого рода. Время, когда въ Болгаріи «запаслися крестьянши хлѣбомъ, ѣль добры щи и пиво пилъ», осталось позади. Рядъ неурожаевъ, тяжелые налоги, филоксера разорили болгарскаго мужика. Легче ему, конечно, чѣмъ русской сермягѣ-освободительницѣ, а все же куда не легко. Сейчасъ болгарскій мужикъ видитъ мясо дважды въ годъ, а обычную пищу его составляетъ круглый хлѣбъ, въ которомъ, съ макушки, продолбятъ дырку, въ дырку патопчуть краснаго перца,— вотъ и весь обѣдъ. Въ рабочее время,— вмѣсто былого вина,— пьютъ воду, окрашенную нѣсколькими каплями уксуса. Не жирно! завидовать нечему!

Вообразимъ себѣ, — оно, кстатн, п очень легко, — что македонская революція болгарскими усиліями вспыхнула, и маленькому княжеству болгарскому пришлось вести свою армію на помощь македонцамъ черезъ Родопы, какъ нѣкогда намъ пришлось отправлять свою армію на помощь болгарамъ черезъ Дунай. И тогда валила освободить славянъ, какъ выразился генераль Драгомировъ, «святая сѣрая скотина», и теперь, значитъ, она же повалить. И думается мнѣ, что, ввалившись подъ штыками въ озерныя долины Монастира или на заливныя луга по Вардару, «святая сѣрая скотина» болгарская будетъ удивлена македонцами не меньше, чѣмъ «святая сѣрая скотина» русская удивлялась въ 1877 году болгарамъ. Потому что скрынн одного македонскаго болгарина достаточно, чтобы сдѣлать зажиточными три болгарскихъ мужицкихъ семьи изъ княжества. Потому что македонская крестьянка носитъ на плечахъ самодѣльный костюмъ, стоящій, безъ украшеній, шестьдесятъ-восемьдесятъ франковъ, и такихъ костюмовъ у нея не менѣе пяти-шести, а у болѣе зажиточныхъ и, слѣдовательно, болѣе располагающихъ свободнымъ временемъ для рукодѣлія, ихъ бываетъ за дюжину. У дѣвушки въ Ускюбѣ, которая согласилась продать мнѣ одинъ изъ своихъ приборовъ, ихъ оказалось восемнадцать! Продають неохотно, трудно найти продажную «кошулю», — такимъ образомъ, у каждой бабы въ скрынѣ уже виситъ мертвый капиталъ, не ищущій себѣ ни приложенія ни движенія. Желать бы я видѣть въ Россіи крестьянку, которая могла бы похвастаться, что у нея въ клѣтѣ одежды на 400-1,000 франковъ, т. е. на 150-350 рублей! И замѣйте: это только одежда, шитая шерстью. На праздникахъ Святой Недѣли, посѣщая македонскія села, я поражался мошстами, цѣпочками и пр., какихъ понавѣшивали на себя мѣстныя красавицы, — всѣ безъ исключенія. О такихъ убранствахъ мы, современное русское поколѣніе, знаемъ лишь преданія изъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Ди-

каньки», изъ повѣстей Квитка Основьяненка, да, пожалуй, изъ эффектныхъ прикрасъ, которыми наполнилъ Печерскій свои описанія раскольничьяго Поволжья. Для насъ это — дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины столь глубокой, что въ нее даже и не вѣрится: да неужто же, молъ, было когда-нибудь и могло быть иѣчто подобное? Цѣпь въ три ряда тяжелыхъ меджидіа на груди, двѣ цѣпи меджидіа отъ косъ къ рукавамъ... это — не украшенія, серебряныя вериги какія-то!

Дико прозвучать эти слова, но мусульманское правленіе въ *одномъ отношеніи* для здѣшняго мужика выгоднѣе, чѣмъ всякое другое. Это странно, парадоксально, однако — это такъ. А именно: христіане въ Турціи не подлежатъ воинской повинности и, слѣдовательно, сохраняютъ дома всѣ молодыя рабочія руки, что отзывается на интенсивности труда самымъ благопріятнымъ образомъ. А трудится есть надъ чѣмъ. То крѣпостное состояніе, въ которомъ искони находилась раія въ турецкихъ владѣніяхъ, сейчасъ умираетъ, если не юридическимъ путемъ, то фактическимъ, чрезъ экономическую эволюцію. Крѣпостная работа, барщина въ Македоніи имѣетъ испольный характеръ. Но турки — спаги, беги — плохіе хозяева, не охотники до деревни, а македонцы — чудные работники, трезвые, умѣлые держатся за копейку скопидомы. Поэтому въ огромномъ количествѣ македонскихъ «чифтлшковъ» уже повторяется та же самая исторія о помѣщикѣ Пантелѣевѣ и крестьянинѣ Федосѣевѣ, что насмѣшливо пропѣлъ въ Россіи шестидесятыхъ годовъ Н. А. Некрасовъ:

По улицамъ столицы
Пантелѣевъ ходитъ голъ,
А дворянскія землицы
Федосѣевъ приобрѣлъ...

Турецкое рыцарство, или юнкерство, тянется къ широкой жизни въ большихъ городахъ. Ему нужны не земли, а деньги, и аренда или покупка чифтлшковъ крестьянскими обще-

ствами у промотавшихся беевъ все чаще и чаще находятъ себѣ примѣненіе въ македонскихъ впаляетахъ. А обиліе рабочихъ рукъ даетъ возможность и дешевой обработки благопріобрѣтеннаго. Дороговизна труда и непосильная сельскому хозяйству высота заработной платы въ современной Болгаріи—лучшее свидѣтельство того, какъ разрушаютъ мужицкую экономію постоянная армія и воинская повинность, ее регулярно пополняющая. Болгарія сейчасъ вся живетъ въ свою армію, а деревня тощаетъ, вянетъ, гибнетъ.

Что касается земельного обложенія, то пресловутый «десятокъ», десятинная подать натурою, которою обязаны христіанскія хозяйства турецкому правительству, тяжель не столько размѣрами своими: свободное населеніе Болгаріи и Сербіи платитъ государству больше,—сколько безобразнымъ откупнымъ способомъ взиманія, дающимъ поводъ къ массѣ злоупотребленій, насплій и т. п. Податныя неурядицы сдѣлали для болгарина отвратительнымъ самое слово «десятокъ»: извѣстно, какія ужасныя сцены чуть не поголовнаго сопротивленія встрѣтила въ народѣ проба княжескаго правительства возобновить взиманіе «десятка». Въ 1901 г. партія Каравелова, чтобы выиграть выборную кампанію, должна была дать клятвенное обѣщаніе, что, если она станетъ у власти, «десятокъ» будетъ отмѣненъ. Между тѣмъ, для многихъ наблюдателей болгарской экономической жизни, съ которыми мнѣ приходилось говорить, фактической вредъ «десятка» остается еще подъ большимъ сомнѣніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Болгаріи взиманіе подати, вмѣсто денегъ, натурою было положительно удобнѣе и выгоднѣе для крестьянъ. Однако, и въ этихъ мѣстностяхъ крестьянство встало противъ «десятка», заодно съ тѣми полосами сѣверной и восточной Болгаріи, которыя терпѣли отъ него дѣйствительный вредъ. Такъ въ этомъ случаѣ экономическій мотивъ былъ побѣжденъ психологическимъ — тяжкимъ воспоминаніемъ о взиманіи

«десятка» въ турецкое время, съ неурядицами и вымогательствами откупничества, опирающагося на вооруженную силу администраціи и военныхъ гарнизоновъ.

Что откупная система «десятка» тяжела крестьянамъ Македоніи, турки знаютъ хорошо, да и имъ самимъ она невыгодна. Въ Битолійскомъ округѣ они неоднократно предлагали крестьянскимъ обществамъ брать откупъ «десятка» на себя, по круговой раскладкѣ, что было бы для мужиковъ, конечно, большимъ облегченіемъ, гарантируя ихъ отъ произвола чужака-откупщика, приобретающаго право взиманія съ публичныхъ торговъ. Однако—боязнь ли подвоха со стороны турокъ, просто ли упорный природный консерватизмъ, робость предъ повшествомъ и неохота тронуть завѣтную кубышку—удержали битолійскихъ крестьянъ принять этотъ призывъ власти, хотя согласіе и сочувствіе къ предложенной мѣрѣ рекомендовали населенію даже и иностранные консулы.

II.

Македонскія горести — порожденія причинъ болѣе отвлеченнаго порядка, чѣмъ тяжелая погоня за невѣрнымъ кускомъ хлѣба, на дурной и дурно обрабатываемой почвѣ, въ борьбѣ съ недостатками которой и съ неимѣніемъ въ которой проводитъ весь свой вѣкъ русскій мужикъ. Враги Македоніи — разноплеменность, разновѣрность, христіанская взаимоненависть и дурная турецкая администрація полувоеннаго, полу-полицейскаго характера, строящая все свое благополучіе именно на сказанной взаимоненависти. Бѣда Македоніи въ томъ, что народъ ея живетъ не въ себя самого, ни даже въ грубое турецкое правительство, сѣдлающее его шею, но представляетъ собою какой-то спорный притравной кусокъ, пожрать который стремятся шесть или семь народностей, расчитывающихъ воскресить

свою національную самобытность за счет гибкой этнографіи и шаткой исторіи македонцевъ. И, пока турки, греки, болгары, сербы, албанцы, куцовлахи спорятъ изъ-за лакомага македонскаго куска цѣликомъ или сварятся изъ-за частей его, время бѣжить, и кусокъ гниеть, разлагается, теряя мало-по-малу и свою красоту, и свою цѣнность...

Если оставить безъ вниманія узкую—едва въ нѣсколько верстъ шириною—береговую полосу по Эгейскому морю, съ Святогорскимъ полуостровомъ включительно, гдѣ живутъ греки, то остальную Македонію надо считать населенною, какъ основнымъ и исконнымъ элементомъ, пародностями славянскими и, какъ пришлымъ и чуждымъ, хотя и давнимъ,—народностями турецкою (османлисы и потурченныя ими славянскія же племена), пелазгическою (албанцы-арнауты) и смѣшанною романо славянскою (куцовлахи). Изъ счета этого я совершенно исключаю юго-западную часть Македоніи, за рѣкою Быстрицею, гдѣ живутъ сплошь чистокровныя греки. Исключаю потому, что на эту часть Македоніи ни одно славянское государство—ни болгары, ни сербы—никогда и не заявляли никакихъ претензій: она инстинктивно тяготѣетъ къ одноплеменному и пограничному ей королевству эллинскому и, рано или поздно, когда ударитъ часъ раздѣла Македоніи, конечно, естественно и безпрекословно съ нимъ сольется.

Развитіе націонализма выдѣлило изъ пестраго населенія Македоніи, съ особенною яркостью, группы болгарскую и сербскую, а начинаеть выдѣлять—быстро и энергично растущую группу албанскую и несравненно менѣе значительную, гораздо болѣе спокойную и покуда совершенно не революціонную группу румынскую или куцовлашскую. Какъ съ дѣйствительными матеріалами возможной противотурецкой революціи, сейчасъ должно считаться лишь съ болгарами, сербами и съ тою промежуточною славянскою расою, которую считаютъ своею и сербы и болгары, и которую мнѣ въ Бѣлградѣ министръ

народнаго просвѣщенія, г. Маринковичъ, остроумно опредѣлилъ, какъ «Ur-Slave», «первобытные Дарвиновы славяне». Греки, равно какъ и фанатически преданное патриархату большинство осѣдлыхъ куцовлаховъ, могутъ быть разсматриваемы скорѣе, какъ начала вѣрноподашнически-охранительныя. Что касается албанцевъ, это—нація въ броженіи, страшно полная зародышейъ единовременно и анархіи и военно-аристократическаго деспотизма, равно опасная и для христіатнъ, для османлисовъ, и—даже для себя самой.

Сербское вліяніе сказывается на первобытномъ македонскомъ славяннѣ ярче въ сѣверныхъ областяхъ Македоніи, въ скоплійской Цриѣ-Горѣ, къ югу отъ Шаръ-Планины, раздѣляющей Старую Сербію отъ Македоніи. По картамъ Буэ и Макензи сербы живутъ въ Македоніи лишь на среднемъ теченіи рѣки Черный Дримъ, у Дибра. Лержанъ, кромѣ этого посела, намѣтилъ сербскія пятна вокругъ озера Прѣспы у Битоля, у Прилѣпа, на верхнемъ теченіи Вардара. Кипертъ и болгарскіе этнографы Кинчевъ и Офейковъ, равно какъ и старикъ Шафарикъ, не даютъ сербамъ вовсе мѣста въ Македоніи. Въ послѣднее время болгарская теорія въ македонской этнографіи встрѣтила сильную поддержку, такъ какъ на сторону ея стали русскіе ученые Милуковъ и Башмаковъ, а нѣсколько раньше извѣстный бельгійскій публицистъ Эмиль де-Лавелэ, который самъ, однако, въ Македоніи не былъ. Отрицаніе сербскаго элемента въ Македоніи — сейчасъ болгарскій національно-государственный догматъ. Равнымъ образомъ, сербскіе изслѣдователи столь же категорически отрицаютъ наличность въ Македоніи чисто-болгарскаго элемента. Изъ лицъ, авторитетно ихъ поддерживавшихъ въ отрицаніи этомъ, болѣе другихъ замѣчательны, бывшій много лѣтъ русскимъ консуломъ въ Салоникахъ, г. Ястребовъ. Вообще, надо сказать, что всѣ русскіе консулы, съ которыми я познакомился въ своемъ путешествіи по Македоніи, весьма

скептически относятся къ исключительнымъ претензіямъ и сербовъ и болгаръ на мѣстное этнографическое первоправіе. Такъ, напр., г. Ростковскій, битолійскій консулъ, въ трудѣ своемъ, обрабатывающемъ статистическія данныя этого округа, даже не рѣшился употреблять термины «сербъ», «болгаринъ», а придерживается, на турецкій манеръ, дѣленія по вѣроисповѣданіямъ, -- онъ пишетъ просто: славяне-патріархисты, славяне-экзархисты, славяне-мусульмане. Когда я, будучи въ Битоліи, спросилъ г. Ростковскаго, почему онъ держится такой осторожной классификаціи, онъ съ полною откровенностью отвѣтилъ, что, несмотря на свое семилѣтнее пребываніе въ Битоліи, полное постояннаго общенія съ мѣстными славянами, онъ до сихъ поръ не рѣшается опредѣлить, гдѣ въ послѣднихъ проведена граница между болгарининомъ и сербомъ. Предположеніе, стать на сторону котораго позволяю себѣ и я — то-есть, что основной македонско-славянскій элементъ есть ли болгарскій ли сербскій, а лишь болгаризованный или посербленный — также высказано г. Ростковскимъ въ предисловіи къ его статистической работѣ. Ту же гипотезу слышалъ я и отъ г. Н. А. Илларионова, консула въ Салоникахъ, тридцать лѣтъ изучающаго Балканскій полуостровъ. Нарочно умалчиваю о мнѣніи ускубскаго консула В. Ѳ. Машкова, такъ какъ оно для болгаръ — мертвая точка: они слышать не хотятъ имени Машкова, почитая его кровнымъ своимъ врагомъ и предвзятымъ сербофиломъ. (См. въ концѣ книгѣ *Приложеніе А*).

Разсматривая македонцевъ, какъ матеріалъ для будущей національно-государственной единицы, сомнительнымъ въ пользу ихъ показаніемъ являются, конечно, не вышнія этнографическія сужденія, кто они — болгары или сербы, а прежде всего то, что они сами этого не знаютъ, что они — народъ безъ сознанія національности. Въ округахъ битолійскомъ, салоникскомъ, ускубскомъ вы пайдете тысячи людей, которые на вѣку своемъ побывали и греками, и

болгарами, и сербами. Вы найдете семьи, гдѣ одинъ братъ говорить: «азъ бугаринъ съмъ» — а другой «я србинъ». Вы найдете славянъ, объявляющихъ себя греками, но не понимающихъ по-эллински даже «эвхаристо», «киріе», «паракало» и т. п., это такъ-называемые греки-болгарофоны. Вы найдете поповъ, которые служатъ обѣдно по-болгарски, а жены ихъ плачутся, что всѣмъ бы хорошъ былъ для нихъ экзархатъ, да вотъ бѣда—въ болгарскомъ-то языкѣ опѣ смыслятъ почти такъ же мало, какъ въ греческомъ.

По національному характеру, македонцевъ можно назвать малороссами Балканскаго полуострова. Промежуточное положеніе Македоніи между Болгаріей и Сербіей, если хотите, можно также сравнить съ положеніемъ Украины XVII вѣка между Польшею и Москвою,—съ тою разницею, что за Украину боролась православная Москва съ католическою Польшею, а здѣсь борьба осложнена еще единствомъ православнаго исповѣданія въ обоихъ тяжущихся государствахъ. Ибо, хотя вселенская церковь и признаетъ экзархатъ схизмоу, по въ общежитіи взглядъ этотъ не отражается серьезнымъ раздѣленіемъ славянъ - патріаршатовъ отъ славянъ-экзархистовъ на почвѣ религіозной. Раздѣленіе обостряется лишь, когда въ сферу его вносятся начала національно-политическія. Вообразимъ себѣ, что, застрявшихъ между Русью и Польшею, украинцевъ поляки стали бы дрессировать не насильственною, суровою латвискою ферулою, но дали бы имъ возможность культуры, согласной съ православными традиціями, взглядами, чувствами. Конечно, тогда не были Острапицы, ни Наливайки, ни Хмельницкаго, и малороссы, съ парфчіемъ ихъ, представляющимъ шагъ отъ русскаго языка въ сторону польскаго, были бы полонизированы польскою церковью, школою и администраціею съ такою же легкостью, какъ теперь руссифицировали ихъ русская церковь, школа и администрація. То же самое и съ Македоніею. Ея крестьянство—ни болгары ни

сербы, а промежуточный славянскій народъ, который съ равною легкостью можетъ превратиться и въ сербовъ и въ болгарь,—глядя по тому, чья школьная, церковная и политическая пропаганда возьметъ въ краѣ верхъ. Понадетъ Македонія подь вліяніе болгарь — будетъ болгарскою. Понадетъ въ распоряженіе сербовъ—будетъ сербскою. Всякій славянскій народъ можетъ ее привести къ своему знаменателю. Сербы сейчасъ оплошали—опоздали съ пропагандою противъ болгарь. Ну, а эти—надо отдать имъ полную справедливость—не изъ зѣвающихъ. Они завоевали Македонію такъ смѣло, ловко и быстро, что бѣднымъ сербамъ остается лишь глазами хлопать, слушая, какъ вчерашніе ихъ единомышленники и одноплеменники вдругъ ни съ того, ни съ сего начинаютъ говорить пресловутое:

— Бугаринъ съмь!—съ такою увѣренностью и гордостью, точно произносятъ они по меньшей мѣрѣ:

— *Cives romani sumus.*

За сравненіе македонцевъ съ украинцами болгарская печать трунила надо мною: вотъ де—Амфитеатровъ уже хохловъ въ Македоніи нашель!.. Хохловъ не хохловъ, а нѣчто въ родѣ хохловъ, только на балканскій ладъ. Ни полякъ ни великороссъ, безъ навыка, не могутъ ни понимать малороссійскую рѣчь, ни быть понятыми въ Малороссіи. То же самое и съ болгарамъ и сербамъ въ Македоніи.

Я не филологъ, и разобраться въ тонкостяхъ славянскихъ нарѣчій — задача не для меня. Но различить, говорятъ ли люди по-сербски, или по-болгарски, или на третьемъ языкѣ — ни сербскомъ ни болгарскомъ, по славянскомъ и близкомъ имъ обонмъ,—для этого не надо быть филологомъ, а просто надо имѣть уши, дабы слышать, и хотѣть слышать. Македонцы говорятъ ни на болгарскомъ языкѣ ни на сербскомъ,—они говорятъ на среднемъ нарѣчій, которое въ иныхъ мѣстностяхъ ближе къ болгарскому языку, въ иныхъ—къ сербскому. Такъ какъ близость македонскаго нарѣчія къ сербскому языку болгары объясняютъ

вліяніемъ сербской пропаганды, а близость къ болгарскому языку сербы точно такъ же объясняютъ вліяніемъ пропаганды болгарской, то я думаю, что оба правы, т. е. и сербы и болгары. Мы имѣемъ дѣло съ первобытною славянскою расою, податливою вліянію болѣе развитыхъ, славянскихъ же, народовъ.

Въ обществѣ сербскаго консула въ Ускюбѣ, г. Куртовича, я посѣтилъ нѣсколько деревень, населенныхъ македонцами, которые признаютъ себя сербами: они патриархисты, восхваляютъ въ пѣсняхъ короля Александра и т. д. Г. Куртовичъ говорилъ съ ними по-сербски, но я ясно слышалъ, что ему приходится ломать языкъ, приспособляя его къ нарѣчію своихъ собесѣдниковъ, и что къ отвѣтамъ ихъ онъ прислушивается съ вниманіемъ чужака — именно, какъ мы, москвичи и петербуржцы, должны прислушиваться, чтобы понять, когда намъ быстро и не стѣсняясь начинаетъ говорить что-либо полтавецъ или черниговецъ. Обратнo, что касается болгарскаго языка, то я въ томъ же ускубскомъ округѣ неоднократно бывалъ свидѣлемъ, что македонскіе селяки почти не понимали образованныхъ болгаръ, говорившихъ съ ними, а тѣ съ трудомъ разбирались въ отвѣтахъ селяковъ. Жалобы матерей на то, что сыновья ихъ возвращаются изъ болгарскихъ школъ съ языкомъ, еле понятнымъ родной семьѣ, — постоянное явленіе. Болгаре-шовинисты въ объясненіе его говорятъ, что причина такихъ недоразумѣній кроется въ рѣзкой разницѣ болгарскаго литературнаго языка, которымъ говорятъ въ школахъ, и народнаго, которымъ говорятъ въ семьѣ. Я, однако, смѣю возразить, что, во-первыхъ, врядъ ли въ языкѣ столь молодомъ и еще мало культурномъ, каковъ болгарскій, разница эта могла опредѣлиться съ значительною рѣзкостью. Вѣдь, если съ болгарскаго литературнаго языка снять наслоеніе необходимыхъ ему заимствованій изъ русской книжной рѣчи, то мы останемся съ самымъ чистымъ, почвеннымъ народнымъ говоромъ, потому что, къ чести бол-

гарь надо сказать, они неохотно принимаютъ въ языкъ свой барбаризмы не-славянскаго корня, и даже газетный жаргонъ ихъ грѣшитъ въ этомъ отношеніи гораздо меньше нашего. Во-вторыхъ, македонскіе селяки не понимаютъ не только дѣтей своихъ, возвращающихся изъ школы, но и родичей, долго прожившихъ на заработкахъ въ Болгаріи и затѣмъ, придя обратно, щеголяющихъ болгарскою рѣчью: это здѣсь — шпкъ своего рода, такой же, какъ у насъ — ввертывать въ разговоръ французскія слова, либо у кавказскихъ казаковъ — говорить по-татарски. Конечно, эти рабочіе, въ болгарскихъ своихъ отлучкахъ, вращаются не въ избранномъ обществѣ, говорящемъ на литературномъ языкѣ, а въ компаніи такихъ же рабочихъ, какъ сами они, говорящихъ на языкѣ села и улицы и лишь этотъ языкъ способныхъ передать чужакину. Но болгарскій простонародный жаргонъ оказывается столь же мало понятнымъ для не подготовленныхъ къ нему македонцевъ, какъ и школьный языкъ.

Самый искренній отвѣтъ македонскаго славянина на вопросъ, кто онъ, это — «я христіанинъ». Вотъ все, что о себѣ онъ знаетъ твердо и самостоятельно. Дальнѣйшее — слабо, сомнительно, какъ внушенный со стороны и плохо заученный урокъ. Сербы-интеллигенты постоянно попадали впросакъ, когда старались доказать миѣ наглядными примѣрами, что македонцы — сербы. Съ другой стороны, даже въ самой Софій, когда добродушнѣйшій и милѣйшій г. Стоянь Заимовъ хотѣлъ показать миѣ нѣсколькихъ крестьянъ изъ Македоніи, какъ сознательныхъ и убѣжденных болгаръ-націоналистовъ, мы наткнулись на то же осторожное, уклончивое и зыбкое — «я христіанинъ изъ Македоніи». Про встрѣчи съ македонскими мужиками въ самой Македоніи я уже и не говорю. Тамъ славянское село въ присутствіи сербскаго консула — одно, въ присутствіи болгарскаго агента — другое. Пріѣхаль я въ мѣстечко подъ Ускюбомъ, почитаемое болгарскимъ. Дѣти гуляютъ, школа сво-

бодна по случаю праздниковъ. Прошу: Спойте что-нибудь. Начинаютъ пѣть «Христось воскресе» — на общемъ православно-церковномъ, древле-славянскомъ языкѣ. Минуть черезъ десять является священникъ, перепуганный, смущенный, что паству его застали врасплохъ, безъ него. Умиротворили его кое-какъ, сидимъ, мирно бесѣдуемъ. Спрашиваю:

— А что, батюшка, учатся у васъ дѣти пѣнію?

— Какъ же!

— Нельзя ли, чтобы они что-нибудь спѣли?

Командуетъ:

— Пойте «Христось воскресе».

Дѣти переглядываются между собою смыслеными, но уже лицемѣрными глазами и поютъ «Христось воскресе» — но на языкѣ болгарскомъ, то-есть, съ прибавкою члена. Едва отъ земли, они, увы! уже знаютъ и — какъ угодить, за счетъ своей національности, сербамъ (потому что меня сопровождали сербы), и какъ надо вести себя при болгарскомъ начальствѣ, чтобы оно не сердилось.

III.

Ня кратковременность пребыванія въ краѣ, ни дурное знаніе языка, который я легко понимаю, но говорить на немъ не рѣшаюсь, не позволяютъ мнѣ вывести изъ личныхъ встрѣчъ съ простолюдинами-македонцами основательныхъ и рѣшительныхъ положеній за или противъ нихъ. Что же касается до свѣдѣній, которыя черпалъ я изъ источниковъ болѣе интеллигентныхъ и властныхъ — отъ консуловъ, агентовъ и духовенства и т. д., отзывъ о народѣ македонскомъ былъ, точно они спѣлись, всегда одинъ и тотъ же:

— Народъ развращенъ до такой степени, что, подъ слоємъ развращенности, почти неразличимы становятся его природныя добрыя свойства.

Греки видятъ источникъ развращенности въ экзархатѣ и болгарской церковно-политической пропагандѣ; болгары — въ грекахъ, которыхъ національный фанатизмъ то и дѣло являетъ въ глазахъ населенія злѣйшими врагами христіанской идеи, разъ она красуется на знамени пной народности; всѣ—и греки, и болгары, и сербы, и куцовлахи— въ турецкомъ гнетѣ; наконецъ, иностранные наблюдатели, а между ними и наши русскіе представители, наблюдая вопросъ объективно, со стороны, пришли къ пессимистическому выводу:

— Всѣ виноваты.

И врьдъ ли это не такъ въ самомъ дѣлѣ.

Народъ привыкъ созавать себя предметомъ борьбы національной и религіозной и питается отъ этой борьбы. У грековъ-патріаршистовъ, у болгарь-экзархистовъ пропаганда пріобрѣла характеръ какого-то политическаго спорта. Я отбилъ у болгарской схизмы пятьсотъ чловѣкъ! — восторгается греческій епископъ. А болгарскій митрополитъ язвительно возражаетъ: — А я подвелъ подъ экзархатъ новый приходъ въ семь деревень. Сербы-патріаршисты, — однако, ненавидимые греками-патріаршистами за твердое стремленіе къ славянскому богослуженію и славянскому епископату, — въ свою очередь, протискиваются въ пропаганду со своими вождельніями, насколько то позволяютъ имъ и малочисленность ихъ и незначительность средствъ. Народъ видитъ предъ собою столько проповѣдниковъ религін, что, въ концѣ-концовъ, теряетъ вѣру во всѣхъ нихъ и идетъ не къ тѣмъ, чье убѣжденіе вѣры ему внятнѣе и ближе къ сердцу, но къ тѣмъ, съ которыми оставаться выгоднѣе житейски, кто даетъ паствѣ большія удобства политическія и матеріальныя. Народъ тянуть сразу въ нѣсколько вѣръ, но ни одна изъ нихъ не есть религія божественная: все это — лишь политическія доктрины, прикрытыя церковными формами. И народъ, инстинктомъ понимая ихъ безразличіе въ этомъ отношеніи, созавая равное

отсутствіе въ нихъ духовности, съ поразительною легкостью переходить отъ одной къ другой: равнодушно отказывается отъ патріархіи, чтобы поддаться экзархату; равнодушно разстается съ «схизмою» экзархата, чтобы возвратиться подъ сѣнь патріархата. Даютъ мужику по франку въ сутки, — онъ зоветъ себя сербомъ-патріаршистомъ; воспитываютъ даромъ его дѣтей въ школахъ, — онъ болгаринъ-экзархистъ.

— Пусть явится сюда завтра китайская миссія, — съ горечью говорилъ мнѣ одинъ изъ здѣшнихъ русскихъ представителей, — и завтра же ей наведутъ тысячи дѣтей, лишь бы ихъ кормили, поили, одѣвали, обували.

Подумать только, что въ пныхъ деревняхъ крестьяне получали отъ сербскихъ консуловъ жалованья (30—40 франковъ въ мѣсяць) подъ условіемъ считать и называть себя сербами!

— Послушайте, — сказалъ однажды такому оплаченному сербу сербскій консуль, потерявъ терпѣніе платить, — вы получили съ насъ уже очень много денегъ; пора бы вамъ сдѣлать что-нибудь для вашего отечества даромъ, во имя патріотизма.

— Ахъ, г. консуль! — ехидно отвѣчалъ проходивецъ, — это будетъ ужасно неприятно для васъ, потому что — покуда я получаю отъ васъ деньги, патріотизмъ говоритъ мнѣ, что я сербъ, но, едва у меня пусть карманъ, онъ начинаетъ увѣрять меня, будто я болгаринъ.

На греческомъ духовенствѣ — развратномъ, корыстолюбивомъ, фанатически эллиниствующемъ — лежитъ великій грѣхъ: оно отбило македонскій народъ отъ вѣры въ смыслѣ и духъ христіанства и оставило его — даже не при буквѣ вѣры Христовой, нѣтъ: при чисто-внѣшнемъ, механическомъ, равнодушномъ обрядѣ, исполняемомъ безъ пониманія, съ формулами, пропносимыми на чужомъ языкѣ и чрезъ то принимающими для простаго человѣка харак-

теръ скорѣ какихъ-то суевѣрныхъ заклинаній, чѣмъ моленій къ Богу живому.

Что такое грекъ-епископъ, грекъ-священникъ для македонскаго славянина? Прежде всего—злѣйшій врагъ его народности, человѣкъ, приходящій въ бѣшенство до пѣны у рта (это я не преувеличиваю, а, къ сожалѣнію и даже къ отвращенію моему, пишу съ натуры), когда его прихожанинъ называетъ себя болгаринномъ, сербомъ. Это — духовный воевода, чужакъ, присланный на кормленіе мужицкимъ славянскимъ горбомъ. Воевода безжалостный, въ родѣ, напр., нѣкоего Виссаріона въ Охридѣ, на чьи варварскія вымогательства, опиравшіяся на поддержку турецкихъ властей, паства, въ конецъ обобранная, жаловалась не только патріарху и мѣстнымъ консуламъ, но даже и послѣдней и отчаянной инстанціи здѣшней,—еще могучей тамъ, гдѣ уже безсильны и вали, и патріархъ, и консулы, — горлопому разбойничеству! Неправда ли, недурная картинка? Разбойникъ, приглашаемый для внушенія духовному паствырю правилъ безкорыстія и порядочности?!

Безумный и безуспѣшный фанатизмъ греческаго духовенства къ эллинизации края сдѣлалъ изъ патріаршескаго клира постыдную и всѣмъ ненавистную клику шпіоновъ турецкаго правительства противъ славянъ. Сами ревностные агитаторы противъ турокъ на почвѣ эллисской, греческіе епископы, попы, монахи—гораздо болѣе турки, чѣмъ сами турки, когда дѣло идетъ о преслѣдованіи славянской іерархіи и ея приѣмлющихъ. Мнѣ пальцами указывали на греческихъ іерарховъ, которые являются не только пособниками турокъ, нѣтъ,—сыщцками, инициаторами гоненій противъ сторонниковъ національныхъ церквей, болгарской и сербской.

Все, въ области церкви и школы, что уклоняется отъ служенія филэллинизму, мечтая о самобытности, находитъ въ греческомъ духовенствѣ враговъ пылкихъ и свирѣпыхъ. Вторженіе какой-либо иной рѣчи, кромѣ языка

греческаго, въ богослуженіе и школьное преподаваніе приводитъ ихъ въ неистовство, не только отвратительное нравственно, но и глупое политически. Не говоря уже о томъ, что несогласія такого рода создали грекамъ могущественнаго и злѣйшаго врага ихъ—болгарскій экзархатъ, дикій націоналистическій фанатизмъ патріаршествовъ отталкиваетъ отъ нихъ село за селомъ, племя за племенемъ, область за областью. Это не слуги Христовы, это слуги византійской тирании, самозванно и кощунственно прикрывающейя, всеу пріемлемымъ, именемъ Христа. Башни-бузукъ мухаммеданинъ пріятнѣе имъ православнаго христіанина, имѣющаго дерзость называть себя не грекомъ, но сербомъ или болгаринномъ и читать божественную службу на родномъ языкѣ. Дѣятель албанскаго возрожденія, Аврамиди, жертвуетъ общинѣ Корча 500 тыс. франковъ на школы, съ тѣмъ, чтобы преподаваніе въ нихъ велось на албанскомъ языкѣ. Греческій митрополитъ надменно отклоняетъ предложеніе: албанцы должны узнавать религію и грамоту только по-гречески. Тогда за предложеніе Аврамиди съ радостью хватаются албанцы-мухаммедане и устраиваютъ національныя школы смѣшаннаго характера,—однако, съ преобладаніемъ, конечно, мусульманскаго элемента. Мусульманская пропаганда торжествуетъ. Христіанство принесено въ жертву филэллинизму. Здѣсь фанатикъ-грекъ прекратилъ чтеніе евангелія на славянскомъ языкѣ. Тамъ—изъ эктеніи выбрасывается моленіе о всѣхъ православныхъ христіанахъ, замѣняясь моленіемъ о всѣхъ *греческихъ* церквахъ. Это—духовенство не любви, а ненависти. Какъ нѣкогда распрями своими оно погубило Византію и сдало туркамъ Константинополь, такъ и теперь, ничему не научившись и ничего не забывъ, греческіе архіереи и священники служатъ полумѣсяцу противъ креста,—быть-можетъ, сами того, въ узкомъ эгоизмѣ своемъ, не сознавая. И диво ли, что такое духовенство не въ состояніи поддержать уваженія народнаго ни къ себѣ

самому ни къ религiи, коея оно является органомъ? Диво ли, что патриаршество сейчасъ разбито въ Македонiи по всему фронту, и католики, методисты, наипаче же болгарскiй экзархатъ—теперь главная духовная сила здѣшняя — уже дѣлятъ между собою наслѣдiе всѣмъ постылаго Фанара?

IV.

Экзархатъ, могучее орудiе болгарскаго національнаго объединенiя, является самымъ твердымъ и надежнымъ оплотомъ болгарскаго напора на Македонiю, которую онъ увѣренно, упорно и послѣдовательно болгаризировалъ черезъ церковь и школу. Противъ такого мирнаго завоеванiя края много кричали и кричатъ, но противъ него ровно ничего не имѣетъ самъ народъ, ему подвергающiйся. Когда бiтолийскiй грекъ или ускиюбскiй сербъ жаловались мнѣ на обиды, тершимыя ими отъ болгарской церкви и школы, я всегда думалъ одно и то же:

— А кто же виноватъ въ томъ, что болгарская церковно-школьная пропаганда умнѣе, энергичнѣе, наглядно полезнѣе для народа, чѣмъ ваша? Кабы вы сами не зѣвали, такъ не болгары бы васъ болгаризировали, а вы посербили бы либо погречили болгарь. Македонiя, съ ея промежуточною славянскою расою, ея населяющею, брошена на распутии, какъ *res nullius*. Вы ею безпечно пренебрегали. Болгарiя же подобрала ее, какъ национальность, въ свой карманъ, и теперь *jus primi occupantis* даетъ ей полное основанiе видѣть въ Македонiи свое имущество и дѣтище и стоять за нее, какъ за свою.

Одинъ русскiй дипломатъ, слывшiй за сербофила, сказалъ мнѣ о сербахъ слѣдующiя знаменательныя слова, во многомъ справедливыя.

— Жаль сербовъ, но имъ въ Македонiи сейчасъ съ

болгарами не совладать. Сербы — нація милая, мягкая, умная, но глубоко несчастная и нездоровая. Эти люди, если можно такъ выразиться, національно переутомлены. Пятисотъ лѣтъ самостоятельной борьбы за свободу вымотали ихъ первы, — духъ у нихъ силенъ, но плоть немощна. Болгары же — племя молодое, свѣжее, земляное. Они грубы, практичны; они — плоть, люди, въ полномъ смыслѣ слова, отъ міра сего. Они не растрачивали своихъ силъ ни въ освободительныхъ возстаніяхъ, ни въ политическихъ революціяхъ. И свободу, и государственное устройство, и войско — все! — имъ поднесла Россія даромъ, на блюдѣ. Пальцемъ о палець не ударивъ, чтобы добыть все это, они — въ то время, какъ сербы истощали — сберегли себя во всемъ своемъ черноземномъ могучествѣ. И, — оставляя въ сторонѣ всякіе споры о правахъ историческихъ, церковныхъ, этнографическихъ, — картина сербоболгарской распри въ Македоніи ясна и проста: на узенькомъ мостикѣ — въ пору пройти одному человеку — встрѣчаются здоровенный, грубый и безпардонный рабочій и нервный, вялый, истощенный, анемичный баричъ. Уступить дороги ни тотъ ни другой не хотятъ, — пруть грудью другъ на друга. Когда они столкнутся тѣло къ тѣлу, не очевидно ли, кому изъ двухъ придется лѣзть подъ мостъ, и кто, побѣдителемъ, пойдетъ своею дорогою?

Въ противовѣсъ лѣни или неумѣнью сербовъ вести политико-національную пропаганду, болгары удивительно ловкіе, настойчивые и пылкіе агитаторы. Школами, церковнымъ вліяніемъ, цѣлою тучею торговыхъ и политическихъ эмиссаровъ имъ удалось оболгарить въ Македоніи даже и то, что въ ней еще не было болгарскимъ. И, — сверхъ того, — оболгаривъ, водворить въ населеніи вѣру въ себя и страхъ предъ собою, воспреещающіе оболгаренымъ разболгариваться.

Болгары смѣются надъ наивностью сербскихъ апологетовъ, увѣряющихъ, будто болгаризація мѣстнаго населенія началась съ учрежденіемъ экзархата, т. е. съ 1872

года, будто до русско-турецкой войны здѣсь жили только сербы, а нынѣшнее признаніе македонцевъ «бугаринъ сѣмъ» есть результатъ не болѣе, какъ тридцатилѣтней болгарской пропаганды.

— Вотъ какіе мы молодцы-пропагандисты, — трупятъ болгары: — греки работали тысячу лѣтъ, чтобы эллинизировать славянъ, и не успѣли огречить ни одного уголка въ Македоніи. А мы въ четверть вѣка — видите ли — передѣлали всѣхъ македонскихъ сербовъ въ болгарь!

Лишь весьма незначительная часть болгарскаго духовенства и школьнаго персонала въ Македоніи остается нейтральною въ дѣлѣ освободительнаго движенія. Большинство — либо вѣрные слуги, либо полномочные агенты, либо даже вожаки и заправилы революціи. Когда священникъ становится революціонеромъ, это — грозная сила. Ее явили польскіе ксендзы-повстанцы и разстриги великой французской революціи. Недаромъ же Гюго, когда ему надо было создать для «93 года» фигуру, полную революціоннаго фанатизма. — истинно безпощаднаго, неуклоннаго, неотвратимо-последовательнаго, какъ сама судьба, — выбралъ героямъ бывшаго священника.

Я вспомнилъ этого героя, когда говорилъ съ Синезіемъ, болгарскимъ митрополитомъ въ Ускюбѣ. Турки зовутъ Синезія «Башъ-Катилъ», т. е. атаманъ убійць, слагая на совѣсть и имя почтеннаго болгарскаго настыря рѣшительно всѣ политическія преступленія, какими такъ богата Скопійская епархія. То же самое мнѣніе держится и о Максимѣ Велесскомъ, при чемъ кладутъ между двумя іерархами только ту разницу, что Синезій, какъ человекъ дикій, необразованный, грубѣе и смѣлѣе въ дѣйствіяхъ, и прикосновенности своей къ революціонному террору почти не скрываетъ, а Максимъ — больше «византіецъ», какъ зовутъ здѣсь ловкихъ и двусмысленныхъ политиковъ. И противъ такихъ-то людей сербы выставили своего слабодушнаго, безхарактернаго, часто выпивающаго Фирми-

ліана! Максима Велесскаго я не видаць, а Синезій про-изводитъ весьма внушительное впечатлѣніе. Широкоплечій великанъ, съ огромною сѣдою бородою лопатою, съ жесткими, смыслеными сѣро-голубыми глазами, онъ, правду сказать, похожъ не столько на архіерея, сколько на Безсуднаго изъ комедіи «На бойкомъ мѣстѣ». Встрѣтити подобную фигуру подъ вечеръ въ глухомъ переулкѣ не весьма пріятно. При всемъ томъ, онъ мнѣ понравился: человекъ убѣжденный, прямолинейный, не льстивый, мало заботливый казаться лучше своей репутаціи и, вообще, кажется, къ чужому мнѣнію о немъ довольно безразличный. Струминицкій митрополитъ Герасимъ — человекъ, который, кажется, и самъ на себя удивляется: почему онъ митрополитъ? Нравственность балканскаго духовенства, какъ говорено неоднократно, вообще стоитъ не на высокомъ уровнѣ, но этотъ Герасимъ — безобразникъ уже совсѣмъ изъ рукъ вонъ, терпимый самими болгарами только ради его патристическаго усердія. А впрочемъ, иные скептики даже и послѣднее подвергаютъ сомнѣнію, увѣряя, будто иногда Герасимъ одною ногою стоитъ въ революціонномъ комитетѣ, а другою въ полицейскомъ участкѣ и продаетъ туркамъ товарищей-революціонеровъ. Вѣрно ли это, — Богъ знаетъ.

Часть македонцевъ оболгарилась, другая, менѣе численна и значительная, цосербилась, но — несмотря на вліяніе церкви и школы греческой — эллинизированныхъ славянъ въ Македоніи нѣтъ. Когда македонецъ говоритъ про себя: «Я грекъ» — это совсѣмъ не значитъ, чтобы онъ принадлежалъ къ греческой національности. Девять десятыхъ изъ называющихъ себя греками не знаютъ и не понимаютъ ни единого слова по-гречески. «Грекъ» въ Македоніи значитъ либо прихожанинъ православной церкви, патриаршисть, либо — въ сельскомъ обиходѣ — «горожанинъ», «человекъ изъ города»: пережитокъ весьма древнихъ временъ, когда европейскій и азіатскій міръ дѣлился

на двѣ половины—грубую варварскую деревенщину, под лежавшую покоренію мечомъ и затѣмъ цивилизаціи, и городскую греческую силу, побѣждавшую деревенскихъ варваровъ и распространявшую между ними свѣтъ своихъ институцій, наукъ и искусствъ.

Какъ балканскіе славяне злоупотребляютъ словомъ «грекъ» въ этомъ послѣднемъ значеніи, рассказалъ мнѣ болгарскій ученый Офейковъ, — притомъ безъ всякаго задняго умысла, просто какъ курьезный анекдотъ о «дурости деревенщины». Путешествуя по Россіи, забрелъ онъ въ одно изъ болгарскихъ селъ Бессарабіи. Видитъ: крестьяне держатся обычая, выпесеннаго изъ Задунайской родины, крѣпко, языкъ помнятъ отлично, — словомъ, за національность и предапія свои держатся обѣими руками. Спрашиваетъ:

— Ну, а священникъ и учитель имѣются у васъ?

— Какъ же! Хорошіе люди, дай Богъ имъ здоровья.

— Ваши же односельчане?

— Нѣтъ, прежде были наши, а какъ померли, такъ намъ прислали грековъ.

Это объясненіе, конечно, ударило болгарскаго ученаго, фанатика-націоналиста, ножомъ въ сердце: какъ?! греческое духовенство въ болгарскомъ селѣ?! Идетъ къ священнику. Тотъ оказывается болгаринъ. Ученый—въ недоумѣніи.

— Батюшка, — проситъ онъ, — скажите, какого вы происхожденія?

— Разумѣется, болгаринъ.

— Почему же прихожане зовутъ васъ грекомъ?

— А потому, — смѣется попъ, — что я родомъ изъ Кишинева и учился въ Кишиневѣ. По ихнему болгаринъ — селякъ, который живетъ и землю пашетъ. А въ городахъ живутъ греки. Ну, а я, хоть и болгаринъ, — городской обыватель; стало быть, для нихъ выходитъ — грекъ.

Недоразумѣнія въ томъ же родѣ бывали и со словомъ «србинъ», сербъ. Гильфердингъ свидѣтельствуетъ, что

«србинъ» значить въ старомъ балканскомъ обиходѣ — «православный» народъ. — Я се чудимъ, говорятъ Гильфердингу помаки, — я се чудимъ, да е вашъ Царъ помого Нѣмцу на Мадяра: вашъ Царъ е *Србинъ*, а нѣмецъ е шокаць (католикъ)... Исслѣдователи-сербофилы, какъ Гопчевичъ, усерднѣйшимъ образомъ заносили въ свои списки сербами всѣхъ, кто называлъ себя сербиномъ лишь въ смыслѣ принадлежности своей къ сербской, т. е. православной вѣрѣ.

Еще недавно, путемъ поддѣльной и удивительно наглой, но претензіямъ своимъ, статистики, греки, пользуясь такими недоразумѣніями въ фразеологіи народной, что называется, втирали очки Европѣ, представляя все македонское населеніе эллинскимъ (до милліона душъ), отчисляя на прочіе національные элементы лишь весьма ничтожныя процентныя доли. Турецкая власть, вообще съ греками живущая дружно, покровительствовала грекамъ и вольно и невольно. Вольно — потому, что считала грековъ благонадежнымъ элементомъ, а славянъ — бунтовскимъ, и, слѣдовательно, признаніе македонца, что онъ грекъ, являлось для него, въ глазахъ турокъ, какъ бы аттестаціей вѣрно-подданничества. Невольно — потому, что турецкая власть вообще не считается съ національнымъ дѣленіемъ своихъ народовъ, а признаетъ лишь религіозное. Въ замѣнъ статистики по національностямъ, у нея имѣются рекрутскіе списки, раздѣляющіе мусульманъ, подлежащихъ воинской повинности (пуфузь), отъ христіанъ, платящихъ освободительный отъ воинской повинности налогъ (бедели-аскеріэ) Для нея существуютъ православные, католики, іудеи, мусульмане, гебры, но о народности православныхъ, католиковъ, іудеевъ etc. турецкая власть говоритъ лишь тогда, когда эта народность и исповѣдуемая ею религія сливаются для нея въ общій и нераздѣльный символъ. Православная вѣра — для турокъ, греческая вѣра. Вотъ почему и сыграла такую важную роль въ исторіи болгарскаго возрожденія и

освобожденія экзархатъ, отдѣлившій болгаръ отъ вселенскаго патріархата въ отдѣльную группу. Какъ народность, болгаре не выдѣлялись во мнѣніи турокъ изъ ряда другихъ «румъ-милети». Но, когда туркамъ выяснилось, что болгаре—не греческой вѣры, а своей собственной, болгарской,—они, хотя и съ крайнимъ неудовольствіемъ, полные самыхъ тяжелыхъ предчувствій, принуждены были признать болгаръ новою, спеціальною народною единицею. Вотъ почему также каждый шагъ пропаганды въ Македоніи для серба вдесятеро труднѣе, чѣмъ для болгарина, и вся сербская пропаганда бесплодна сравнительно съ болгарскою. Турки признаютъ право проповѣди за каждую вѣрою и глубоко равнодушны къ распредѣленію прозелитовъ между христіанскими исповѣданіями, — лишь бы не обращали въ христіанство мусульманъ. Экзархатъ, дающій македонцу, кромѣ религіознаго удовлетворенія, еще и клеймо національности, естественно, при такой терпимости, долженъ былъ развиться пышнымъ цвѣтомъ, — тогда какъ сербизмъ, попрежнему закованный въ эллиническіе кандалы, отставалъ отъ болгарской религіозно-политической пропаганды на всякомъ шагу. Болгары несли македонскому народу дары осязательные: славянское богослуженіе, славянскую школу и, главное, офіціально признанную національность. Сербамъ же — что касается богослуженія и школы — до сихъ поръ приходится выпрашивать славянскаго языка, какъ милость, или отвоевывать силою и скандалами у греческихъ епископовъ, сплошь фанатиковъ-эллинистовъ. А національность... Я спросилъ высокопоставленнаго турка, Хамди-Пашу: много ли, по его мнѣнію, въ Македоніи сербовъ?

Паша (N.B. Мать его сербка) сдѣлалъ наивное лицо и отвѣчалъ:

— Ни одного серба. Сербы живутъ въ Сербіи и въ Австріи. Мы же знаемъ только людей греческаго вѣроисповѣданія, которые, правда, говорятъ сербскимъ язы-

комъ, по это — ихъ дѣло; для насъ оно — не причина, чтобы считать ихъ сербами.

Хамди-паша, aide de camp султана, изящнѣйшій и сладкорѣчивѣйшій турокъ, съ какимъ только приходилось мнѣ встрѣчаться. Онъ занимаетъ постъ инспектора пограничныхъ войскъ, что, помимо чисто военныхъ обязанностей, возлагаетъ на этого молодого генерала и огромную политическую отвѣтственность. Хамди-пашу считаютъ не только австрофиломъ, но и вовсе «австрійскимъ человѣкомъ». Однако, въ разговорѣ со мною онъ ругалъ австрійцевъ и австрійскую политику такъ, что даже мнѣ вчуждѣ ихъ жаль стало, и превозносилъ насъ, русскихъ, съ которыми-де турки честно дерутся, честно и мирятся, — не то, что съ Австріею, которая всегда ведетъ себя *comme une putaine*. Австрійцу онъ, по всей вѣроятности, гдѣль бы пѣсни совершенно обратнаго содержания. Вообще, красавецъ сей, кажется, воображалъ, что я не успѣлъ еще освѣдомиться о здѣшнихъ дѣлахъ, и потому вралъ мнѣ въ глаза всякія небылицы съ самою восхитительною дерзостью. Я, конечно, слушалъ его съ невозмутимымъ спокойствіемъ и дѣлалъ видъ, что вѣрю каждому его слову. А эффектный генералъ! Всего тридцать лѣтъ отъ роду ему, а — какъ началъ онъ мнѣ хвалиться всѣми орденами, что понавѣшали на него власти турецкія и иноземныя, даже смѣшно стало: не человѣкъ — шкюпостась ходячій! Если когда-нибудь будемъ воевать съ турками, отъ души желаю, чтобы Хамди-паша попался въ плѣнъ: провинціальныя барыни, столь блистательно доказавшія свое турколюбіе во время прошлой войны, будутъ отъ него безъ ума, и въ Калугѣ или Вязьмѣ какой-нибудь онъ проблится въ продолженіе своего полна, какъ излюбленный и несравненный левъ.

Одною фразою Хамди-паша обмолвился, однако, мѣтко и зловѣще.

— Сербы и болгары, — сказалъ онъ, — такъ увлеклись, дѣля между собою Македонію, что, кажется, совершенно

позабыли, что мы, турки, тоже присутствуемъ здѣсь немножко. А ну—какъ мы это имъ напомнимъ?

Разговаривали мы въ купе поѣзда между Ускюбомъ и Приштиною. Спутникъ мой, извѣстный сербскій націоналистъ Свѣто Симичъ, вступился въ бесѣду горячимъ и страстнымъ протестомъ... Хамди-паша продолжалъ журчать сладкорѣчіемъ и невозмутимо доказывалъ, что славяне изъ автономій преувеличиваютъ несчастія своихъ зарубежныхъ земляковъ.

— Конечно, я не скажу, чтобы въ Скопійскомъ вилайетѣ царили полный порядокъ и благополучіе. Но неурядицы, которыхъ вы свидѣтели, возникли не сейчасъ, не внезапно. Имъ четыреста лѣтъ. По-моему, теперь здѣсь даже тише, чѣмъ было раньше...

— Какъ тише?!—возопилъ Симичъ,—а аресты ваши ужасные?! Кто изъ славянъ подъ турецкою рукою засыпаетъ съ увѣренностью, что въ ночи не отведутъ его въ тюрьму?

Красивое лицо Хамди приняло выраженіе холодной злобы.

— Позвольте, позвольте! — медленно и полицейски-повелительно сказалъ онъ. Мы никакихъ *славянъ*, никакихъ *сербовъ*, никакихъ *болгаръ* не арестуемъ,—мы арестуемъ подданныхъ его величества султана, злоумышляющихъ противъ цѣлости его имперіи. Если вы покажете намъ европейское государство, гдѣ политическихъ сепаратистовъ не арестуютъ,—мы, пожалуй, тоже пустимъ гулять на свободу всѣхъ своихъ...

Созданіе экзархата было несомнѣнно величайшимъ и геніальнѣйшимъ актомъ національной болгарской политики, и, признаюсь, я всегда съ досаднымъ смѣхомъ читаю кабинетныя разсужденія, время отъ времени появляющіяся въ нашей періодической печати, что—пора-де болгарамъ образумиться, разстаться со своею «схизмою» и, подъ условіемъ тѣхъ или другихъ компромиссовъ, раскаянно

возвратиться въ лоно патріархата. Говорить о схизмѣ, разбирая въ петербургскомъ кабинетѣ главы и статьи капо-ническихъ книгъ, писанныхъ тысячи и сотни лѣтъ назадъ, очень легко; но — когда вы видите болгарскій народъ и жизнь его не въ отвлеченномъ представленіи, а въ практическомъ обиходѣ, то еще легче становится понять, и развѣ слѣпой упрямецъ понять не захочетъ, что «схизма» эта и болгарская народность — едино суть. Требовать у болгаръ отказа отъ «схизмы» и подчиненія Фанару значитъ требовать, чтобы они перестали сознавать себя отдѣльною самобытною національностью, чтобы новая клѣточка культурнаго славянства отдала себя въ византійское рабство, въ руки тупыхъ, отстаыхъ, пропитанныхъ средневѣковыми предразсудками монаховъ-эллиновъ, дико враждебныхъ всему славянскому на Балканскомъ полуостровѣ, а ужъ въ особенности болгарамъ, какъ успѣшнымъ и побѣдоноснымъ своимъ противникамъ.

Фанариоты и греческія притязанія въ Македоніи имѣютъ своихъ сентиментальныхъ защитниковъ въ русской печати. Я думаю, — повторю еще разъ, — что защитники эти руководятся исключительно кабинетными соображеніями, почерпнутыми изъ историческихъ воспоминаній... трогательныхъ, правда, но — увы! — уже пятисотлѣтней давности. За греческимъ духовенствомъ имѣется великая историческая заслуга, что оно вѣками отстаивало и отстояло православіе подъ Балканами. Но нельзя не согласиться, что греческое православіе, въ теченіе борьбы своей съ исламомъ — борьбы податливой, поклонной, придворной, — почти потеряло характеръ религіознаго символа и переродилось въ символъ политическій, дающій извѣчно и en gros такой же просторъ національнымъ вождельніямъ эллинизма, какъ экзархатъ открылъ просторъ вождельніямъ болгаризма. И вотъ этого-то послѣдняго, и только этого, Фанаръ и не въ силахъ простить болгарскому экзархату.

Еслибы поклонники фанариотовъ видѣли кумировъ

своихъ въ дѣйствіи, то врядь ли славянское чутье позволило бы имъ продолжать свою защиту этихъ ненавистниковъ всего славянства и—прежде всего—Россіи. Мы добродушно повторяемъ за греками слова о болгарской «схизмѣ», но вѣдь, положа руку на сердце, нельзя не сознаться, что и сами мы—для грековъ—тоже своего рода схизматики, признаваемые ими за православныхъ *de jure* и явно, но втайнѣ и *de facto* совсѣмъ имъ не симпатичные. Для грека православіе царитъ только тамъ, гдѣ грекъ епископъ, гдѣ обѣдня служится и евангеліе читается—по-гречески. Въ то время, какъ вѣковая борьба съ духовнымъ наслѣдіемъ Лютера выучила самый Римъ признавать свободу религіознаго языка и священства, потомки византійцевъ фанатически ухватились теперь за исключительность своихъ правъ на эллинскія основы православія, и фанатизмъ ихъ—прямая и главнѣйшая причина, что тысячи балканскихъ христіанъ уклоняются отъ православія, уходятъ въ схизму болгарскую и въ другія вѣроисповѣданія.

— Вы, русскіе, во всемъ виноваты! — вырвалось однажды въ разговорѣ со мною у греческаго патріота Т.—Вы,—именно вы, воображающіе себя покровителями и защитниками православной вѣры!

— Какъ же это такъ мы стали виноваты? чѣмъ? почему?

— Потому что вы своими освободительными войнами разбудили проклятую гидру націонализма, и она теперь поднимаетъ противъ насъ десятки головъ. Болгары, сербы, албанцы, румыны—всѣ объявляютъ себя отдѣльными народностями, требуютъ національныхъ церквей.

— Позвольте! да вѣдь эти національныя церкви будутъ все же православныя?

Собесѣдникъ мой пожалъ плечами и возразилъ:

— Онѣ не будутъ греческими.

— Но—православными?!—настаивалъ я.

Тогда онъ вышелъ изъ себя и почти закричалъ:

— Да какое намъ до этого дѣло? Разъ онъ перестануть быть греческими, могутъ идти хоть цѣловать туфлю римскому папѣ, прикладываться хоть къ гробу Магомета въ Меккѣ! Неужели вы не понимаете, что каждое такое выдѣленіе церкви и національности—тяжелый ударъ по византійской идеѣ, по величайшей государственной идеѣ, какая когда-либо управляла міромъ?

— Ахъ, вотъ что! Мечты о византійской имперіи! А не находите вы, что онѣ... того... нѣсколько устарѣли?

Грекъ упрямо покачалъ головою.

— Что было наше, будетъ вновь наше.

— И Константинополь? И Святая Софія?

— Конечно. И храмъ св. Ирины, гдѣ засѣдалъ вселенскій соборъ... и все!

— И скоро вы надѣетесь вновь благопріобрѣсти все это?

— Разумѣется, какъ только турки будутъ выброшены изъ Европы въ Малую Азію.

— Такъ. Ну, а какимъ же способомъ надѣетесь вы добиться столь счастливаго историческаго оборота?

Собесѣдникъ мой вытаращилъ на меня глаза съ самымъ наивнымъ изумленіемъ: этакихъ, молъ, общензвѣстныхъ пустяковъ человѣкъ сообразить не можетъ!

— Какъ—какимъ?! Да вы же, русскіе, придете выгнать ихъ и возстановить крестъ на Св. Софіи!

Очередь вытаращить глаза была за мною.

— Ну, хорошо: придемъ, выгонимъ, возстановимъ. Но вамъ-то какая отъ того польза?!

— Та польза, что вы не въ состояніи будете удержаться въ Константинополѣ, уйдете и отдадите его намъ.

Я не выдержалъ, расхохотался.

— Ахъ, такъ это, значитъ, мы будемъ стараться для васъ?

А онъ—пренаивно:

— А то—для кого же? Это ваша историческая задача!

Бредни, скажете? Конечно, бредни. Но—характерныя и распространенныя. Объ этихъ «греческихъ бредняхъ» съ неудовольствіемъ писали уже русскіе государственные люди эпохи Александра I. Наша русско-турецкая война, создавшая Болгарію, не прощена намъ греческими фанатиками. И не будетъ прощена. Ихъ мнѣніе:

— Русскіе надѣлали, чортъ знаетъ чего! Вмѣсто того, чтобы взять Константинополь и возстановить престолъ Комненовъ и Палеологовъ, они насочинили какихъ-то си-волапыхъ славянскихъ государствъ, которыя знать насъ не хотятъ, растутъ и множатся, и—чѣмъ больше множатся и растутъ—тѣмъ далѣе и далѣе призраки Комненовъ и Палеологовъ уходятъ отъ насъ въ глубь вѣковъ...

V.

Пасха застала меня въ Монастирѣ, довольно-таки захудалой столицѣ Пелагопійской—между серебрянымъ полъ снѣгомъ Перистери и еще болѣе сѣдымъ Каймакамчаломъ, пріютомъ пресловутаго албано-македонскаго разбойничества.

Удивительно странный... ужъ не знаю, право, какъ и выразиться—институтъ, что ли?—мѣстное разбойничество. Трудно разобрать, гдѣ въ витязяхъ македонскихъ и албанскихъ ущелій проходитъ граница между бичемъ страны, дорожнымъ грабителемъ-налетомъ, и великодушнымъ рыцаремъ безъ страха и упрека, самозванымъ, но упорнымъ и убѣжденнымъ орудіемъ справедливости, благословляемымъ всѣми, кого давитъ кривда власти свѣтской или духовной.

Вотъ, напримѣръ, гѣкій Кайо—албанецъ, мусульманинъ. Уроженецъ Корчи, онъ въ юности совершилъ убій-

ство ради кровной мести и бѣжалъ въ горы, сталъ разбойникомъ. Несмотря на столь непочтенно звучащее наименованіе профессіи, Кайо — именно ею — сдѣлался настоящимъ благодѣтелемъ родного края, превративъ себя, такъ сказать, въ послѣднюю моральную инстанцію, къ которой могла здѣсь апеллировать поруганная и угнетенная справедливость, когда проигрывала свои дѣла на всѣхъ ступеняхъ закона и формальнаго права. Разбойничая въ казахъ Корчевской и Старовской, Кайо былъ ужасомъ для взяточниковъ-чиновниковъ, корыстолюбивыхъ вымогателей-поповъ, ростовщиковъ, притѣснителей-беевъ. Онъ рядилъ свой вольный судъ въ ущельяхъ и дубравахъ по голосу сердца и честнаго убѣжденія, и — горе было тому, кто предъ судомъ Кайо оказывался виноватымъ!

Приносилъ ли судъ этотъ осязательную, прямую пользу?

А вотъ какъ приносилъ.

Утомясь тревожною жизнію горнаго разбойника, Кайо улучилъ моментъ, чтобы, встрѣтивъ на постояломъ дворѣ одного изъ мѣстныхъ европейскихъ консуловъ, попросить — не выхлопочетъ ли тотъ ему амнистію? Консулъ охотно обѣщаль. Но вдругъ — является къ нему депутація отъ крестьянства двухъ казъ:

— Ради Бога! пожалѣйте насъ! не выхлопатывайте Кайо амнистіи!

— Почему же? Онъ стоитъ ея, — вы всѣ сами говорите, что онъ прекрасный человѣкъ.

— Потому что — покуда онъ внѣ закона и разбойникъ — его всѣ боятся, а когда онъ станетъ мирнымъ селякомъ, какъ всѣ мы, никто не станетъ его бояться, и, стало быть, намъ, бѣднымъ, уже некому будетъ жаловаться на свои обиды. А у насъ какъ разъ митрополитъ — жадный, прежадный. Еслибы не Кайо, онъ содралъ бы съ насъ послѣднюю шкуру!

И посыпались рассказы о разныхъ подспудныхъ грабителяхъ и вымогателяхъ, которые потому только и держатъ себя болѣе или менѣе смирно, не развертывая своихъ подлыхъ и хищническихъ способностей во всю ширину, что есть надъ ними страхъ справедливаго мстителя Кайо. Консуль подумаль-подумаль, — видить: что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай, — уважилъ мужицкую просьбу и, подь какимъ-то благовиднымъ предлогомъ, отказаль Кайо въ хлопотахъ объ амнистіи.

Промышляя разбоемъ, Кайо никогда не тронуль имущества и достатка ни одного бѣдняка. Напротивъ, встрѣча съ нимъ была истиннымъ счастьемъ для бѣднаго человѣка, потому что рыцарь большой дороги не задумывался отдать послѣднюю копейку всякому, кого видѣль въ нуждѣ и несчастіи. Нападая на богачей, онъ тоже не обдираль ихъ, какъ липку.

— Сколько съ тобою денегъ?

— Сто лиръ.

— Шестьдесятъ отдашь мнѣ, сорокъ — уноси. Богъ съ тобой! разживайся!

Никогда онъ не уводилъ людей въ горы, чтобы потомъ требовать за нихъ выкупа. Жилъ голякомъ, ибо все, что добываль разбоемъ, немедленно дѣлилъ между извѣстными ему бѣдняками. Разницы между христіанами и магометанами онъ не дѣлаль и — хоть самъ магометанинъ — а даваль на масло пѣсколькимъ христіанскимъ монастырямъ. Такъ что — нищимъ Кайо ударился въ разбой, нищимъ и вернулся въ міръ изъ разбоя.

Амнистію выхлопоталь ему... греческій митрополить, нашедшій, что, покуда неспрошенный правительствомъ Кайо будетъ оставаться на своемъ разбойничьемъ посту, митрополичья каеэдра останеться капиталомъ, приносящимъ черезчуръ малые проценты.

— Ну, и что же теперь дѣлаеть Кайо?

— Живеть въ Корчѣ, какъ добрый человѣкъ, беретъ на откупъ десятинную подать, и всѣ его очень уважають.

— Ну, а митрополить?

— Митрополить?.. гмь... что жь? митрополить,—извѣстно, — сталь, какъ всѣ греческіе митрополиты.

— А населеніе?

— А населеніе жметя, кряхтитъ да между собою приговариваетъ: «Ахъ, еслибы Кайо снова въ чемъ-нибудь провинился и опять пошелъ въ разбойники!»

VI.

Свѣтлый праздникъ далъ мнѣ возможность познакомиться съ богослуженіемъ и въ греческой церкви и въ болгарской. Прпхожанъ и у той и у другой въ Битолиі множество, а церкви маленькія, — особенно болгарская, — низкія. Что за удушье, что за жара стояла въ нихъ отъ массы молящихся, притомъ — съ зажженными, въ теченіе не только всей заутрени, какъ у насъ, но еще и обѣдни, свѣчами, — это даже и вспомнить жутко. Словомъ, простоявъ въ этой чадной атмосферѣ три слишкомъ часа, я впервые въ жизни узналъ на опытъ, что такое обморокъ, и еле выбрался изъ толпы богомольцевъ, крайне довольный уже и тѣмъ, что не повалился безъ чувствъ прямо къ ногамъ добрѣйшаго болгарскаго митрополита Григорія... Это — русскій воспитанникъ (Виоанской академіи), другъ русскихъ и Россіи, истинный болгаринъ, чуждый шовинистическихъ увлеченій, и милый, образованный человѣкъ. Даже жаль, что приходится ему зарывать свою талантливость и свой живой темпераментъ въ битолійской глуши. Великая рѣдкость: его любятъ и сербы, и болгары, и даже греки говорятъ о немъ съ уваженіемъ. Это — архіерей съ огромными

миротворческими способностями и уживчивымъ, но твердымъ правомъ: качества драгоценныя для духовнаго пастыря въ мѣстности, гдѣ политическія отношенія волнуютъ церковную жизнь едва ли не больше, чѣмъ свѣтскую, гдѣ церковь — и опора національностей, и арена для борьбы ихъ между собою.

Въ субботнюю всенощную крестный ходъ съ плащаницею изъ греческой церкви являлъ картину, поразительную своею дикою, рембрандтовскою эффектностью. Куда ни взглянешь, свѣтлыя искры свѣчей, красно озаренныя смуглыя лица, фески, сверкающіе южныя глаза. Толпа волнуется, какъ море, рычитъ, люди напираютъ другъ на друга. Турецкіе аскеры двумя шеренгами охраняютъ шествіе клира и плащаницу, чтобы ихъ не опрокинулъ напоръ богомольцевъ. Главная улица Монастира залита крестнымъ ходомъ во всю ширину: движеніе на ней прекращено, мусульмане уступили мѣсто христіанскому празднику и, повидимому, на то не жалуются. Въ дверяхъ, въ окнахъ, на балконахъ — люди и свѣчи, свѣчи и люди. И надъ всѣмъ этимъ — темносиняя, тихая, южная ночь — первая счастливая ночь молодой весны — съ опрокинутымъ долу дышломъ въ сверкающей колесницѣ огромной, изумрудной Большой Медвѣдицы.

Я впервые присутствовалъ при торжественной, митрополичьей греческой службѣ и остался отъ нея далеко не въ восторгѣ. Пѣвчіе выли, какъ шакалы въ зимнюю ночь, а священнослужители, начиная съ самого митрополита Амвросія, то и дѣло, какъ хохлы говорятъ, «заходились» изъ-за мѣстъ и распорядка въ чинѣ, который, повидимому, почти всѣ плохо знали. Вѣдь, подумать только, что среди мѣстнаго греческаго духовенства треть еле-еле читаетъ грамоту, а половина гораздо въ письменности лишь настолько, чтобы, вмѣсто свидѣтельствующаго о безграмотности креста, — подмахнуть подъ официальною бумагою имя свое и фамилію.

Греческій митрополитъ Битолійской епархіи, высокопресвященный Амвросій—куръезный человѣкъ. Прежде всего, онъ фанатикъ эллинизма, изъ фанатиковъ фанатикъ. Эллинизмъ и православіе для него синонимы. Поэтому онъ ненавидитъ равно всѣхъ славянъ, съ ихъ національно-церковными стремленіями,—ненавидитъ и Россію, съ чьею помощью всегда осуществлялись славянскія національныя тяготѣнія. Съ турками онъ, какъ большинство греческихъ митрополитовъ, пріятель,—чуть ли не чиновникъ секретный... изъ разряда тѣхъ, которыхъ Щедринъ именовать «спектрами гороховаго пальто». Это, должно быть, очень честолюбивый и болѣзненно, нервно тщеславный человѣкъ, потому что въ каждомъ словѣ его, въ каждомъ жестѣ чувствуется страстный актеръ житейскій, бьющій на эффектъ, не знающій, какъ бы — по выраженію Липочки Большой — «блеснуть очаровательнѣе». Таковъ онъ показался мнѣ въ частномъ обиходѣ, таковъ и въ церкви. Евангеліе онъ читалъ съ интонаціями Мунэ-Сюлли, а, прикрикивая на неловкихъ иподіаконовъ, мѣшалъ съ греческою рѣчью французскія междометія. И, когда дамы-иностранки пемножко замялись въ крестномъ ходу предъ плащаницею, Амвросій—*Ὁ τῆς Πελαγονίας Ἀμβρόσιος*—прегалантно рекомендовалъ имъ.

— *Passez, passez, mesdames, s'il vous plait!*

Чуднѣ всего, что,—оказывается,—кромѣ эффектныхъ вставныхъ междометій, да самыхъ обыденныхъ, ходовыхъ фразъ, чудака этотъ и по-французски-то вовсе не говорить.

Онъ не пользуется симпатіями населенія, и сторонники болгарскаго экзархата выросли при немъ и числомъ и силою, хотя въ личномъ разговорѣ со мною Амвросій отрицалъ это. Я былъ у него, и мнѣ было почему-то безконечно жаль этого человѣка, рисующагося, ломающагося именемъ святыни и во главѣ поклонниковъ святыни... Должно быть, былъ въ свое время не безъ таланта и ужъ, навѣрное, съ

огромнымъ честолюбіемъ, да—провинціальная глушь, фанатизмъ и среда заѣли. И, заѣвъ, превратили въ смѣшную и мало симпатичную фигуру.

Что касается болгарскаго духовенства въ Македоніи, то, по молодости своей іерархіи, оно какъ будто конфузится немножко самого себя и своихъ порядковъ. Въ время пасхальной заутрени я чувствовалъ, что симпатичнѣйшій митрополитъ Григорій — въ полномъ отчаяніи отъ моего присутствія.

— Каково-то, молъ, человекъ, выдавшій службы въ Москвѣ и Петербургѣ, долженъ подумать о нашемъ строеніи?

И улучилъ-таки минутку: наклонился ко мнѣ, во всемъ облаченіи, и шепчетъ:

— Вы ужъ насъ извините, не судите строго: развѣ съ такими разбойниками можно устроить что-нибудь порядочное?

«Разбойники», тѣмъ временемъ, орали что-то, дѣйствительно, похожее скорѣе на «сарынь на кичку», чѣмъ на церковное пѣснопѣніе. Предъ тѣмъ, какъ двинуться изъ церкви крестному ходу,—митрополитъ предобродушно на меня прищурился и говорить:

— Вотъ теперь мы и по улицѣ пройдемся,—свѣжаго воздуха возьмемъ!

Вообще, онъ и Амвросій — два полюса. Насколько второй папыщенно-театраленъ, настолько первый демократично-опрощенъ.

— Скажите, ваше высокопреосвященство, — спрашиваю я,—какія у васъ отношенія съ сербами?

— Съ сербами? Извѣстно какія: пакостятъ мнѣ, мошенники.

— А съ греками?

— Еще больше пакостятъ, подлецы!

— А вы имъ?

— А я имъ не пакощу. Не хочу.

— Почему же такъ, ваше высокопреосвященство?

— А потому, что всякая пакость сама въ себѣ отмщеніе находитъ. И вотъ увидите — сами же они пакостями своими подавятся и захлебнутся.

Очень онъ мнѣ понравился.

— Дайте, — говорю, — ваше высокопреосвященство, мнѣ вашъ портретъ, я пошлю напечатать.

Хлопаетъ рука объ руку и вопіеть:

— Добрые люди! смотрите, что это за человѣкъ: мало того, что въ газетѣ обругаетъ, — еще и «рожу» мою приложить хочетъ: глядите, молъ, вотъ онъ каковъ этотъ самый чудакъ Григорій, котораго я обругалъ...

САЛОННИКИ.

(1901).

I.

Салоники или Солунъ называется древне-византійскій городъ, административный центръ турецкаго вилайета, населеннаго славянами - македонцами, сербами, болгарами, греками, албанцами, куцовлахами, турками и цыганами. Городъ лежитъ на берегу греческаго Эгейскаго моря, а три четверти жителей его — евреи, говорящіе между собою на испанскомъ языкѣ.

Кромѣ фактическихъ повелителей Солуня — турокъ, у города не сосчитать охотниковъ, мечтающихъ быть его хозяевами, на основаніи правъ историческихъ или національно-территоріальнаго распространенія. Греки воображаютъ Солунъ греческимъ, болгаре — болгарскимъ, сербы — сербскимъ. Македонцы-націоналисты уповаютъ видѣть въ Салоникахъ новый Бѣлградъ, новую Софію — столицу своей будущей автономіи. Албанцы грезятъ Великою Албаниєю до Салоникъ. Когда геніальный Маргарити разбудилъ національное движеніе среди куцовлаховъ, даже и этотъ ничтожный народецъ потянуло къ Салоникамъ, какъ къ неизмѣнному политическому магниту всѣхъ балканскихъ племенъ и государствъ. На что ужъ жалки цыгане, а и въ ихъ средѣ живетъ легенда, будто цыганскій царь, — таинственный, лишь немногимъ старшинамъ кочевыхъ таборовъ извѣстный, потомокъ египетскихъ фараоновъ, — обитаетъ гдѣ-то въ глухомъ захолусты, близъ Солуня.

Было время, когда Салоники стали новымъ Сіономъ для еврейскаго міра, такъ какъ здѣсь пребывалъ въ ссылкѣ великій пророкъ Сабботай-Цави, полушарлатанъ, полуэнтузіастъ, провозглашавшій себя Мессіею.

Салоники! — Вотъ уже четверть вѣка, какъ имя это стало завѣтнымъ и неизмѣннымъ девизомъ вѣшной политики Австро-Венгріи. Когда Австрія входила въ Боснію и Герцеговину, теряя на «мирной» оккупациі ихъ десятки тысячъ солдатъ, она думала о Салоникахъ. Когда она душила Болгарію стамбуловщиною, а Сербію развращала и унижала безпутствами Миланова режима, она думала о Салоникахъ. Во имя Салоникъ, интригуетъ и льститъ она въ Стамбулѣ предъ престоломъ падишаха, выхлопывая желѣзныя дороги черезъ Босну и Ново-Базарскій санджакъ. Во имя Салоникъ сдавила стальнымъ кольцомъ и медленно душитъ Черногорію. Во имя Салоникъ волнуетъ дикихъ арнаутовъ и губитъ мусульманскими ятаганами злополучныхъ христіанъ старой Сербіи.

Такова международная путаница обладаній и вождельній, сосредоточенныхъ около этого города, самаго смѣшаннаго по племенному составу, по религіозному дѣленію, по тяготѣніямъ политическимъ на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, не исключая даже Константинополя. Кромѣ евреевъ и турокъ, ни въ самихъ Салоникахъ, ни въ вилайетѣ, коего онъ столица, нѣтъ ни одного человѣка, твердо увѣреннаго, что онъ принадлежитъ именно къ той національности, къ которой себя причисляетъ. Въ деревняхъ и городахъ вокругъ Салоникъ, вы встрѣтите множество болгаръ, бывшихъ грекамъ, покуда было выгодно быть греками, и готовыхъ сдѣлаться сербами, какъ скоро станетъ выгоднымъ превратиться въ сербовъ.

Все хотятъ Салоники, кто ищетъ Македоніи въ будущемъ. А въ настоящемъ, хозяева Салоникъ, истинные и безраздѣльные, это — тѣ, кто и не думаетъ о Македоніи, и для кого Салоники — только Салоники, сами по себѣ, вѣ

всякаго отношенія къ какой-либо національности, къ какому-либо государству. Такими безразличными, глубоко равнодушными къ политическимъ волненіямъ края, житейскими философами являются здѣсь евреи. Въ другихъ государствахъ они—элементъ броженія, зажигательный матеріаль; въ Турціи, а въ особенности въ Салоникахъ,—консервативное начало—сила охранительная. Изъ ста двадцати тысячъ жителей въ Салоникахъ девяносто тысячъ евреевъ. И какихъ евреевъ!

Нечего и говорить, что въ ихъ рукахъ вся торговля Салоникъ. Коммерческій геній еврейства не имѣетъ себѣ равнаго и не терпитъ соперничества. Улицы въ Салоникахъ сплошь заняты магазинами, лавками, лавчонками, и почти всѣ эти магазины, лавки, лавчонки принадлежатъ либо кровнымъ евреямъ стараго закона, либо такъ называемымъ «дунмэ», то-есть потомкамъ евреевъ, принявшимъ мусульманство въ XVII столѣтіи. Это обособленная каста, промежуточная между мусульманами и іудеями, — нѣчто въ родѣ евреевъ-франкистовъ европейскаго общества въ XVIII вѣкѣ, сохранявшихъ тайный іудейскій ритуаль, при явномъ соблюденіи христіанскаго обряда. Дунмэ, въ двухсотлѣтней лавировкѣ между мусульманами и евреями, обособились отъ тѣхъ и другихъ. Они живутъ своимъ замкнутымъ кругомъ, рождаются только между собою, тѣсно сплочены въ коммерческихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Необходимость казаться мусульманами закрываетъ для нихъ возможность къ отправленію многихъ коренныхъ іудейскихъ обрядовъ, въ томъ числѣ и, знаменательнаго для еврейства, опочива отъ дѣль въ субботу. Въ седмичный праздникъ этотъ, Салоники—мертвый городъ; но магазины, принадлежащіе дунмэ, остаются отворены. Однако, напрасно войдете вы въ нихъ за товаромъ: соблюдая для турокъ форму открытія магазина, купецъ-дунмэ даетъ іудеямъ удовлетвореніе за свое противозаконіе, строго соблюдая Моисеево предписаніе въ сути его.

Вы не найдете хозяина въ магазинѣ, приказчикъ отпущенъ по дѣламъ, мальчикъ ничего не знаетъ и не умѣетъ... словомъ, подъ сотнями увертокъ и предлоговъ, вамъ не продадутъ ничего и, съ вѣжливыми извиненіями, выпроводятъ васъ: павѣдайтесь, молъ, завтра! Тогда и хозяинъ будетъ дома, и приказчикъ окажется у своего дѣла, за прилавкомъ. Всѣ дунмэ—очень вѣжливые, толковые и, по-своему, прогрессивные люди. Среди салоницкаго мусульманства и еврейства, они—передовая, либеральная партія. Слово «дунмэ», *Dunmate*, значитъ въ прямомъ переводѣ «отступникъ». Полагають, что они прямые потомки послѣдователей Сабботай-Цави, такъ какъ пророкъ этотъ, разубѣжденный турками въ своемъ самозванствѣ, долженъ былъ для спасенія жизни принять исламъ, а, лѣтъ черезъ десять по смерти его, примѣру учителя послѣдовала и вся секта.

Кто знакомъ съ еврействомъ только по пришибленнымъ, захудалымъ образцамъ его, роящимся въ мѣстечкахъ Малороссіи, Литвы, Польши и юго-западныхъ губерній, тому очень трудно вообразить себѣ еврея салоницкаго. Не больше понятія даютъ о немъ и галицкіе евреи, хотя они и живутъ панами. Салоницкій еврей—наглядный показатель той физической и нравственной красоты, какой въ состояніи достигнуть іудейская раса, освобожденная отъ оковъ рабства, отъ условій паразитизма, живя сама по себѣ, работая сама за себя и сама на себя. Бродя по улицамъ Салоникъ, я впервые повѣрилъ, что чудеса древней еврейской исторіи—не сказки, что могучій Самсонъ, величавый Самуиль, поэтическій Давидъ жили въ дѣйствительности, а не только въ мифахъ обиженнаго судьбою, утратившаго свою самостоятельность народа, которому лестно создавать себѣ великое прошлое, потому что ужъ слишкомъ жалко и безнадежно его настоящее. Вокругъ меня шумѣлъ, мощно двигался, благозвучно разговаривалъ, мѣняясь граціозными, благородными жестами, истинно избранный народъ. Что за чудесныя библейскія лица! Какія тонкія, изящ-

ныя черты! Какіе орлиныя глаза! А осанка?! Полубогами какими-то ходять: стройныя, эластичныя, полныя достоинства. Боже мой! Да неужели это одноплеменники ницгаго Юськи изъ Смѣлы, пзмощденнаго трудомъ и голодомъ, вѣчно согнутаго въ дугу просьбами предъ сильными міра сего, вѣчно съ нечистой совѣстью отъ голодныхъ плутень, робѣющаго передъ людьми и собаками, Юськи, котораго за двугривешный можно послать съ какимъ угодно сквернымъ порученіемъ въ какое угодно мѣсто? Неужели одноплеменникъ этимъ гордымъ красавцамъ и богатырямъ какой-нибудь господинъ Каппбергъ съ Рпингштрассе пли Невскаго проспекта, вчера бапкирь, сегодня баронъ, съ брюхомъ полной кровью пьявки, съ наглостью дворецкаго, попавшаго въ баре, съ блудливостью кошки и трусостью зайца въ красныхъ трахоматичныхъ глазахъ, съ оттопыренными ушами, съ согнутыми рахитическими колѣнами, глупо выворачивающій пятки, тщетно бросающій деньги, лекарства и косметики, чтобы свести предательскую экзему на рукахъ?

Почти всѣ салоникскіе евреи носятъ средневѣковый костюмъ, въ какомъ застала прадѣдовъ ихъ инквизиція, отъ которой бѣжали они сюда изъ Испаніи. Костюмъ состоитъ изъ длиннаго полукафтанья, широко-повязаннаго шелковымъ поясомъ; поверхъ полукафтанья — ряса, съ широкими рукавами, какіе у насъ носятъ священники, рукава и борты рясы отдѣланы лисьимъ мѣхомъ; на головѣ — феска, обмотанная платкомъ, въ родѣ чалмы. Словомъ такъ, какъ одѣваются знаменитые актеры, играя Шейлока, и какими видимъ мы іудейскихъ фариसेевъ, раввиновъ и книжниковъ на евангельскихъ картинахъ Рафаэля, Тиціана, Джуліо Романо, Паоло Веронезе. Матеріи яркія, узорчатая, цвѣтистая. Толпа пестра и весела. Молодежь великолѣпна. Идетъ мимо юноша, — косая сажень въ плечахъ, съ таліей, какъ у барышни, съ здоровою смуглою блѣдностью настоящаго южанина; глаза горять, какъ звѣзды;

пось — тошо Капова изъ мрамора выстругалъ; походка легкая, удалая. Смотришь на него: Гейневскій Альмацзоръ, да и только! Или тотъ рыцарь-юмористъ, котораго, въ балладѣ того же Гейне, полюбила донна Клара, дочь алькада, молодая, непримримая юдофобка: даже и въ любви-то клясться она имѣла обыкновеніе ничѣмъ другимъ, какъ своею ненавистью къ «евреевъ долгоносому отродью». И въ наказаніе за это, когда, наконецъ, впрямь полюбила, то на вопросъ объ имени своего счастливаго любовника, имѣла неприятность выслушать насмѣшливое признаніе:

Я, сеньора, вашъ любезный,
Сынъ ученѣйшаго мужа—
Знаменитаго раввина
Израэля въ Сарагоссѣ.

Женщины — еще живописнѣе мужчины, хотя, на первый взглядъ, костюмъ ихъ нѣсколько удивляетъ и даже шокируетъ непривычные европейскіе глаза. Дѣло въ томъ, что подъ узенькими, тоже мѣхомъ шитыми по бортамъ, куртками своимъ, салоникскія еврейки носятъ, прямо на тѣлѣ, тонкаго полотна или шелковыя бѣлыя сорочки, подтянутыя по талии такимъ образомъ, что формы груди обрисовываются подъ легкою тканью чуть ли не опредѣленнѣе, чѣмъ еслибы онѣ были вовсе обнажены. Это не просто декольтэ, но декольтэ подчеркнутое, пазойливо требующее къ себѣ вниманія. Когда встрѣчныя дамы молоды и стройны, на нескромность туалета ихъ, разумѣется, могутъ быть въ претензіи только заклятый Тартюфъ или аскетъ, чающій спасенія души въ пустынножителствѣ. Но, къ сожалѣнію, отъ національнаго салоникскаго «обнаженія подъ бѣлымъ» не отказываются и особы пудовъ по десяти вѣсомъ, и древнія старухи, что даритъ виды, вызывающіе содроганіе и тошноту. Любопытенъ головной уборъ салоникскихъ евреекъ: онѣ пропускаютъ свои прекрасныя косы чрезъ вышитую золотомъ, шелковую трубку — обыкновенно, яркозеленаго цвѣта. Красивые извивы этого убора по строй-

пымъ станамъ милостивныхъ солунокъ дали иѣкогда поводъ умному и благочестивому паломнику, архимандриту Порфирію Успенскому, заподозрить ихъ въ родствѣ съ соблазнителемъ-зміемъ библейскимъ.

Живутъ въ Салонпкахъ евреи, вѣроятно, точно такъ же, какъ жили они въ Севильѣ, Кордовѣ, Мадридѣ, покуда усердіе Фердинанда и Изабеллы Католической не зажгло костровъ инквизиціи, или какъ въ Амстердамѣ «Уріэля Акосты». Вы видите народъ бодрый, веселый, чувствующій себя дома — не на полутерпимомъ положеніи гостя и пришельца въ странѣ, но у своего родного очага, полноправнымъ хозяиномъ. Дома богатыхъ роскошны; быть открытымъ, широкимъ. Женщины пользуются свободою, какой не найти ни въ одномъ городѣ ближняго Востока, ни христіанскомъ ни мусульманскомъ, и окружены рыцарскимъ уваженіемъ, традицію котораго предки нынѣшнихъ солунцевъ несомнѣнно вывезли съ древнихъ своихъ иберійскихъ пепелищъ, вмѣстѣ съ испанскимъ языкомъ и испанскою картинностью типа. Любовныхъ романовъ завязывается и развязывается множество. Въ мѣстныхъ легендахъ этого рода роль донъ-Хуана ди Маранья, солунскаго оболстителя, играетъ обыкновенно одинъ изъ давнихъ русскихъ консуловъ М. А. Х — о, нынѣ уже покойный. Я видѣлъ его въ 1896 году — старымъ, сѣдымъ, длиннобородымъ патриархомъ, въ которомъ, конечно, и тѣни не осталось отъ сантъ-стефанскаго колкаго сатирника, отъ солунскаго красавца-поэта, сводившаго съ ума хорошенькихъ евреекъ своимъ изяществомъ, остроуміемъ и удалюю прыгать по окнамъ, на зло ревнивымъ любовникамъ и зоркимъ мужьямъ.

Я не говорю по-испански. Знатоки языка увѣряли меня, что салоникское нарѣчіе его чудовищно и къ подлинной испанской рѣчи относится приблизительно такъ же, какъ жаргонъ нашихъ русскихъ евреевъ къ языку нѣмецкому. Можетъ быть, — хотя, думается мнѣ, сравненіе, все-таки, слишкомъ преувеличено. Уличный говоръ въ Сало-

пикахъ я часто понималъ и разбиралъ по близкому сходству съ итальянскимъ языкомъ, которымъ владѣю, — а попробуйте-ка вы, хотя бы говоря по-нѣмецки лучше самихъ нѣмцевъ, уразумѣть что-либо, когда вокругъ васъ трещитъ болтовнею еврейскій базаръ Вильны, Гродны или Минска. Отсюда я заключаю, что жаргонъ южныхъ евреевъ-сефардимовъ сохранилъ гораздо больше близости съ романскимъ корнемъ, къ которому онъ привился въ средніе вѣка, чѣмъ сѣверные еврей-ашкинази сроднили свой обиходный языкъ съ корнемъ германскимъ. Суета и картавый шумъ мѣстечекъ нашей «черты осѣдлости» рѣшительно никому не могутъ доставить удовольствія, а, коли долго слушать, раздражать любого. Между тѣмъ, по вечерамъ, на сверкающей огнями Маринѣ, т. е. набережной Салопикъ, когда десятками открываются кафе-концерты, и солунскіе Альманзоры, Уріэли Акосты etc. толпою наполняютъ ихъ, со своими Юдпоями, чтобы пить пиво и слушать шансонетки, — неутомимый говоръ этихъ массъ очень мнѣ нравился, напоминая такую же людную бойкую жизнь, такъ же много и красиво болтливую, на Santa Lucia Nuova въ Неаполѣ, на геінуэзской Aquasola, на венеціанскихъ Piazza San Marco и Riva dei Schiavoni.

Я слишкомъ подолгу жывалъ въ Малороссіи и юго-западныхъ губерніяхъ, чтобы поддерживать огульное обвиненіе, взводимое на евреевъ, будто каждый семятъ — паразитъ по самому природному существу своему, и что, внѣ сферы денежной эксплоатаціи края, въ которомъ онъ живеть, онъ исторически нѣспособенъ къ труду и сомопропитаію. Не дай Богъ ни одному народу столь тяжкихъ условій нищеты, какъ пзъ года въ годъ перебиваются бѣдняки-евреи въ разныхъ Смѣлахъ, Шполахъ, Каневахъ и т. п. Не дай Богъ ни одному народу такого неблагодарнаго, не въ подъемъ спламъ человѣческимъ, чуть не суточного по усидчивости и копеечнаго по результатамъ, труда, какъ трудъ, обитающихъ по этимъ Смѣламъ,

Шполамъ, Каневамъ, Юсекъ-портныхъ, Шмулей-сапожниковъ, Мошекъ-ювелировъ etc. Но до Салоникъ—я плохо вѣрилъ въ способность еврейской расы къ грубому мускульному труду. Да и сами образованные русскіе евреи не разъ подтверждали мнѣ, что и по ихъ убѣжденію, каменщицать, плотничать, крѣпичать, рыть канавы—совсѣмъ не еврейское дѣло.

— Знаете ли,—шутя, говорилъ мнѣ одинъ извѣстный еврей-адвокатъ, — наше отвращеніе къ этимъ работамъ вполне понятно: насъ ими переутомили еще фараоны въ Египтѣ.

Но на вольныхъ салоникскихъ хлѣбахъ, найдя себѣ новую родину, евреи, очевидно, успѣли отдохнуть отъ воспоминаній объ египетской каторгѣ, потому что здѣсь вся чернорабочая сила порта—евреи. Лодочникъ, грузчикъ, посильщикъ, рыбакъ,—все евреи. Я слѣдилъ, какъ разгружались огромные галіоты съ камнемъ для набережной, пришедшіе съ Аѳона. Крѣпичники-сефардимы орудовали на нихъ,—въ пору хоть бы нашпмъ волжскимъ. Ростъ, фигура, бугры мускуловъ на рукахъ и ногахъ—все говорило въ этихъ людяхъ о наслѣдственной привычкѣ къ тяжелому физическому труду, о поколѣніями созданной рабочей расѣ. Извѣстно, что большинство русскихъ евреевъ боятся воды. А солунскій каботажъ весь въ еврейскихъ рукахъ. Илечистые молодцы, бродящіе по Маринѣ, взятые пловцы, удалые матросы, а, при случаѣ, и отчаянные контрабандисты.

Такими сдѣлала евреевъ солунская воля. Надо отдать имъ справедливость: они прекрасно понимаютъ выгоды и исключительность своего положенія и охраняютъ его съ огромнымъ тактомъ, съ постоянною и внимательною выдержкою. Въ этомъ котлѣ, кипящемъ политическими теченіями, еврейская община одна воздерживается отъ политикаства, съ рѣдкимъ искусствомъ держась нейтральной середины между мусульманскою повелительною силою

и христіанскими народностями. Благоволеніемъ мусульманъ евреи дорожатъ паче всего на свѣтѣ, такъ какъ благоволеніе это—жизнь ихъ, и, разумѣется, когда на карту ставится дилемма: или дружба съ турками, или единство съ «руми-миллети», то еврейство оказывается на сторонѣ турокъ. Такъ, напр., оно было насильственно вынуждено принять участіе въ знамени томъ избіеніи европейскихъ консуловъ, совершонномъ лѣтъ двадцать назадъ въ Салоникахъ фанатическою мусульманскою чернью. Но въ общемъ было бы грѣшно утверждать, чтобы христіанская и еврейская общины Солуня жили въ постоянномъ недоброжелательствѣ между собою. Лишь въ послѣднее время начали обостряться отношенія между евреями и болгарами. Во-первыхъ, потому, что евреи побаиваются болгаръ, какъ революціоннаго элемента, вторгающагося въ Македонію съ цѣлью разрушить режимъ, подъ которымъ солунской еврейской общинѣ удалось устроить себѣ гнѣздышко болѣе теплое и удобное, чѣмъ гдѣ-либо еще въ Европѣ. Во-вторыхъ, потому, что революціонныя болгарскія силы сразу внесли въ Македонію терроръ подпольныхъ комитетовъ, вымогающихъ деньги съ богатыхъ обывателей,—а кто-же богаче евреевъ?—и убивающихъ въ случаѣ скуности и неповповенія. А въ-третьихъ, и это самое главное, потому, что болгаре стали отбивать у евреевъ торговлю и почти отвоевали уже у нихъ непосредственныя сношенія купли-продажи салоникскаго продовольственнаго рынка съ горною полуднкою деревнею.

Болгаре называютъ себя въ шутку «балканскими евреями».

— Оттого у насъ «чифуты» (жиды) тихо себя дергать, что мы ихъ, по торговлѣ, сами за поясъ заткнемъ!—смѣются они.

Эта похвальба — слишкомъ смѣлая, самонадѣянная. Но въ одномъ отношеніи болгары правы,—по крайней мѣрѣ, для Солуни.

Солунскіе іудеи — народъ сытый, изнѣженный, балованный; обезпеченные постояннымъ дешевымъ предложеніемъ на свои спросы, они десятками лѣтъ заставляли, что называется, хлѣбъ за брюхомъ ходить и держали горное славянское населеніе въ кабалѣ произвольныхъ цѣнъ и необходимости тащить свои товары непосредственно въ Солунь или продавать ихъ, съ крупною процентною уступкою за коммисію, въ ту же Солунь немногочисленнымъ скупщикамъ. Умный, пронырливый, талантливый коммерчески, болгаринъ, ставъ на путь конкуренціи, смѣло пошелъ къ самому источнику прибылей,—въ глухую горную деревню, которая своими овощами питаетъ Салоники, сбилъ деспотическія еврейскія цѣны, растолковалъ мужику возможность прижать еврея, какъ тотъ его самъ прижималъ, и сталъ быстро и энергично зашибать копейку. Количество болгарскихъ фирмъ изъ года въ годъ растетъ въ Салоникахъ. Содѣйствуетъ ихъ развитію, прежде всего, готовность болгаръ, еще только завоевывающихъ себѣ положеніе, браться рѣшительно за всякое коммерческое предпріятіе, какіе бы крохотные барыши оно ни сулило, — тогда какъ еврей, въ качествѣ исконныхъ господъ рынка, маленькими дѣлами, какъ говорится, швыряются не хуже московскихъ мануфактуристовъ, и изъ сытой апатіи можетъ вывести ихъ посулъ развѣ лишь необычайно крупнаго дивиденда. Еврейскую расу считаютъ жадно-добычливою *par excellence*. Но пребываніе въ Салоникахъ убѣдило меня, что ея хищническіе инстинкты — также скорѣе искусственные, благопріобрѣтенные, чѣмъ природные. Неутомимый и алчный хищникъ всюду, гдѣ онъ чувствуетъ себя чужакомъ, паразитомъ, гостемъ хуже татарина, еврей совсѣмъ не рвачъ, не кулакъ для кулачества въ Солуни, гдѣ онъ сознаетъ себя дома. Здѣсь онъ, если хотите, даже лѣнивъ, въ качествѣ купца и пріобрѣтателя, буржуазно неохотъ шевелить капиталомъ, наотрѣзъ отказывается отъ рискованныхъ предпріятій и — добившись болѣе или менѣе приличной

ренты—съ удовольствіемъ уходить отъ дѣлъ, чтобы жить благоустроеннымъ домкомъ, въ семейномъ кругу, на хорошенькихъ виллахъ, вытянутыхъ бѣлою ниточкою вдоль спяго Эгейскаго моря. Все — «Манассе, любители монументовъ» пзъ «Уріэля Акосты». Солунское еврейство — кружокъ людей, которыхъ настоящее, болѣе или менѣе упорядоченное, предостерегаетъ не искать добра отъ добра въ будущемъ. Держа свою спилицу въ рукахъ, оно не богато идеалистамъ, мечтающимъ о журавляхъ въ небѣ. Судя по двумъ-тремъ случайнымъ разговорамъ, которые я имѣлъ съ его представителями, даже движеніе сіонизма не нашло въ Солуни энергичнаго отклика и возбудило скорѣе недоумѣніе, чѣмъ энтузіазмъ.

II.

Когда вы входите въ Солунскій портъ, то пздали, съ моря, замѣчаете на маринѣ огромное бѣлое зданіе—высокую, круглую башню генуэзской постройки. Такнхъ башенъ, только меньшаго размѣра, много у насъ въ Крыму, на Неаполитанскомъ и Салернскомъ заливахъ и т. п. Того же типа—высокая Лантерна въ Генуѣ и Галатская башня въ Константинополѣ. Все это сторожевыя, сотнями разбросанныя въ средніе вѣка по берегамъ, которые, по очереди, претерпѣвали разбойничьи набѣги то генуэзцевъ и византійцевъ, то сарацинскихъ пиратовъ. И—обратно тому, въ чьей странѣ онѣ теперь находятся—мѣняется ихъ названіе, приписывается имъ иное происхожденіе. Въ Италіи ихъ зовутъ сарацинскими, въ Турціи и Крыму—генуэзскими.

Салоникская Біязъ-Кула, Бѣлая Башня—страшное мѣсто. Настоящее народное ея прозвище—Канлы-Кула, т. е. Башня Крови. Но это зловѣщее названіе рѣзало слухъ Абдулу-Гамиду: притворно-сентиментальный, какъ

всѣ тираны, онъ не выносить вида крови, не любитъ слышать слова «кровь», все кровавое ему ужасно. Поэтому и салоникская Башня Крови должна была переименоваться въ невинную Бѣлую Башню. Но *siculus non facit monachum*, и отъ слова—не станется. За зубчатыми стѣнами Бѣлой Башни творятся тѣ же ужасы и насилія, что творились и въ тѣ откровенныя времена, когда эта историческая тюрьма-цитадель слыла въ Македоніи подъ настоящимъ, мрачнымъ своимъ названіемъ. Султанъ Абдуль-Гамидъ сдѣлалъ бы лучше, если бы оставилъ имя, но измѣнилъ прикрываемую имъ суть, чѣмъ теперь—поступивъ наоборотъ. Правда, наоборотъ-то легче.

Я попалъ въ Салоники какъ разъ, когда Канлы-Кула работала всѣмъ своимъ чудовищнымъ организмомъ, когда ея подземелья, склены и кельи были переполнены македонскими горцами, заподозрѣнными въ революціонныхъ помыслахъ. Попасть въ нѣдра страшилища оказалось невозможно. Справедливость требуетъ сказать, что даже иные изъ болгаръ, которымъ турецкое воздѣйствіе на македонскую революцію приходится особенно туго, увѣряли меня, что слухи объ отвратительномъ содержаніи и питаніи узниковъ салоникской государственной тюрьмы весьма преувеличены. Быть можетъ,—хотя, вообще-то, турки—страшные тюремщики. Даже не въ пыткахъ, не въ истязаніяхъ дѣло. Розказни объ этихъ турецкихъ звѣрствахъ, пожалуй, и впрямь преувеличены. Да, наконецъ, что касается пытокъ, истязаній и надругательствъ, тюремные объекты ихъ—сербы и болгары—сами горазды дать урокъ жестокости какому угодно лютому турку. Ни одинъ азіатскій палачъ не унижится до свирѣпостей, какими потѣшались сыщики Стамбулова въ Черной Джаміи и по полицейскимъ участкамъ Софіи. А покойный Миланъ и его, достойный развѣ короля Бомбы, розыскъ надъ радикалами?

Не вѣрю я также, чтобы узниковъ не кормили. Пытка голодомъ запрещена кораномъ и не въ турецкихъ правахъ.

Мусульманши бьетъ гяура, но не лишаетъ его права пищи. Невыгодно.

Ужась турецкаго тюремничества не столько въ явныхъ, прямыхъ и непосредственныхъ тиранствахъ, сколько въ томъ звѣриномъ равнодушіи, съ какимъ забираютъ турецкія власти праваго и виноватаго и, заперевъ въ каменный мѣшокъ массы обвиняемыхъ, даже не трудятся затѣмъ цѣлыми годами сортировать ихъ,—они позабыты, отвержены; вывести ихъ изъ темницы можетъ только усиленная энергія друзей и родныхъ, хлопочущихъ предъ властями и разсыпавшихъ щедрые бакшиши, либо счастливая случайность, въ родѣ той, что освободила нѣкогда изъ тюремнаго рва прекраснаго библейскаго сювца Иосифа. Провинціальныя турецкія остроги, какіе удавалось мнѣ видѣть, по зловонію и общей гнусности своей, врядъ ли много прогрессировали отъ темницъ фараоновъ египетскихъ. Истинно проказенныя ямы! Если смертность въ нихъ еще не такъ велика, какъ можно и слѣдовало бы ожидать, причину тому надо видѣть въ климатъ, позволяющемъ узникамъ проводить время подъ открытымъ небомъ въ теченіе трехъ четвертей года. Но, когда дожди и холода гонятъ несчастныхъ съ тюремнаго двора въ ихъ каторжныя норы, болѣзни начинаютъ развиваться съ ужасающею быстротою. Въ одну лютую зиму, изъ 500 болгаръ, сосланныхъ въ Малую Азію, въ Акру, еще за апрѣльское возстаніе 1876 года, погибло въ тюремныхъ вертепахъ 400 человекъ, то есть 80 проц. Я видѣлъ человека, выдержавшаго это страшное заключеніе. Это — Стояня Займовъ, извѣстный болгарскій дѣятель-русофилъ. И онъ еще говоритъ, что «турки попались добрые, хорошо обращались». Тамъ, гдѣ турки попадались, недобрые и несклонные къ хорошему обращенію, вѣроятно, вымирало не 80 проц. заключенныхъ, а полностью 100, и даже— какъ сострилъ однажды по аналогическому поводу извѣстный сенаторъ Барыковъ— всѣ 150.

Біязь-Кула, говорятъ, нѣсколько почище провинціальныхъ гроищъ: все-таки въ Салоникахъ слишкомъ много Европы, слишкомъ трусятъ европейцевъ и понимаютъ, что черезчуръ кричація тюремныя безобразія, черезъ консуловъ, сейчасъ же передадутся правительствамъ, печати, а тамъ, глядь,—уже и выросъ международный конфликтъ, пошли запросы, полетѣли ноты, запахло конференціей... расхлебывай всю эту кашу! И, такъ какъ прошлое именно Біязь-Кулы слишкомъ мрачно, и тюрьма эта привлекаетъ своею отвратительною историческою репутаціей особенно враждебное вниманіе европейцевъ, то хитрые турки нарочно привели ее въ нѣсколько лучшей, сравнительно съ другими узилищами, порядокъ. Вотъ де, смотрите! Про наши тюрьмы рассказываютъ ужасы. А между тѣмъ даже грозная Каплы-Кула, легендами о которой полна ваша балканская литература,—какъ видите,—совсѣмъ ужъ не такой страшный чортъ, какъ ее малюютъ. Вспрять очки европейскимъ гостямъ турецкія власти—великіе мастера. Къ тому же, отъ нихъ привыкли ждать такъ мало хорошаго, что все ихнее, даже сколько-нибудь сносное, отъ неожиданности, кажется, по первому впечатлѣнію, чуть не прекраснымъ.

Кому мало видѣть чистилище, кого непременно тянетъ въ самый адъ, тому слѣдуетъ посѣтить какой-либо казенный лазаретъ турецкій—тюремный или солдатскій—безразлично.

— Знаете ли вы, — говорилъ мнѣ сербскій консулъ изъ Приштины, г. Абрамовичъ, — что такое турецкій лазаретъ? А вотъ что. Когда съ солдатомъ-бездѣльникомъ не знаютъ, какъ распорядиться, когда испробованы противъ него и безуспѣшно всѣ дисциплинарныя мѣры, — ротный призываетъ его и говоритъ:

— А вѣдь я знаю теперь, въ чемъ дѣло. Ты, Мустафа, боленъ. Тебя надо лѣчить. Отправляйся-ка, братъ, въ лазаретъ.

И Мустафа, котораго не могли исправить ни аресты, ни мордобитія, ни тяжелые караулы подъ ранцемъ, ни даже палки нещадныя, рыдаетъ, какъ малый ребенокъ, валится въ ноги, вопить:

— Эффенди, никогда больше не буду! аманъ! эффенди, помилуй!

Потому что онъ, какъ и всякій турецкій аскеръ, знаетъ: значить, онъ такъ уже надоѣлъ начальству, что отъ него рѣшили отдѣлаться и посылаютъ его на болѣе или менѣе медленную, но вѣрную смерть.

Гангрена и страшныя кожныя болѣзни царятъ въ этихъ гноищахъ, десятилѣтїями не знающихъ дезинфекціи.

— Дѣло не въ томъ, какую болѣзнью хвораетъ человекъ, когда поступаетъ къ намъ, но — какую заразу мы навяжемъ ему въ госпиталь.

Такъ говоритъ мнѣ пожилой армянинъ, главный врачъ военнаго госпиталя въ Едренѣ.

— Тифы и рожистыя воспаленія у насъ не минуются! Это плюсы ко всякому недугу, который приноситъ больной въ наши проклятыя стѣны.

— Позвольте, однако, докторъ, — какъ же вы сами то ухитряетесь быть цѣлымъ и невредимымъ, ежедневно посѣщая эти проклятыя стѣны?

— Я? ежедневно? *Pas si bête, monsieur!*

И онъ даже посвисталъ.

— Что мнѣ тамъ дѣлать?

— Но кто же заботится о больныхъ?

— Аллахъ и фельдшеръ.

— А вы?

— А мы, то-есть, я и мои помощники, получаемъ рапорты отъ фельдшеровъ и жалованье, когда правительство его платитъ. Но, такъ какъ оно почти никогда не платитъ, то вѣришь будетъ сказать: одни фельдшерскіе рапорты.

— Но сколько же разъ въ недѣлю вы все-таки посѣщаете своихъ пациентовъ?

— Въ недѣлю? Ха-ха-ха!

— Ну, въ мѣсяць, наконецъ... хотя, знаете-ли, съ европейской точки зрѣнія, предложить такой вопросъ слушающему врачу—это Богъ знаетъ, что такое: наглое оскорбленіе, поводъ къ вызову на дуэль, къ суду чести...

— О, мы не такъ щекотливы! Скажу вамъ откровенно: я не былъ въ управляемомъ мною госпиталѣ вотъ уже три съ половиною мѣсяца и надѣюсь, что эти черти больные не заставятъ меня показаться туда, по крайней мѣрѣ, еще столько же...

— Послушайте! вы говорите что-то невообразимое, ужасное...

— Да что же дѣлать врачу въ нашихъ госпиталяхъ? Вѣдь лѣчить, все равно, невозможно. Противъ нашихъ госпитальныхъ міазмовъ, нашей госпитальной нищеты, голода, холода, грязи, убожества безсильны всѣ средства, которыя медицина имѣетъ *in verbis, herbis et lapidibus*. Молодые врачи, все больше наша же братья, армяне, какъ поступятъ на службу, сгоряча-то, послѣ университетской скамейки въ Парижѣ, либо въ Гейдельбергѣ, конечно, усердствуютъ, ходятъ на дежурство, подтягиваютъ аптеку, прислугу. Новая метла чисто мететъ. Но черезъ недѣльку, глядишь, новая метла сама валяется въ постели безъ памяти, и температура у горемыки 41°... И, какъ выздоровѣть, понятно,—въ этотъ адъ ни ногою. Я смотрю на должность свою прямо, какъ на полицейскую. Вышло что-нибудь необычайное въ госпиталѣ: подрались между собою больные на смерть, взбунтовались, зарѣзали фельдшера или эконома...

— Какъ? бываютъ и такія трагедіи?

— А то итъ? Народъ гордый, южный!... Ну, тогда печего дѣлать, набираюсь храбрости, моюсь сулемою, душусь карболкою, иду къ моей каторгѣ творить судъ, расправу. А, если все смирно, чего я тамъ не видалъ? Вшей, что ли? Такъ и то, послѣ каждаго визита, приходится отда-

вать платью въ чистку. Monsieur! я видѣлъ въ своемъ госпиталѣ людей, умиравшихъ оттого, что ихъ вши заѣдали... вообразите вы себѣ: лежить, лицо все сѣрое, безъ глазъ, какъ маска, и вся эта маска дрожить, зыблется, какъ поганая струя... живая...

Докторъ плюнулъ даже.

— Что вы тутъ подѣлаете? А когда, въ лѣтніе жары, цѣлыми палатами овладѣваетъ чесоточное безуміе? Люди воютъ, какъ бѣсноватые, дерутъ на себѣ одежду, кожу, катаются по землѣ, въ ярости тузятъ другъ друга кулаками, — и ужъ тутъ не попадись имъ подъ руку нашъ братъ, госпитальная предержавшая власть. Да вы думаете, — при обыкновенныхъ-то визитаціяхъ, какъ я вхожу въ палату? Словно на приступъ иду. Рука все время въ карманѣ, на револьверѣ. Два редифа впереди, два сзади.

— Боже мой! да это вражеское нашествіе, а не докторскій визитъ.

— Что же дѣлать, если насъ ненавидятъ, какъ тюремщиковъ, какъ палачей, если каждый готовъ насъ убить, или хоть поранить, ударить.

— Ну, а фельдшера эти, которые, судя по вашимъ рассказамъ, остаются, собственно говоря, единственнымъ фактическимъ хозяевами госпиталей?

Докторъ махнулъ рукою.

— Тоже мрутъ, какъ мухи.

— Нѣтъ, что это за люди, скажите мнѣ? какъ они относятся къ больнымъ? какъ больные къ нимъ относятся?

— Что за люди, — само собою понятно. Человѣкъ, не вовсе отчаянный въ своей будущности, на каторгу, которую я вамъ нарисовалъ, конечно, добровольно не пойдетъ. Попадаетъ къ намъ народъ, которому некуда дѣваться болѣе, — нуженъ хоть собачій пріютъ. Знаній, разумѣется, никакихъ, подготовки тоже. У насъ, въ Турціи, и врачи-то плохо учены, а ужъ служебный персоналъ... Иные до сихъ поръ знахарятъ, и это очень нравится больнымъ, потому

что врачъ внушаетъ турку отвращеніе, а знахарю онъ вѣрить, знахаря любить.

— Однако, сказалъ я, наши доктора и сестры милосердія, очевидцы послѣдней русско-турецкой войны, неоднократно говорили мнѣ, что раненые турки, взятые въ плѣнъ, были очень кроткими, послушными и признательными пациентами...

— Потому что они видѣли себя въ истинной врачебной обстановкѣ, которая импонировала имъ своею необычностью, подавала надежды на здоровье. Но, вѣдь, даже животному инстинктъ подскажетъ, что, если оно больно, то бросать его въ клоповникъ — значить не лѣчить его, а добивать, и что единственный способъ ему выздоровѣть — это: воевать противъ клоповника всѣми силами организма и, если удастся, удрать на свѣжій воздухъ. Больные презираютъ наши рецепты. Изъ десяти развѣ одного принудите вы принимать лѣкарства, бесполезность которыхъ они инстинктивно чувствуютъ. Да и какія лѣкарства? Смѣхъ, а не лѣкарства. Нѣтъ у насъ лѣкарствъ, — ни денегъ, ни лѣкарствъ. А сколько побѣговъ!.. Я увѣренъ, что съ вашей сибирской каторги бѣжитъ каждый годъ не больше несчастныхъ, чѣмъ изъ нашихъ больницъ, лазаретовъ, госпиталей.

— Но какъ же ваше начальство терпитъ поголовное бездѣльничество, какимъ, повидимому, оказывается въ Турціи медицинская служба?

— Да начальству-то что? Вѣдь денегъ для реформъ и улучшеній нѣту, — оно это прекрасно знаетъ; слѣдовательно, терни дѣло *in statu quo*! Повторяю: даже жалованья намъ платятся неаккуратно, съ задержками по три мѣсяца — значить, и съ насъ, по части аккуратнаго исполненія своихъ обязанностей, взятки гладки. Службы фактической и отношеній хоть сколько-нибудь реальныхъ между нами и бюрократіей оттоманской сейчасъ нѣту. Рапорты, бумага, — вотъ и все. Намъ нужно чиновничество, ордена, право числиться хакимомъ такихъ-то и такихъ-то учреждений, —

что пріятно и полезно для частной практики. Имъ — виѣшнее соблюденіе европейскихъ формъ, маска европейскіхъ порядковъ. Я, напримѣръ, знаю очень хорошо, что, спрашивая ассигновку на дезинфекцію отхожихъ мѣсть при госпиталѣ, просто заполняю графу смѣты: никакихъ денегъ мнѣ на сіе не будетъ отпущено, ибо, во-первыхъ, ни одному турку вы въ жпзнь свою не втолкуете, зачѣмъ это отхожія мѣста должны быть дезинфецированы: Аллахъ опредѣлялъ имъ быть нечистыми, — нечистыми они и должны быть. Но, если бы я пропустилъ эту графу въ смѣтѣ требованія, то, конечно, немедленно получилъ бы внушеніе изъ министерства: почему ихъ нѣтъ? такъ какъ въ смѣтахъ добропорядочныхъ европейскихъ госпиталей такія графы имѣются, а мы должны быть — на бумагѣ, — какъ всѣ добропорядочные европейскіе госпитали. Отчетность у насъ всегда прекрасная. Есть чѣмъ пустить пыль въ глаза поверхностному туристу, который, ограничась писанными цифрами, не полѣзеть провѣрять ихъ по живой сути.

— А если полѣзеть?

Докторъ засмѣялся.

— Такого мы, во-первыхъ, не пустимъ. Ну, а если ужъ какъ-нибудь проберется въ наши поры, — такъ доѣдетъ ли еще до Европы-то, чтобы разгласить нашъ позоръ? Вѣчный жилецъ нашъ — тифъ — не свой братъ.

Если бы у правительства даже были деньги, чтобы поднять уровень медицинской помощи въ краю, — оно не ударило бы для того пальцемъ о палецъ. Народъ — фаталистъ. Ни холера, ни даже чума не нагоняютъ на него ужаса. Карантинны приводятъ его въ негодованіе. На больного онъ смотритъ, какъ на испорченный механизмъ, который поправлять не стоитъ: все равно, цѣлымъ и хорошимъ уже не будетъ. Нѣтъ сознательной потребности въ образованномъ медикѣ, — пужны знахарь съ заклинаніями и мулла съ кораномъ. Прибавьте къ этому ревность духовенства, убѣжденнаго, что лѣчится, собственно говоря, грѣшно, что

единственнымъ лѣкарствомъ противъ болѣзней должно быть слово Божіе. Они побѣдоносно конкурируютъ съ нами, сами пользуются больныхъ, у нихъ есть свои лѣчебницы, свои практики-терапевты. И Боже! что это за комическая наука, что за странная смѣсь отжившихъ свѣдѣній и суетвѣрнаго шарлатанства! Ихъ медицина застряла въ вѣкѣ Авиценны. Одному знаменитому п, по-своему, замѣчательно-счастливому практику-муллѣ я никакъ не могъ втолковать Гарлеева кровообращенія. Они, эти Авиценны XX вѣка, боятся нашей науки, ненавидятъ насъ и никогда не позволяютъ правительству поддержать насъ. Вы замѣтите: каждый бунтъ софтъ въ Константинополѣ начинается съ того, что нападаютъ на европейскіхъ врачей. А гаремы? Они закрыты для европейской медицины религіознымъ запрещеніемъ, а—покуда къ врачу не идетъ туземная женщина—не много у него, со всею наукою его, корней въ странѣ. Семья, домъ, стало быть, для него закрыты. Ему остается лишь прилагать свои знанія въ сборныхъ учрежденіяхъ, въ арміи, флотѣ, гдѣ все народу постыло, какъ насильственная повинность, а въ томъ числѣ постылъ и врачъ, его для повинности сохраняющій.

III.

Не лучше мусульманскихъ тюремъ и больницъ, содержались въ еще недавнее время по портовымъ городамъ Европейской Турціи христіанскіе страннопріимные дома и паломническія подворья афонскихъ монаховъ. Посѣтивъ развалины афонскаго подворья въ Салоникахъ, я въ ужасъ пришелъ, какъ въ такой заразной гнили, подъ вѣковыми, готовыми рухнуть потолками, дерзали помѣщать людей, неповинныхъ ни въ чемъ, кромѣ дѣтской вѣры и наивнаго желанія помолиться на той самой Святой Горѣ, съ которой блеснулъ славянству евангельскій свѣтъ. Въ настоящее

время, по настоянію нашего салоницкаго консула Н. А. Илларионова, руина эта покинута монахами и осуждена заростать травою забвенія. По крайней мѣрѣ, когда въ 1901 г. бурею были загнаны въ Салоники и принуждены были прожить въ ихъ около недѣли нѣскольکو сотъ паломниковъ, г. Илларионовъ не допустилъ ихъ до ночевки въ монастырскомъ пріютѣ, а размѣстилъ, съ согласія турокъ, по разнымъ общественнымъ зданіямъ. Энергическимъ починомъ того же Н. А. Илларионова подвинуто русское монашество на Аоонѣ выстроить новое страннопріимное подворье въ Салоникахъ. Это — великолѣпное, европейское зданіе, ничуть не уступающее красотою отдѣлки и удобствомъ жилья лучшимъ гостиницамъ Константинополя. О салоницкихъ я уже и не говорю! Довѣрился глупой книгѣ Гончевича, остановился въ хваленномъ ею «Коломбо», — и не радъ былъ: грязь, свинство, внизу денно и ночно работающій кафе-шантажъ, справа и слѣва денно и ночно работающіе номера съ дѣвицами совершенно несомнѣннаго поведенія.

— Переѣзжайте вы въ «Имперіаль»! — говорятъ мнѣ друзья.

— Развѣ лучше?

— М-м-м... нѣтъ, не лучше.

— Дешевле?

— М-м-м... да, нѣтъ, не дешевле. Только здѣсь васъ зарѣзать могутъ

— А тамъ не зарѣжутъ?

— М-м-м... нѣтъ, пожалуй, и тамъ зарѣжутъ.

— Такъ въ чемъ же выгода?

— Да, все-таки, хоть море близко...

— Что же, — удобнѣе, что лп, будетъ трупъ въ воду лестп?

Позднимъ вечеромъ Салоники — городъ опасный, какъ всѣ портовые. Сербы, съ которыми я сдружился, вытаращили на меня глаза, когда узнали, что я возвращаюсь по лочамъ домой одинъ и пѣшкомъ.

— И ничего съ вами не случилось еще?

— Рѣшительно ничего.

— Удивительно!

— Впрочемъ—вотъ: ногу вчера ушибъ. У васъ переулки не принято освѣщать, а между тѣмъ, мостовыя — въ волчьихъ ямахъ...

— Ногу зашибъ! Вы благодарите Бога, что всего себя не оставили въ этихъ волчьихъ ямахъ. Потемки солунскихъ переулковъ—западни. Въ нихъ разбойничаютъ и больше, и свирѣпѣе, чѣмъ въ горныхъ ущельяхъ.

Особенно съ тѣхъ поръ, какъ Салоники сдѣлались центральнымъ очагомъ болгаро-македонскихъ комитетовъ, притомъ сарафовской фракціи, какъ увѣряютъ, не слишкомъ-то склонной стѣсняться въ средствахъ, какъ добыть денегъ на поддержку и развитіе своей дѣятельности. Болгарскій торговый агентъ въ Салоникахъ Шоповъ-Офейковъ, извѣстный своимъ замѣчательно талантливымъ историко-политическимъ памфлетомъ въ защиту болгарскихъ правъ на Македонію (1901 г.), слыветъ и въ правительствѣ турецкомъ, и въ иностранныхъ кружкахъ солунскихъ дѣятельнымъ членомъ и едва ли не шефомъ болгарской освободительной агитаціи. Мы видѣлись нѣсколько разъ. Интереснѣйшій человекъ. У него лицо гунна и ухватки комми-вояжера. Какая-то смѣсь Атиллы съ Подхалюзинимъ. Но уменъ, образованъ, свѣдуецъ замѣчательно. Энергіи въ немъ—непечатый уголь, фанатикъ онъ—прямо страшный, увлекательный.

Ему говорятъ:

— Господинъ Шоповъ! повліяйте на своихъ! Долго ли будутъ они грабить, шантажировать, убивать несогласныхъ съ ними людей—среди бѣла дня—чуть не на базарѣ...

Шоповъ отвѣчаетъ:

— Какое же мое вліяніе? Кто меня послушаетъ? Да я никого изъ этихъ господъ и не знаю. Я правительственный чиновникъ.

Его уличаютъ:

— Господинъ Шоповъ! Вѣдь, съ того момента и начался политическій терроръ въ Салоникахъ, какъ васъ назначили сюда агентомъ. Болгарскій флагъ не успѣлъ еще взвиться надъ вашимъ домомъ, а ужъ два купца— несогласные съ дѣйствіями комитетцовъ— найдены были зарѣзанными...

Шоповъ возражаетъ съ полнымъ хладнокровіемъ:

— Такъ вотъ—если вы меня считаете къ этому дѣлу причастнымъ, обличите меня. Тогда турецкое правительство спесится съ мной, что я здѣсь неудобенъ,—и меня, вѣроятно, уберутъ.

Шоповъ—террористъ убѣжденный, послѣдовательный. Онъ не вѣритъ ни въ турецкія реформы, ни въ возможность умиротворить край ихъ запоздалымъ компромиссомъ. Предомною—стороннимъ наблюдателемъ,—ему нечего было носить маску. Онъ горячо порицалъ свое правительство за трусость открыто принять сторону революціи, проклиналъ Зиповьева, оправдывалъ безобразія комитетцовъ и рассказывалъ ужасы о преслѣдованіи болгаръ турками. Тогда только-что закончился пресловутый салоникскій процессъ, въ которомъ турки, мечтая показать себя европейцами, осрамились на два фронта. Европа—устаами германскаго консула—вполнѣ основательно назвала судъ ихъ пародіей на справедливость. А мусульманскій міръ, наоборотъ, негодовалъ, что, держа въ рукахъ своихъ главарей македонской революціи, правительство, страха ради европейска, побоялось перевѣшать обвиняемыхъ и присудило къ смертной казни лишь какихъ-то чернорабочихъ *raucres diables* движенія, тогда какъ истинные руководители его отдѣлались незначительными наказаніями.

Шоповъ, однако, возмущался и этими легкими карами.

— Послушайте, Шоповъ,—сказалъ я ему. Я вполнѣ понимаю васъ, какъ европейскаго юриста, негодующаго на

обвищеніе своихъ кліентовъ по такимъ-то и такимъ-то статьямъ формальнаго закона, къ дѣянію ихъ не подходящимъ. Но согласитесь, что въ полудинкой странѣ, гдѣ право судебное и право административное разграничены чертою не толще волоска, вамъ слѣдовало бы благодарить Бога, что друзья ваши отдѣлались такъ дешево.

— Противъ нихъ не было прямыхъ уликъ,—сердито пробурчалъ Шоповъ.

— Но кому же неизвѣстно, что Г., М. и другіе легко осужденные — вожаки комитетской агитаціи, а первый, быть-можетъ, даже глава ея? Что же турки — дѣти, что ли? меньше насъ съ вами знаютъ?

— Не доказано ничего этого! — улыбнулся Шоповъ.

— Да кто же говоритъ, что доказано? Кабы доказано было, турки ихъ повѣсили бы. Чего хорошаго вы ждете отъ турокъ? Вы возмущаетесь ихъ юридическою недобросовѣстностью, что они подвергли легкимъ наказаніямъ обвиняемыхъ, противъ которыхъ не нашли уликъ, а я, признаться, изумляюсь уже тому административному прогрессу, что они допустили даже такой угнетенный и пристрастный, но все-таки гласный процессъ, а не передушили и Г., и М. по одному подозрѣнію, полпцейскимъ манеромъ...

— А я-то здѣсь зачѣмъ? — гордо сказалъ Шоповъ.

— Вы — только торговый агентъ: на ваше вмѣшательство вамъ могутъ даже не отвѣтить, — не ваше, молъ, дѣло.

Онъ понялъ, что я шучу, и смѣрилъ меня веселымъ, смѣющимся взглядомъ:

— Миѣ-то?!

Болгарскіе торговые агенты въ Македоніи, собственно говоря, люди дипломатически безправные. Въ торговыхъ отношеній они *de jure* не могутъ ни въ чемъ оказать ни содѣйствія, ни защиты своимъ землякамъ. Не то *de facto*. Дайте болгарину только мизинецъ. — руку вашу онъ уже самъ захватитъ. Строго разсуждая, торговый агентъ не

имѣть права ни украшать дома своего гербомъ и флагомъ своего государства, — привилегія консуловъ и дипломатическихкихъ представителей, — ни заводить кавасовъ, ни дѣлать властямъ визиты отъ имени своего правительства. Посягни на такую дерзость торговый агентъ русскій, германскій и т. п., — его бы сейчасъ же постигло взысканіе, по жалобѣ собственнаго же соотчича-консула, какъ за превышеніе власти и присвоеніе себѣ неподлежащихъ атрибутовъ ея. Но Болгаріи, вассальному княжеству, оставшемуся внѣ консульскаго права, необходимо хотъ фиктивно поставить своихъ торговыхъ агентовъ на консульскую ногу, и они всѣ стараются играть консульскія роли. Конечно, не мало претерпѣваютъ при этомъ щелчковъ по самолюбію, осаживанія назадъ, униженій. Но ихъ, какъ «людей съ плапомъ», — «хоть чортомъ зови, только хлѣбомъ корми». Надъ ихъ роскошными мундирами, кавасами, флагами, гербами смѣются, — пусть де величаются! Отъ слова, моль, не станется, а — чѣмъ бы дтя ни тѣшилось, лишь бы не плакало! А подъ смѣшокъ, втихомолку, агенты обдѣлываютъ не маленькое дѣло, приучая народъ видѣть въ нихъ, если еще не ровень консуламъ великихъ державъ, то, во всякомъ случаѣ, близкихъ участниковъ ихъ desogim'a.

Долженъ былъ нѣкій русскій туристъ присутствовать на одной торжественной церковной службѣ. Въ какомъ македонскомъ городѣ, — не скажу, дабы косвенно не сдѣлать непріятности участникамъ исторіи, которую хочу рассказать. Собираются они съ русскимъ консуломъ, во всемъ парадѣ, въ соборъ, — вдругъ, приходитъ драгоманъ, шепчетъ что-то. Консулъ озабоченъ.

— Что случилось?

— Такая, право, непріятность... Болгарскій агентъ уже въ церкви и забрался на консульское мѣсто.

— Такъ что же?

— То, что выйдетъ исторія. Консульское мѣсто — маленькое: либо греку, либо сербу стать будетъ негдѣ, а они

имѣють на то больше права, чѣмъ болгаринъ,—ну, стало быть, пойдетъ писать губерція.

— Такъ потребуйте, чтобы болгаринъ освободилъ мѣсто.

— Это—чтобы немедленно полетѣли жалобы въ Софію и Константинополь? чтобы газеты княжества закричали о моемъ болгарофобствѣ? Помилуйте, будто вы нашихъ братушекъ не знаете! Они такую бурю въ стаканѣ воды подымутъ, что полгода потомъ отписываться придется.

— Такъ какъ же?

Консулъ подумалъ малую толику и вдругъ—дипломатическое чело его прояснилось.

— Выручите... вы!

— Я? какимъ образомъ?

— А вотъ какимъ. У васъ есть болгарскій орденъ?

— Есть, даже звѣзда.

— Надѣньте ее, пожалуйста.

— Зачѣмъ? Я не люблю...

— Надѣньте, вы мнѣ услугу окажете.

— Извольте, хотя не понимаю—чѣмъ.

— Очень просто. У васъ—звѣзда, а у нашего агента—только четвертая степень, ну, слѣдовательно, онъ, сообразно этикету, долженъ будетъ уступить и даже самъ предложить вамъ свое мѣсто.

— Такъ-съ. Но позвольте: если я къ вамъ заберусь на вашъ амвонъ, греку-то съ сербомъ, все-таки, не будетъ, гдѣ стать? ^

— О! это ничего! Они ребята хорошие, на русскаго въ претензіи не будутъ,—только бы болгаринъ не очутился выше ихъ. Всѣ эти балканскіе народцы, вѣдь, только и дѣлають, что считаются между собою за первенство,—и дипломаты ихъ таковы же.

— И часто приходится вамъ трудить себѣ мозги подобными мелочами?

— Да почти каждый день. Вся жизнь въ томъ проходитъ.

— Бѣдная жизнь! какъ дешево она размѣнивается!

— Да ужъ печальнѣе, пошлѣе, тупѣе нашей жизни — врядъ ли найти... Хуже, чѣмъ въ уѣздномъ городѣ!

Такъ какъ игра въ консула и терпимость къ этой игрѣ иностранныхъ представителей и турецкихъ властей, все-таки, консуломъ болгарскаго агента не дѣлается, и, въ случаѣ очень серьезныхъ осложненій, его, дѣйствительно, слушать не стануть, — то всюду, гдѣ есть болгарскіе торговые агенты, они спѣшатъ сдружиться съ настоящимъ консуломъ какой-либо могущественной державы, дѣлаются тѣнью его славы, а часто — и направиателями его дѣйствій. Такъ, напр., Шоповъ, не слишкомъ благосклонно рассматриваемый въ нашемъ солунскомъ консульствѣ, нашель зато твердую поддержку въ германскомъ вице-консулѣ Падель.

Объ этомъ дипломатѣ русскіе, сербы и греки говорили мнѣ много дурного. Въ его политикѣ, можетъ быть, дѣйствительно, случались моменты большой безтактности, ненужно оскорбительной для представителей другихъ державъ. Но, по человѣчеству, дай Богъ всеѣмъ людямъ консульской власти столько энерги въ помощи бѣдствующимъ и сердечной отзывчивости, какъ обнаружилъ Падель хотя бы въ томъ же солунскомъ процессѣ компететцовъ. Вмѣшательствомъ своимъ онъ значительно повліялъ на смягченіе приговора. Онъ же изобличилъ отвратительныя жандармскія и сыщическія экскурсіи въ горы. Забравшись въ глухую деревушку, какой-нибудь вахмистръ, со своимъ солдатскимъ взводомъ, становится для безоружнаго населенія диктаторомъ безъ апелляціи, хозяиномъ жизни и смерти. Понятное дѣло, — грабежъ, шантажъ, насилія...

Изъ организаціи мелкихъ разбойничьихъ шаекъ Македонская революція мечтала, одно время, сдѣлать главный козырь своей игры. Шайки эти оказались совершенно безвредными и, косвенно, даже полезными туркамъ, а населенію — страшно тяжелыми и опасными. И корми-то ихъ, и прячь, и отвѣчай за нихъ потомъ... а толку въ нихъ

противъ турокъ—въ концѣ-концовъ, никакого. Насколько турки понимаютъ, что всѣ эти банды *) представляютъ собою лишь покушеніе съ негодными средствами, лучше всего характеризуетъ та хитрая вялость, съ какою они противъ бандъ борются. Это — борьба не въ серьезъ, а «для модели, чтобы люди глядѣли». Достаточно сказать, что когда предшественникъ нынѣшняго солунскаго вали, человѣкъ большой энергіи и крутой воли, принялъ было задачу искоренить разбойничество совершенно серьезно и усердно взялся за ея разрѣшеніе, успѣхи его отнюдь не встрѣтили сочувствія въ Стамбулѣ. Разбойничество всегдѣ было погасло въ Родопяхъ, но, вмѣсто благодарности, ретивый вали получилъ отъ Абдуль-Гамида только что не «дурака» и приказаніе — обезоружить специальный корпусъ стражниковъ, созданный было для преслѣдованія разбойниковъ. Комическій корпусъ существуетъ и до сихъ поръ не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности, — но безъ ружей, револьверовъ, шашекъ. Если бы странному воинству этому хоть разъ случилось оправдать свою первоначальную миссію и свое наименованіе, горемыкамъ-стражникамъ пришлось бы итти на ружья Маузера и Манлихера, копми обычно вооружены повстанцы, съ голыми кулаками. А между тѣмъ именно стражники-то и истребили было разбойничество — къ гордости недогадливаго вали, но къ неудовольствію Ильдизъ-Кіоска. Теперь турецкая администрація лучше понимаетъ свое начальство: противъ разбойниковъ, почти безвредныхъ для турокъ, но тяжелыхъ для бюджета своихъ же братьевъ, укрывателей-крестьянъ, она воюетъ весьма спустя рукава. Шайка обнаружена. Съ нею затѣваютъ перестрѣлку, ее преслѣдуютъ, выбиваютъ ее изъ извѣстнаго района и — обыкновенно — даютъ

*) Банды разбойническія, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ повстанческими четами, правильно организованными и представляющими серьезную военную силу. Но въ 1901 году такихъ четъ еще не было. Онѣ созрѣли только къ 1903.

возможность перебраться въ другой. Зачѣмъ? А вотъ зачѣмъ. Появленіе ея принимается и толкуется, какъ показатель революціоннаго броженія въ околоткѣ, гдѣ она была обнаружена, и какъ предлогъ пугнуть и подтянуть обывателей, нагнавъ имъ новаго страха предъ жестокими побѣдителями. По деревнямъ и селамъ начинаютъ расхаживать солдатскіе и жандармскіе отряды, добываясь показаній о разбойникахъ, кто ихъ зналъ, кто укрывалъ, кто имъ сочувствуетъ, да нѣтъ ли въ селеніи оружія, да нѣтъ ли тайныхъ сношеній съ болгарами etc. И, опять-таки не принесъ туркамъ ни вреда, ни ущербъ, ушедшая банда оставляетъ своимъ единоплеменникамъ поистинѣ страшное наслѣдство турецкаго розыска. Потому-что въ этихъ-то мрачныхъ жандармскихъ путешествіяхъ по краю и творятся всѣ тѣ несправедливости, жестокости, насилія, крикъ о которыхъ недавно чуть-чуть было не довелъ македонскаго вопроса до фазиса европейскаго вмѣшательства. Нѣмцы, во время франко-прусской войны, парализовали дѣйствія вольныхъ стрѣлковъ борьбою не противъ нихъ самихъ, но разстрѣливая жителей деревень, близъ коихъ мобили появлялись. Турки держатся того же метода. И, если даже эльзасскаго патріотизма не хватало иной разъ на укрывательство вольныхъ стрѣлковъ,—такъ диво ли, что македонскій мужикъ, мирный, скупой, темный въ національныхъ и политическихъ вопросахъ, трепещетъ посѣщенія своего села революціонерами—всегда рокового страшными послѣдствіями турецкаго возмездія. (См. въ концѣ книги *Приложеніе В.*).

Падель самъ открылъ въ солунскомъ госпиталѣ дюжину болгаръ, пришедшихъ изъ деревень жаловаться вали на истязанія, которыя претерпѣли они отъ заптіевъ, при обыскѣ ихъ хижинъ. Ихъ не допустили къ вали, побили еще и бросили въ тюрьму,—лишь по заступничеству германскаго консула, турецкій прокуроръ распорядился перевести ихъ въ госпиталь.

Я видѣлъ самъ людей, которымъ, вымогая отъ нихъ деньги, вывертывали ключемъ пальцы, капали кипяткомъ на темя... о побояхъ, розгахъ нечего и говорить. Я видѣлъ крестьянскую дѣвушку, сумасшедшую отъ зрѣлища истязаній, которымъ подвергали ея семьянъ... отецъ ея тоже рехнулся.

Надо отдать справедливость болгарамъ: людей для своихъ дипломатическихъ цѣлей они выбирать умѣютъ и между чужими, и пзъ своихъ. Я знакомъ не съ однимъ десяткомъ болгарскихъ дипломатовъ, и не знаю между ними ни одного дурака, чего, увы! нельзя сказать про представителей большинства другихъ державъ, хотя бы и гораздо болѣе великихъ.

Нашъ солунскій консулъ, Н. А. Илларионовъ *), человекъ пожилой и большой знатокъ турецкаго Востока, который изучаетъ онъ практическою службою уже болѣе тридцати лѣтъ. Я встрѣтилъ въ немъ скептика по вопросу славянской розни, да и по всей македонской политической загадкѣ: молъ—*laissez faire, laissez passer*, и все въ свое время придетъ къ мирному знаменателю само собою. Сколько я могъ замѣтить, чѣмъ старѣе нашъ дипломатъ на Востокѣ, чѣмъ дольше онъ прослужилъ въ Турціи, тѣмъ меньше въ немъ вѣры въ самостоятельныя силы славянскихъ народностей, въ серьезность ихъ движеній, въ надежность и прочность ихъ политическихъ порывовъ.

— Развѣ все это для себя они? Для Австріи каштаны изъ огня достаютъ,—для Австріи, и только для одной Австріи!

Таковъ общій голосъ стариковъ. И—увы! въ девяти десятыхъ каждаго современнаго движенія въ славянствѣ они глубоко и обидно правы...

*) Бывшій: въ 1902 г. онъ постригся въ мошахи.

IV.

Кромѣ славянъ и грековъ, не малою обузою политической является для нашего солунскаго консулата Аѳонъ, съ огромнымъ русско-подданнымъ населеніемъ, крайне неопредѣленнымъ въ своихъ юридическихъ и каноническихъ правахъ. Вѣчныя распри съ греками, а пзъ распрь—вѣчныя недоразумѣнія съ турецкою властью, за которую весьма часто прячутся отъ консульскаго ока даже и русскіе подданные. Ибо, изъ числа послѣднихъ, на Аѳонѣ не все живутъ праведники, а достаточно и такихъ голубчиковъ, по коимъ давно Сахалинъ плачетъ.

— Необходимо подчинить массу монашествующихъ русско-подданныхъ русской же юрисдикціи!

Миѣніе это я слышалъ и въ Константинополѣ, и въ Солуни—всюду, гдѣ есть непосредственныя связи съ аѳонскимъ иществомъ. А вотъ—если угодно, и гласъ народа, гласъ Божій.

Скитаясь по крутымъ улицамъ-лазейкамъ грязной константинопольской Галаты, я встрѣтилъ маленькую группу русскихъ мастеровыхъ, къ удивленію, не паломниковъ, а живущихъ здѣсь на заработкахъ. Пошли мы съ ними въ грязный-прегрязный трактиръ «Москва», угостилъ я ихъ пивомъ, а они рассказали миѣ, каково имъ здѣсь живется и работается. Жаловаться не приходится: повидимому, деньгу зашибаютъ.

— Я сюда, какъ за границу—учиться ѣхалъ,—говорилъ молодой еще малый, кузнецъ и слесарь по ремеслу,—потому-что на родинѣ я былъ только подмастерьемъ. А вышло, что вотъ—кое время уже работаю, а конкурента себѣ не нахожу. Такъ-что обозначился я здѣсь, какъ первый мастеръ. Ну, стало быть, и добываю тому соотвѣтственно.

На тутокъ русскіе нѣ плачутся, по горько негодуютъ на мошенничества и надувательства грековъ. А ужъ въ особенноти. по словамъ ихъ, не дай Богъ имѣть дѣло съ монашествомъ.

— Это такой пародъ: хорошо, если они тебя, при расчетѣ, только поднадуютъ, а то норовятъ и работу взять, и расчета не дать, а не покорншься ты, да станешь по консуламъ ходить — такъ они тебѣ такую исторію подстроятъ, что и въ тюрьму сядешь.

— Одно слово: вагабунты! — мрачно поддакнулъ другой.

Обширныя лингвистическія способности русскаго чело-вѣка вообще сказывались въ разговорѣ этихъ искателей заграничнаго счастья довольно комическимъ вставкамъ въ русскую — ярославскую, московскую, черниговскую — рѣчь массы словечекъ, выхваченныхъ изъ турецкаго, греческаго, итальянскаго, французскаго языковъ. Разговоръ пестрѣлъ «конкурентами», «вагабунтами» и т. д. По-турецки съ грѣхомъ пополамъ говорили всѣ и часто переходили на турецкій языкъ въ разговорѣ между собою, въ интересахъ *a parte*.

— Прямо вамъ скажу, господинъ, — продолжался разговоръ о монахахъ, — вѣры здѣсь у грековъ никакой нѣтъ. Вѣра — въ Расеѣ осталась, а здѣсь одно торговство святынею. Что у нихъ дорогого? Все купить за деньги можно. Почему ты экономъ, ключарь, игумень? Кто тебя стригъ — то-есть, души-то править ставилъ? Патріархъ. А угодно, — хоть бы вамъ, напрімѣръ, сейчасъ фантазія пришла, — завтра игуменомъ стать? Съ полнымъ удовольствіемъ! Заплатите патріарху пятьдесятъ турецкихъ лиръ — пятьсотъ рублей значитъ — и пожалуйста: и подстригутъ, и монастырь дадутъ. А ужъ какъ вы эти пятьдесятъ лиръ свои назадъ изъ монастыря да изъ публики выжимать станете, — ваше дѣло. И — что вы за челоуѣкъ въ міру были — тоже никому не касающее. Заплати, — и монашествуй, игуменствуй,

какъ хочешь! Можетъ, у тебя руки въ крови, можетъ, ты только-что обокралъ кого, убилъ, изнасиловалъ, — наплевать! Заплатилъ, и правъ.

— Да, такъ оно и есть, — вступился другой. — Взять хоть покойнаго отца П. — вотъ, который потомъ удавился-то съ горя, капиталу рѣшившись. Нашъ же бѣглый съ Азова, донской казакъ былъ, сюда по подложному паспорту прибылъ... какой такой человѣкъ? Кто его зналъ — душегубецъ онъ али что? А саномъ облеченъ былъ, св. даровъ касался, благословенія раздавалъ...

— Я здѣсь и говѣть-то не рѣшаюсь, — сказалъ третій. — Ну ихъ! сами посудите, господишъ: ну, какъ я къ такому отцу на духъ стану? Какое отъ него отпущеніе можетъ быть, коли по немъ острогъ плачетъ?

И хоромъ повторяли:

— Большое здѣсь умаленіе вѣры!

— Великій соблазнъ.

— Русскому сюда и носа показывать не слѣдуетъ, коли не желаетъ онъ религію свою огорчить.

— Меня больше всего то обижаетъ, — заговорилъ спова первый, — что ужъ больно эти монахи изъ нашихъ русскихъ крестьянъ, купцовъ, вообще, которые вѣрующіе, большихъ дураковъ строятъ. Вѣдь тамъ, въ Россіи, ихъ за святыхъ почитаютъ: подвижники! Извѣстное дѣло: наше росейское духовенство слабости свои имѣеть... многое и въ немъ соблазнъ людямъ даетъ. Только я вамъ всеже, господишъ, по правдѣ скажу: какъ приглядѣлся я тутъ по монастырямъ, — такъ самый грѣшнѣйшій русскій попъ святѣе самаго ихняго преподобнаго.

Второй засмѣялся.

— Меня, когда я въ прошломъ годѣ въ Россію ѣздилъ, отецъ чуть оглоблю не убилъ, какъ я ему сталъ объяснять, какое здѣсь между монаховъ мошенничество и распутство... Врешь ты! — говорить, — турецкаго духа, с...ть с...ть, набрался. Это у насъ духовенные слабы, а тамошніе бѣд-

ственную жизнь ведутъ, за вѣру страдаютъ, турки-изувѣры надъ ними мучительствуютъ.

Первый перебилъ:

— Ну, да! Читали, небось, письма-то эти монашескія, просительныя? «Крестъ похилился, кумполъ завалился, рпза холщевая, утварь деревянная»... мужички наши плачутъ, жалѣють, — деньги шлютъ... А они тутъ — вонъ, въ родѣ хотя бы удавленнаго этого — по пяти дѣвокъ содержать. Любовницы-то въ бархатѣ, въ шелку. Дома имъ покупаютъ. Удавленный-то чуть не цѣлый кварталъ на Ферекьѡѣ скупилъ.

— А какъ нашего брата обсчитывалъ! — мрачно замѣтилъ третій. — Одного — тоже кузнеца здѣсь — прямо въ разоръ разорилъ. А за что? Сговорился кузнецъ съ монастыремъ на работу по пяти піастровъ съ ока, сдѣлалъ работу, чего лучше нельзя, — а пришло время платить: монастырь — пасъ! Бери, — говоритъ кузнецу экономъ, — съ ока по три піастра. Это выходитъ по 24 копейки вмѣсто 40. Грабежь?

— Конечно, грабежь, — согласился я, едва вѣря ушамъ. — Ну, иноки!

— Кузнецъ не остерегся, вспылить. — Что ты, говоришь, отецъ? съ ума сошелъ?.. Тотъ и вызвѣрился: — Я, — кричить, — я съ ума сошелъ, съ ума сошелъ? Ну, хорошо! погоди же ты! Я тебѣ покажу, какъ въ Цареградѣ монахи съ ума сходятъ... И что же бы вы думали, господинъ? Вѣдь и впрямь: мало, что кузнецъ работы своей лишился и расчета не получилъ, а и по сю пору Бога благодарить, что хоть въ тюремѣ-то не очутился... Вѣдь у нихъ — у монаховъ — какое убѣжденіе? Мы-де всѣхъ и все кушить можемъ! Одному этакому — тоже при обсчетѣ — говоритъ нашъ мастеръ: я жаловаться буду! — Ступай! жалься! мы пачальству заплатимъ: по-нашему будетъ. — Есть же Богъ-то надъ вами! — говоритъ русскій. А монахъ смѣется: — Богъ? а ты думаешь — Богъ безъ бакшиша тебѣ поможетъ? Такъ рус-

скій-то—въ бороду ему плюнул! честное вамъ слово! Вотъ они каковы кощуны — святые эти.

— А зачѣмъ онъ кузнеца обсчиталъ?—перенялъ рѣчь первый,—то-есть, я все объ удавленномъ этомъ... Тоже бабу завелъ, русскую нашу, «сестричку». Ну, чистила она карманъ ему ловко, а онъ на паннемъ братѣ, рабочемъ чело­вѣкѣ, убытокъ свой возмѣщаль. Только опосля она—Аннушкой, кажись, ее звали—нажлвъ деньги, въ Россію сбѣжала. А вагабунтъ этотъ,—монахъ-экономъ, то-есть,—видить: баба—фюнтъ, въ карманѣ опустошеніе, чуть ли и монастырскихъ суммъ не коснулся... Ну, затосковаль—по бабѣ ли, по капиталу ли—да и подвѣсялся на ремѣ, въ собственномъ своемъ апартаментѣ.

Я не называю именъ, на которыя простодушные себе­сѣдники мои ссылались, ни что же сумняшеса, какъ на обще­извѣстныя «по этой части». Но я нахожу, что уже самый фактъ возможности подобныхъ откровенныхъ и беззащит­ныхъ ссылокъ — явленіе характерное и крайне печаль­ное. Вѣдь—не затѣмъ же, чтобы выискивать сплетни и са­мому сплетничать объ единовѣрцахъ, ѣдетъ сюда русскій простолюдинъ. Приѣхаль онъ работать, а монаха-едино­вѣрца пошелъ искать общительности ради, по православ­ной мужицкой симпатіи, по русскому довѣрію къ «батюшкѣ», по привычкѣ общенія съ духовнымъ лицомъ. И—если, вмѣ­сто духовнаго лица, находитъ онъ «вагабунта», если, вмѣ­сто духовной поддержки, общенія, наставленія, встрѣчаетъ грабежъ, эксплуатацію, видитъ развратъ и грязныя дѣ­лишки,—то, конечно, естественно ему и вознегодовать, и выразить свое негодованіе и громко, и рѣзко. Русскій на­родъ не ханжа и не фанатикъ, но ни шутокъ съ вѣрою своею не любитъ, ни тѣмъ болѣе—чтобы обращали ее въ предметъ эксплуатаціи: аферъ на религіи, такъ свойствен­ныхъ грекамъ, онъ, слава Богу, не понимаетъ, да и не хочетъ, не можетъ понимать.

Я знаю въ Москвѣ образованнаго купца-старообрядца.

Человѣкъ въ высшей степени интеллигентный, кончившій гдѣ-то за границею университетскій курсъ по философскому факультету, онъ, въ частныхъ бесѣдахъ, является пантеистомъ чистой воды. Что православіе съ «большими колоколами», что родительское «согласіе» — для него, какъ религіознаго міросозерцателя in abstracto, конечно, безразличны. Но всякій разъ, какъ съ нимъ заговариваютъ:

— А отчего бы вамъ, Авва Матвѣевичъ, не присоединиться? а?

Авва Матвѣевичъ принимаетъ весьма гордую осанку и насмѣшливо отвѣчаетъ:

— Зачѣмъ же съ собственно-съ? И какъ же возможно-съ? Это — кошку на кошку мѣнять легко-съ, а вѣру на вѣру довольно затруднительно-съ и даже неловко-съ. Неприлично-съ вѣру ломать-съ.

— Да вѣдь неудобно же вамъ съ этою вѣрою. Вотъ — вамъ давно бы пора городскимъ головою быть, а, какъ старообрядца, васъ не утвердятъ.

— Что же дѣлать-съ? Подождемъ-съ. Ждали-съ и пождемъ-съ.

— И все это изъ-за вѣры, которой вы втайнѣ, какъ новый человѣкъ, не питаете?

— Да что же новый человѣкъ-съ? Отцы питали, — и я питаю-съ. Дурного, окромѣ хорошаго-съ, отъ этого никому нѣтъ-съ. А — что вѣра старая — такъ это ничего-съ. Ничего-съ, что старая. Она вѣра хорошая-съ. Купеческая вѣра-съ.

Такъ вотъ для стойкихъ людей, что, по мѣткому слову того же Аввы Матвѣевича, «вѣру свою отъ отцовъ получили, а не на kota въ мѣшкѣ вымѣняли-съ», униженія религіи, коихъ они становятся свидѣтелями въ греческомъ монашествѣ, — конечно, острый ножъ въ сердце. Воображаю, какіе «перевороты религіи» должны дѣлаться съ вѣрующими русскими людьми — здѣсь, въ Константинополь,

когда, очутясь среди мѣстнаго духовенства, они съ ужасомъ сознають:

— Батюшки! Да вѣдь это волки, самозванно одѣвшіе на себя ризы святителя Николая!

— Знакомство съ греческимъ духовенствомъ,—сказалъ мнѣ одинъ иностранный дипломатъ, долго жившій въ Россіи,—полезно для русскихъ лишь въ томъ отношеніи, что затѣмъ они начинаютъ болѣе снисходительно цѣнить духовенство свое собственное. Ваши священнослужители, можетъ-быть, менѣе образованы, менѣе способны и охочы къ пропагандѣ вѣры, чѣмъ было бы желательно для ея постоянныхъ и правильныхъ успѣховъ. Есть между ними, конечно, какъ уроды въ семьѣ, люди нетрезвые, алчные, жадные. Но всеже — это исключенія, а не общее правило. Здѣсь же исключеніе — мало-мальски порядочный монахъ. А вся масса иноческая погрязаетъ въ той же нравственной тинѣ, что и полторы тысячи лѣтъ назадъ, когда противъ пороковъ византійскаго монашества равно гремѣли и послѣдніе витія-сатирики паганизма, и возмущенные писатели-обличители торжествующей христіанской церкви.

Особенно много хлопотъ и Аѳону, и дипломатіи доставляютъ келіоты, т.-е., монахи пустынножительствующіе, одиночки. Впрочемъ—одиночки только по уставу, потому что большинство келіотовъ стремится обратить, какъ можно скорѣе, келью свою въ скитъ, завести братію и жить помѣщиками, ведя доходную переписку съ русскими благодѣтелями о вспомоствованіяхъ «подвижникамъ». Пьянствуютъ и безобразничаютъ эти вырожки монашества самымъ безпардоннымъ образомъ. Въ паглости вымогательства дошли до того, что лѣнятся уже даже писать просительныя письма, а прямо рассылаютъ печатные бланки, со вставкою лишь благодѣтельскихъ именъ и фамилій. Въ паглости торговли святынею—до того, что, подъ видомъ аѳонскихъ пѣкошь, рассылаютъ жестяные печатные лпки московскихъ фабрикъ, не стѣняясь даже клеймамп фирмъ. Постоян-

ные земельные захваты, постоянное чуть не «въ колья» между группами келіотовъ, либо между ними и сербскими монахами, болгарскими, греческими. Келіоты — истинная язва Аѳона, компрометирующая его монашество. Последнее ждетъ, не дожидется, когда келіотскій вопросъ будетъ упорядоченъ. Поставить его въ прямое распоряженіе и подъ юрисдикцію консульствъ русскихъ, быть-можетъ, единственное средство къ приличному и давно уже необходимому его разрѣшенію. Самыя увольнительныя свидѣтельства для поступленія въ монашество слѣдовало бы провѣрять, въ случаѣ, если бы ими пользовались для распложенія келіотскаго дармоѣдства. Шутка сказать! Черезъ однѣ Салоники проходитъ изъ Россіи на Аѳонъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей ежегодно, и добрую половину этихъ денегъ надо считать напрасно брошеною и недостойно выманенною разными волками въ овечьихъ шкурахъ, коңунами-гешефтмахерами, эксплуататорами религіознаго довѣрія къ тысячелѣтнимъ святынямъ. Нельзя сказать, чтобы жизнь и практическая дѣятельность большихъ аѳонскихъ обителей состояла только изъ однѣхъ свѣтлыхъ сторонъ: наслушался я объ ихъ подворьяхъ и анекдотовъ, и фактовъ въ Константинополѣ — центральномъ пересыльномъ пунктѣ паломничества. Но даже сами братскіе монахи отрещиваются отъ своихъ келіотовъ усерднѣе, чѣмъ отъ бѣсовъ. Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія, и найдется извѣстное количество порядочныхъ иноковъ-аскетовъ и въ келіотской массѣ, но они жемчужника въ навозной кучѣ, «голубки въ стаѣ черныхъ вороновъ».

За Шаромъ.

(1901).

Есть старій католическій анекдотъ о простацѣ, который купилъ индульгенцію и думалъ, что вотъ—теперь его дѣло въ шляпѣ: умри и ступай прямо въ рай. Однако, когда простакъ умеръ, за нимъ явился чортъ и требуетъ его въ адъ.

— Позволь! — протестовалъ бѣдняга, — не имѣешь права: я получилъ отъ папы отпущеніе грѣховъ.

Чортъ съ удивленіемъ вытаращилъ глаза и спросилъ:

— Какое такое отпущеніе?! Въ жизнь не слыхивалъ, чтобы грѣхи отпускались.

— На, читай! — съ торжествомъ воскликнулъ грѣшникъ и сунулъ индульгенцію чорту подъ самый носъ.

Но чортъ пожалъ плечами и возразилъ:

— Да я неграмотный.

И потащилъ грѣшника въ адъ: тамъ-де старшіе разберутъ. Но—такъ какъ въ аду чрезвычайно много огня и обходятся съ нимъ не особенно осторожно—то индульгенція грѣшника вспыхнула и сгорѣла, а самъ онъ, за утратою доказательнаго документа, такъ и остался на вѣки вѣчные лизать горячія сковороды. Вотъ, что значитъ попасться въ лапы къ неграмотному чорту!

Совершенно такими же безпослѣдственными индульгенціями являются въ Старой Сербіи и въ тѣхъ частяхъ Македоніи, гдѣ славянское населеніе перемѣшано съ албанскимъ, всѣ льготы и гласящіе о нихъ документы, кои, съ великимъ трудомъ и затратами, удается по временамъ мѣстнымъ христіанамъ добиваться для себя въ Стамбулѣ.

— Въ горахъ фирмановъ не чптають!—гласить гордая арнаутская пословица.

На постройку православной часовни (сербской, патриаршистской) дано разрѣшеніе изъ Константинополя. Мутесарифъ приштинскій даетъ предписаніе приступить къ сооруженію зданія. Но противодѣйствіе мѣстнаго муфтія и мусульманъ-албанцевъ оказывается сплнѣе турецкихъ властей, не исключая воли самого падишаха.

Мастеръ, который взялся за постройку, теряетъ огромныя для него суммы, приходитъ въ полное отчаяніе, плачется предъ мусульманами:

— Что вы со мною дѣлаете? за что вы меня губите? И, наконецъ, какъ вы смѣете своевольничать? Развѣ вы не видите: вотъ подпись и печать мутесарифа.

Муфтій съ важностью гладитъ бороду и съ ласкою отвѣчаетъ:

— Какъ ты глупъ, сынъ мой! Неужели ты, проживъ до сѣдыхъ волосъ, не успѣлъ узнать, что по сю сторону Шара нѣтъ мутесарифовъ?

Это—истиное происшествіе.

Муфтій совершенно правъ. Македонія, какъ ни дико и бурно ея современное состояніе. есть лишь предисловіе къ анархіи. Настоящая анархія—тамъ, за пестрыми горами Шара, съ его великолѣпною снѣжною вершиною, напоминающею Казбекъ, только приземистый и приплюснутый.

Это—край страшной, кровавой, систематически напряженной, воинственной иммиграціи, которою албанцы послѣдовательно вытѣсняють изъ Великой Сербіи ея исконныхъ и законныхъ обитателей сербовъ. Общее мнѣніе здѣсь:

— Если такъ продолжится, если правительство стамбульское не стряхнетъ съ себя преступной слабости и робости предъ албанцами, то не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ въ Старой Сербіи не останется ни одного серба,— всѣ будутъ либо перерѣзаны, либо вынуждены эмигрировать. И учредится тамъ албанскій вертепъ, и будетъ тамъ

адъ, и—что изъ этого выйдетъ—одному Господу Богу пзвѣстно.

Приштина—одннъ изъ важнѣйшихъ и мрачнѣйшихъ центровъ этого будущаго ада—произвела на меня крайне тяжелое и печальное впечатлѣнiе. Нерадостно ѣздить по городу, когда слѣва и справа видишь, какъ рослые, брпзоволицые, свирѣпые люди въ бѣлыхъ тюбетейкахъ бросаютъ на тебя пскоса взгляды, какiе именно развѣ лишь черти въ аду устремляютъ на грѣшниковъ, котлу обреченныхъ...

— Ну, не будь, мошь, съ тобою двухъ кавасовъ впереди, да двухъ сзади,—узналъ бы ты, кяфиръ, что мы за молодцы.

— Видите вопъ ту лавку?—говорить мнѣ г. Абрамовичъ, сербскiй консуль, любезный и гостепрiимный домохозяинъ мой въ Приштину.

— А что въ ней особеннаго?

— Историческое въ своемъ родѣ мѣсто: тутъ убитъ первый здѣшнiй сербскiй консуль, мой предшественникъ.

— За что? Кѣмъ?

— За то, что какому-то шальному арнауту понадобилось разрядить ружье *). Онъ и уложилъ проходившаго мимо, ничего не ожидая, гяура. Не любили консула мусульмане. Ну, и подстрѣлили.

— Что же имъ было за это?

— Да—чему же быть? Вдовѣ убиатаго турецкое правительство выплатило сто тысячъ франковъ. Собственно говоря, это—для турокъ — въ чужомъ пиру похмѣлье. Потому-что—какое имъ дѣло до арнаутовъ? Они сами отъ этихъ изверговъ чуть не плачутъ. Вѣдь знать ихъ не хотятъ, разбойники. Есть округа, куда ни одинъ турецкiй чиновникъ не смѣетъ показать и носа. Арнауты считаютъ,

*) Совершенно такъ же былъ убитъ проходившiй албанцемъ кавасъ русскаго консульства въ Ускюбѣ, болгаринъ.

что всё права принадлежатъ имъ, а обязанностей они — и знать никакихъ не хотятъ. Убить — ихъ дѣло, а расплачивается пусть турецкое правительство. «Турокъ плаца», какъ говоритъ румынская пословица.

— Платите хоть какія-нибудь подати! — тщетно и робко взывать Стамбуль къ арпаутамъ.

— Собирайте, если можете.

— Ну; если вы не въ состояніи платить, то хоть исполняйте натуральныя повинности.

— Напримѣръ?

— Исправьте горныя дороги: вѣдь сейчасъ на нихъ чортъ ногу сломитъ.

— Не желаемъ: для насъ дороги наши очень хороши, а чужакамъ, если они не правятся, тѣмъ лучше, — чужаки пусть къ намъ и не ѣздятъ. Исправить дороги? Хитрые вы люди! Это — чтобы свободно привести къ намъ свои батальоны и заставить насъ дѣлать все, что вамъ угодно?

Итакъ — ни денегъ, ни работы. Фирманъ султана объ упрядоченіи путей сообщенія въ Коссовскомъ вилайетѣ лежитъ безпомощно, безъ движенія, подъ сукномъ. Вали грозитъ принять противъ упрямецевъ послѣднія рѣшительныя мѣры, — они смѣются и твердятъ:

— Въ горахъ фирмановъ не читаютъ.

Удивительно сложны и странны отношенія между албанцами и Стамбуломъ. Эти дикіе аборигены Балканскаго полуострова, эти пелазги, пережившіе свою исторію, такъ-что вовсе позабыли ее, и слѣда отъ нея не осталось, — въ одно и то же время, — величайшая надежда Ильдизъ-Кіоска, и величайшій его страхъ.

— Самые отвратительные подданные, самая восхитительная орда!

Вокругъ султана толпится албанская опричнина: ей одной довѣряетъ Абдуль-Гамидъ жизнь свою и благосостояніе. Это не ошибка съ его стороны: кому албанецъ, — особенно если онъ изъ сѣвернаго дикаго племени

еговъ,—продался, тому онъ и служить вѣрно и преданно, какъ дворовая, зубастая собака. Частное, личное расположение монарха къ албанской расѣ—конечно, громадный шагъ для представителей ея на западѣ Балканскаго полуострова и въ Старой Сербіи: чрезъ придворныхъ родичей своихъ, не забывающихъ кровной связи съ дикою отчизною, они обдѣлываютъ дѣла, недостижимыя для другихъ расъ турецкаго подданства, понуждая султана даже смѣнять вали и мутесарифовъ, неугодныхъ «его величеству арнаутскому народу».

Недовольство мусульманъ бываетъ двоякаго происхожденія. Либо религіозно-фанатическое, когда мусульманское населеніе считаетъ себя обиженнымъ какими-нибудь льготами или расширеніемъ правъ христіанскаго населенія. Такія недовольства Блистательная Порта очень любитъ: они ей на руку и не требуютъ отъ нея никакихъ усмиреній, до тѣхъ поръ, пока не вмѣшается Европа, а къ тому времени, какъ Европа вмѣшается, обыкновенно бываетъ перерѣзано уже весьма значительное количество христіанъ, чрезъ что образуется достаточное количество выморочныхъ имуществъ, весьма удобныхъ для захвата. Характерною особенностью, напр., армянскихъ погромовъ, по крайней мѣрѣ, въ городахъ, гдѣ чернью руководили образованные, начитанные въ коранѣ вожаки, было отсутствіе пожаровъ. Почему?—Потому, объясняли люди опытные, что пожаръ, какъ насланіе Божіе, отчуждаетъ, по мусульманскому праву, землю, на которой онъ произошелъ, въ завѣтную святыню, на которой можетъ быть возведена мечеть, построена школа, учреждено кладбище, но не частное владѣніе. Турки жгутъ только на непріятельской территоріи; на собственной, хотя бы и буштовской, они всегда находили удобнѣе убивать собственниковъ и завладѣвать ихъ собственностью на выморочномъ правѣ, чѣмъ, пройдя по ней огнемъ, превращать собственность въ мертвое достояніе Аллаха. Возстаніе наводитъ ужасъ на христіанъ,

и они затѣмъ нѣкоторое время,—по теоріи «и злая тварь мила предъ тварью злѣйшей»,—дѣлаются весьма спокойными подъ жомомъ стамбульской власти, памятуя, что какъ ни плоха она, а все же представляетъ для нихъ хоть нѣкоторую гарантію, что не до послѣдняго же человѣка перерѣжутъ ихъ любезные мусульманскіе сосѣдушки,—оставятъ кого-нибудь хоть подати-то платить. Такія недовольства становятся неприятными и опасными для Порты, лишь когда они заходятъ такъ далеко, что Европа уже и проситъ, и требуетъ, и грозитъ, а Порта сама совершенно бессильна справиться съ разгулявшимся кровавымъ смерчемъ и чувствуетъ, что она стремится, въ смерчѣ этомъ, въ бездну, изъ которой выйдетъ ли цѣла, нѣтъ ли,—тайпа въ рукахъ Божіихъ. Но есть мусульманскія недовольства, которыхъ Стамбуль не любитъ, предъ которыми трепещетъ. Это—когда беспорядокъ соціальный и экономическій доводитъ мусульманъ до того, что они забываютъ о своемъ правовѣрїи и религіозномъ единствѣ со Стамбуломъ, и начинаютъ, по поводу голодовки, набора, взысканія недопмоекъ, бушевать, отнюдь не съ меньшею, а едва ли еще не съ большею энергіею, чѣмъ повстанцы-христіане. У Порты достаточно подданныхъ, которыхъ она труситъ, и когда они поднимаютъ ропоть, она, бессильная укрощать ихъ, должна, вмѣсто того, улещать. Такъ было съ курдами, коихъ разбои не могли быть наказаны бессильнымъ правительствомъ, и вотъ, подъ видомъ мѣры упорядоченія и чуть не дисциплинарнаго наказанія этихъ кочевыхъ бандитскихъ шаекъ, учреждена была милиціонная кавалерія гамидіэ, зачисленіе въ которую курды принимали, какъ... милость султана и наградное пожалованіе за изувѣрства надъ армянами! Точно такъ же труситъ Порта и албанцевъ Старой Сербїи. Обыкновенно, когда этотъ свирѣпо-воинственный народъ, наскучивъ алчностью и шутовствомъ стамбульскихъ вершителей судьбы своей, хватался за ятаганы,—его спѣшили умилостивить, направляя на христіанъ-

и Хафизъ былъ смѣщенъ ко всеобщему сожалѣнію — и турокъ и христіанъ *).

Мѣсто Хафиза-паши занялъ Решадъ-бей, человѣкъ мягкаго характера, не особенно твердой воли, но уважающій законъ и съ честными убѣжденіями. Познакомившись съ Решадъ-беемъ, я нашелъ въ немъ человѣка въ высшей степени умнаго, благовоспитаннаго, образованнаго и даже ученаго. Онъ нумизматъ. Его коллекція монетъ тюркскихъ, оттоманскихъ, сельджукскихъ и т. д. — едва ли не лучшая изъ частныхъ собраній и мало чѣмъ уступаетъ коллекціямъ всемірно прославленныхъ музеевъ Европы. Кстати, — отъ Решадъ-бея я узналъ, что, по монетамъ востока, коллекціи нашего петербургскаго Эрмитажа первыя въ мірѣ; за ними слѣдуетъ собраніе лондонское, затѣмъ — Берлинъ, затѣмъ — Римъ.

Напоръ арнаутовъ на Старую Сербію первоначально былъ весьма угоденъ Стамбулу и выгоде: предполагалось, что, вынудивъ изъ края сельское населеніе, арнауты образуютъ между Сербіей, Черногоріей — съ одной стороны, и Македоніей — съ другой, обширную провинцію-буферъ, сплошь мусульманскую по вѣроисповѣданію, фанатически ненавидящую христіанъ, исторически презирающую славянство. Стало быть, по крайней мѣрѣ, съ одной стороны, сербской, Македонія была бы развѣ навсегда ограждена отъ возможности вмѣшательства: самостоятельныя сербскія государства не настолько сильны, чтобы прійти ей на помощь чрезъ области, гдѣ каждый человѣкъ — ихъ природный врагъ, гдѣ каждый мужчина — солдатъ, притомъ солдатъ-дикарь беззавѣтной храбрости и неукротимой свирѣпости.

Расчетъ этотъ началъ-было быстро оправдывать себя и итти къ исполненію. Однако, разрастаясь и набираясь силы,

*) Въ настоящее время онъ опять генераль-губернаторствуетъ въ Ускюбѣ, но уже съ суровыми, антихристіанскими инструкціями и прежней своей репутаціи „друга Машкова“ не поддерживаетъ и не заслуживаетъ... (1903).

P. S. Читая корректуру, получилъ газету съ телеграммою, что Хафизъ-паша умеръ.

албанство, хотя и продолжало души и выживать изъ края христіанъ, но стало показывать зубы и самимъ туркамъ. Начиная съ русско-турецкой войны, — когда нежеланіе турокъ исполнить требованія, предлагаемыхъ берлинскимъ трактатомъ, территоріальныхъ уступокъ въ пользу Греціи и Черногоріи, дало Стамбулу весьма неудачную мысль создать албанскій революціонный протестъ противъ этихъ уступокъ, — албанцы исполнились автономными вождельніями. Патріотическая лига, созданная было подъ внушеніями стамбульскаго двора, дѣйствовала въ этомъ направленіи столь не двусмысленно, — въ особенности, ея сѣверный, старо-сербскій Призренскій комитетъ, — что Порта поторопилась лучше поладить съ Греціей и Черногоріей, чѣмъ позволить развиться новому сепаратическому движенію внутри имперіи, сразу принявшему грозные размѣры. Стамбуль пустилъ въ ходъ тысячи интригъ, чтобы перессорить между собою дѣятелей Призренскаго комитета и, когда добился своего, бросилъ на разрозненныхъ албанцевъ батальоны Дервишъ-паши. Албанцы, застигнутые врасплохъ, не оказали сопротивленія. Но урокъ запомнили. Съ тѣхъ поръ автономныя тяготѣнія въ Албаніи не умираютъ.

Въ тяготѣніяхъ этихъ существуетъ нѣсколько теченій. За исключеніемъ немногихъ развѣ фанатиковъ чисто-національной идеи, всѣ арпауты понимаютъ, что, сама по себѣ, Албанія, въ естественныхъ ея границахъ, слишкомъ мала и бѣдна, чтобы существовать вполнѣ самостоятельною жизнью, не нуждаясь въ сторонней помощи и защитѣ. А Великая Албанія до Салоникъ, о которой нѣкогда мечталъ призренскій комитетъ, — конечно, утопія, возможная къ осуществленію развѣ лишь послѣ поголовнаго избіенія всѣхъ христіанъ на пространствѣ всего Балканскаго полуострова, какъ не свободныхъ, такъ и свободныхъ, — потому что нѣтъ здѣсь ни одной автономіи, хоть сколько-нибудь не заинтересованной въ обладаніи сказанною территоріею. Поэтому албанцы-автономисты заранѣе готовы принять

протекторатъ, но—чей? Одни, думая сохранить историческое родство съ Турціей, желаютъ лишь, чтобы султанъ подтвердилъ албанцамъ фактическую автономію, которою они и теперь уже владѣютъ, подъ условіемъ сохраненія въ краѣ воинской повинности, способной, по первому требованію Стамбула, выставить въ поле 60,000 человекъ. Другіе тянутъ къ Австріи. Третьи— правда, не въ старой Сербіи, но лишь на узкой западной полосѣ албанско-адриатическаго побережья—въ послѣднее время поддаются весьма сильно итальянской пропагандѣ, проявляющей несомнѣныя способности стать прочно на ноги.

Сознавая себя рѣдкимъ звѣремъ, по которому охотясь, ловцы будутъ всячески мѣшать другъ другу: пусть моль будетъ ничей, коли не мой!—албанцы, въ сумятицѣ самыхъ разнообразныхъ пропагандъ, чувствуютъ себя превосходно. Султана они пугаютъ Австріею. Когда недовольны Австріею, даютъ ей весьма осязательныя доказательства своей лояльности предъ султаномъ. Австрія—глава и покровительница католической пропаганды въ славянскихъ и албанскихъ земляхъ. Это сознаніе, однако, ничуть не помѣшало албанцамъ-католикамъ Призрена вступить, на почвѣ национализма, въ самую отчаянную борьбу съ австро-католическимъ миссіонерствомъ и открытымъ заступникомъ его, австрійскимъ консуломъ Раппопортомъ. И, такъ какъ албанцы-католики въ выборѣ средствъ не стѣсняются, то Раппопортъ, послѣ недолгаго дипломатическаго сопротивленія, долженъ былъ убрать изъ Призрена австрійскихъ монаховъ—подъ довольно жалкимъ предлогомъ, будто ихъ... перекусали бѣшенныя собаки.

Грозное движеніе албанцевъ на славянство, долгое время, систематически замалчивалось печатью—и австрійскою, чрезъ которую Европа освѣдомляется о славянскомъ мірѣ, и балканскою. Болгарамъ было не до старо-сербскихъ страданій: ихъ заботило сосредоточить вниманіе Европы на Македоніи.

Да болгары, вообще, плохіе судьи въ арнаутскомъ вопросе, до сихъ поръ ихъ мало касавшемся. Въ восьмидесятихъ годахъ, въ пору обостренія албанскихъ націоналистическихъ порывовъ, болгаро-македонская агитація даже заигрывала съ арнаутами, предлагая имъ что-то въ родѣ союза и чуть ли не дѣлежку македонскаго пирога: мы-де не сербы, намъ съ вами размежеваться легко. Несмотря на то, что въ Софіи тогда же ко множеству національно-революціонныхъ комитетовъ не замедлил прибавиться еще одинъ — албанскій, арнауты приняли болгарскую ласку враждебно, недовѣрчиво, презрительно. За дружбу съ болгаріей стояла только незначительная софійская часть албанской печати, вѣроятно, болгарскою же агитаціею субсидированная; албанскіе органы Неаполя и Бухареста—главныхъ центровъ арнаутской націоналистической организаціи—высказались рѣзко и опредѣленно противъ какого бы то ни было сближенія съ болгарами. Арнауты десятки разъ давали понять и словами и дѣйствіями, что не хотятъ имѣть дѣла ни съ одною изъ христіанскихъ автономій Балканскаго полуострова, относясь къ нимъ съ величайшимъ отвращеніемъ, какъ къ чему-то мелкому, низменному. Эта нація свирѣпыхъ гордецовъ считаетъ себя достойною сношенія только съ большими государствами—съ Италіей, Австріей. Когда берлинскимъ договоромъ прирѣзаны были къ Черногоріи уголокъ албанскихъ земель, Портѣ стоило только разбудить національное самолюбіе дикихъ гёговъ, чтобы—безъ всякихъ военныхъ дѣйствій съ своей стороны—сдѣлать передачу Дульциньо черногорцамъ фактически невозможною. Сама она тогда лицемѣрно умиротворяла албанскіе бунты противъ Европы и даже послала къ арнаутамъ на убой—якобы для того, чтобы ихъ уговаривать къ покорности—одного изъ захудалыхъ нашихъ, котораго арнауты прелюбополучно зарѣзали, съ тайнаго разрѣшенія изъ Стамбула,—такъ-что никто за убійство это впоследствии ничуть и не заплатился. Дѣло было, какъ

известно, умиротворено лишь появленіемъ предъ Дульциньо соединенной европейской эскадры.

Сербія «не смѣла раздуть вопросъ», пока смерть Милана не освободила ее отъ австрійскаго контроля надъ жизнью и мыслью. Что касается австрійцевъ... Боже мой! да вѣдь рѣжутъ не кого-либо другого, но сербовъ — этихъ сербовъ, съ которыми Австріи такъ много возни и въ Боснии, и въ Герцеговинѣ, и въ Кромачин. которые — такіе опасные націоналисты и революціонеры. Рѣжутъ ихъ, — ну, тѣмъ и лучше для Австріи: меньше ихъ будетъ. Да еще — какъ ловко-то выходитъ: рѣзать рѣжутъ, а на австрійскихъ рукахъ крови не остается. Удивительно удобная нація эти албанцы для разныхъ «печальныхъ необходимостей» международной балканской политики. Это — не государственная величина, это — не народность, это — просто великолѣпнѣйшій, неподражаемо эластическій и всегда подъ рукою, предметъ для дипломатической переписки, въ которой надо какъ Европѣ, такъ и Турціи и невпниность сохранить, и капиталъ пріобрѣсти. Всякая албанская смута — только на руку Австріи. Настолько, что, посѣщая Старую Сербію, я неизмѣнно слышалъ — *cherchez l'autrichien!* — буквально, въ каждомъ безпорядкѣ ея. Австрійскія деньги льются въ Албаниі рѣкою. Австрофильство среди албанскаго дворянства — модное направленіе, къ которому льнутъ и многіе патріоты-націоналисты, наивно рассчитывая, что Вѣна поможетъ имъ осуществить ихъ автономичекаія мечтенія. Надежды напрасныя и цѣлѣпыя, потому что Албаниа полезна и нужна Австріи именно лишь въ настоящемъ ея хаотическомъ видѣ, какъ очагъ вѣчной смуты, какъ вѣчно готовый предлогъ вмѣшательства въ балканскія дѣла. И притомъ — очагъ и предлогъ, удивительно нейтральные и покладистые, какъ въ сторону Австріи, такъ и въ сторону Турціи. Албанцы рѣжутъ сербовъ. Австрія смотритъ черезъ Дунай, мысленно потираетъ руки отъ удовольствія и твердитъ про себя:

— Никогда не лишнее задуть нѣсколько сотъ сербовъ въ примѣръ прочимъ.

Но Европа въ негодованіи. Европа говоритъ Австріи:

— Возможно ли? Вы — посетительница культуры — допускаете, чтобы въ сферѣ вашего вліянія творились такіе ужасы?

Австрія отвѣчаетъ заранѣе готовымъ и все пзвиняющимъ отвѣтомъ:

— Я допускаю?! Никогда! Вотъ — прочтите, какія энергичныя представленія поручила я сдѣлать Портѣ своему послу, какія гуманныя наставленія даю своимъ консуламъ. Съ моей стороны сдѣлано все, чтобы не допустить кровопролитія. Но Порта свирѣпа и коварна, какъ всегда... и — увы! — я умываю руки.

Порта, съ своей стороны, поетъ сладкимъ голосомъ:

— Охъ, неужели мы рады скандаламъ и безобразіямъ, творящимся на сербской границѣ? Неужели мы не прекратили бы ихъ, имѣй мы къ тому хоть маленькую возможность? Но господа! вспомните, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло! Съ арнаутами! Съ албанцами! Какъ будто вы не знаете, что это за народъ? Вѣдь мы же должны, наконецъ, признаться, что имѣемъ надъ ними лишь номинальную власть. Они насъ въ грошъ не ставятъ и не слушаютъ. Что же намъ — войну? что ли имъ объявлять за то, что они обижаютъ христіанъ? Согласитесь, что мы не можемъ дойти до такихъ крайнихъ мѣръ: они мусульмане, мы мусульмане... Приказать албанцамъ, если вамъ угодно, мы прикажемъ все, что вы хотите, но — какой будетъ изъ приказанія толкъ, — за это ручательства на себя не беремъ.

И — въ концѣ-концовъ — хоть овцы не цѣлы, да зато всѣ волки сыты. Австрійскіе консулы пишутъ турецкимъ валп и мутесарифамъ формальныя лицемѣрныя бумаги:

— Нельзя же такъ!

Вали и мутесарифы, спесясь съ Стамбуломъ, вяло бормочутъ, для очистки совѣсти, албанскимъ коповодамъ:

— Типше вы тамъ! Нельзя же такъ!

А тѣ, лихо заломивъ свои косматыя фески, смѣются въ глаза и консуламъ, и мутесарифамъ, и вали:

— По сю сторону Шара нѣту мутесарифовъ! Въ горахъ фирмановъ не читають.

II.

Когда я плыль на пароходѣ «Selene» вдоль албанскаго берега, случай послалъ мнѣ интересныхъ попутчиковъ, въ лицѣ падре Бонавентуры, главнаго комиссара католическихъ монастырей въ Албани, и его молодого секретаря. Оба албанцы, — и эффектные албанцы, — въ особенности старикъ комиссаръ, съ головою воинственнаго усача-рубакки, лишь по недоразумѣнію одѣтаго, вмѣсто лать, въ коричневую хламиду францискальца. Говорять, — человекъ, необычайно заслуженный, почитаемый, обвѣшанный всѣми орденами австрійскими и итальянскими и ожидающій не сегодня-завтра австрійскаго бароната. Манеры властныя, внушительныя, взглядъ спокойный, самоувѣренный. Репутація — умнаго и непоколебимаго фанатика. Глядя на этого величаво-суроваго человека, я думалъ:

— Вотъ-то богатый гримъ для четвертаго акта «Гугенотовъ», гдѣ благословляютъ мечи и раздають бѣлые шарфы убійцамъ *ad maiorem Dei gloriam*... Истинно ужъ — фигура изъ Варооломеевой ночи.

Лѣтопись дня то-и-дѣлю заноситъ на свои страницы все новыя и новыя извѣстія объ успѣхахъ католическаго движенія среди балканскихъ народовъ и, въ особенности, славянскихъ. Къ успѣхамъ этимъ должно отнести и такія мнимыя пораженія католичества, какъ уступка Рима въ разрѣшеніи литургіи на славянскихъ нарѣчіяхъ, вызванная массовымъ переходомъ славянскихъ католиковъ въ униатство. Католицизмъ — клинокъ толедской каленой стали:

ударяя въ грудь какой-либо народности, огонь, если встрѣчаетъ противодѣйствіе, гнется, какъ пружина, сгибается въ кольцо, но—никогда не разбивается въ куски даже о самый крѣпкій панцирь. Но, видя его согнутымъ въ кольцо, народность поддается оптическому обману, воображаетъ себя отразившею ударъ, а католицизмъ побѣжденнымъ—и сгоряча не чувствуетъ, что остріе-то клинка уже въ груди у нея, и вслѣдъ за остріемъ вползаетъ холоднымъ, увѣреннымъ движеніемъ вся сталь, согнутое кольцо выпрямляется въ тѣмѣ длинною шпагою и проходитъ насквозь сердце и легкія.

Католицизмъ почти проигралъ въ исторической игрѣ *à la banque* родину свою—романскія земли, проигралъ германскую расу. Но это вѣронсповѣданіе—неунывающая ліана. Когда одно дерево отказываетъ ему въ пріютѣ и пищѣ, оно перебрасываетъ свою цѣпкую вѣтку на другое и начинаетъ его опутывать съ корня до вершины. Распнатанное подъ Аппенинами и Пиринеями, католичество стучится въ двери Балканъ—и, надо отдать ему справедливость, стучится въ формахъ, столь симпатичныхъ и обаятельныхъ, что врядъ ли балканскіе исконные хозяева устоятъ противъ очарованій опаснаго, но сладкорѣчиваго гостя. Нынѣшній патеръ—не Торквемада. Онъ—проповѣдникъ и дѣятель гуманности, братства, національнаго освобожденія: иногда онъ—даже социалистъ.

Въ Босніи и Герцеговинѣ, не говоря уже о Кроаціи, католичество—мощная, дружная, крѣпко сплоченная сила, способная двигать горами. Еще Гильфердингъ ознакомилъ насъ,—съ искрепностью, не совѣмъ пріятною для тѣхъ, кто идею славянства считаетъ неразрывною съ идеею православія,—съ значеніемъ францисканскаго фратра для босняка или герцеговинца, безразлично какого вѣронсповѣданія и религіи: католика, православнаго, мусульманина. Еслибы возстаніе 1875 года было поддержано католичествомъ, Герцеговину было бы не такъ легко раздавить турецкими

таборами. Но тогда католичество, только-что разбитое паголову въ самомъ Римѣ идеею національнаго возрожденія, чуралось ея, какъ огня; совмѣстная дѣятельность сербовъ-католиковъ, «латиновъ», съ православными сербами, подъ знаменами папа Богдана Зимонича, подъ покровительствомъ православнаго князя Николая Нѣгоша, — казалась Ватикану ужаснѣе ига исламитовъ. А, нераздѣльный съ панславистическими движеніями, призракъ Москвы на горизонтѣ—страшнѣе полумѣсяца на Стамбульскихъ мечетяхъ. Ибо, какъ побѣждать полумѣсяць, католицизмъ давно уже научился, но московскій Кремль—едва ли не единственная крѣпость, отъ которой онъ всегда отступалъ, безсильный и побѣжденный.

Теперь совсѣмъ другое время. Католицизмъ, въ лицѣ Льва XIII, увѣдалъ и пользу и силу многихъ мудрыхъ компромиссовъ. Онъ не побрезговалъ подобрать многіе мечи, которыми прежде его поражали, и препоясаться ими въ защиту свою. Одинъ изъ такихъ мечей—то самое націоналистическое начало, которое старыи католицизмъ такъ безжалостно преслѣдовалъ въ «молодой Италіи» въ союзѣ съ Австріей Меттерниха.

Католическая идея всемірной духовной монархіи отрицать въ основѣ самое понятіе націонализма, — между тѣмъ, къ славянамъ посланцы Рима плывутъ черезъ Адриатическое море въ костюмахъ и съ рѣчами борцовъ за народность. Мы читали, какъ папа Левъ XIII благословилъ Штадлера къ проповѣди пансербизма на Адриатическомъ побережьѣ.

Римскій папа, благословляющій патера Штадлера «создать народность» — еще небывалая въ исторіи католицизма фигура, личность новой католической эры, папа именно XX вѣка.

Любопытно, что, одновременно съ движеніемъ Штадлера, между хорватами и босняками замѣтенъ сейчасъ сильный руссофильскій интересъ, и, что всего удивительнѣе,

главными двигателями его—авторами книгъ о Россіи, переводчиками русскихъ писателей—являются именно католическіе патеры: люди, которыхъ до сихъ поръ мы во всѣхъ славянскихъ земляхъ имѣли полное право и всѣ основанія считать самыми лютыми своими врагами и супротивниками. Лозунгъ къ тому, очевидно, данъ изъ Рима. Католическій «Римъ-папа» беретъ подъ крыло свое дѣло панславизма, взлѣбляющее православною Москвою. И уже достигъ того, что въ славянствѣ начинаютъ раздаваться голоса, признающіе его права на то. Мы читали, какъ славянофильскій журналъ, выходящій въ Вѣнѣ, поколебалъ всѣ основы старинной славянофильской теоріи и провозгласилъ католичество благодѣтельною силою, сохранившею хорватамъ, далматамъ, славонцамъ языкъ и народность противъ нѣмецкаго на нихъ напора. И. С. Аксаковъ, вѣроятно, перевернулся въ гробу отъ такой ереси, но дѣйствительность, современность—противъ него и за нее.

Надо, конечно, помнить, что настоящее есть призракъ, современность не вѣчна, и суть вещей обнаруживается лишь будущимъ. «Что позолочено, сотрется—свиная кожа остается», гласитъ меланхолическій афоризмъ Андерсена. Въ настоящемъ католицизмъ на панцырной груди славянства—сталь, согнувшаяся въ кольцо, но когда онъ пойдетъ въ пашцырѣ слабое мѣстечко, онъ пронизетъ тѣло, истощитъ его кровь, обезсилитъ, и если не убьетъ, то предастъ въ неминуемый плѣнъ, подъ чужую властную опеку.

Это—судьба католической Польши: поучительная судьба для всякой славянской страны!

Какъ сообщилъ мнѣ секретарь падре Бонавентуры, инспекторъ католической пропаганды въ Албаніи ведетъ жизнь весьма нелегкую. Онъ вѣчно въ путешествіяхъ—и въ какихъ путешествіяхъ! Кто не видалъ Албаніи, тотъ и вообразить не въ силахъ ни дорогъ ея, ни городовъ ея, ни хановъ ея (постоялыхъ дворовъ). Карабкаешь по тропинкамъ, которыя не подъ силу даже осламъ, и берутъ ихъ съ грѣ-

хомъ пополамъ только мулы, прыгающе по живымъ мостикамъ, трепещущимъ надъ бездонными сѣрыми пропастями, вѣчная готовность получить пулю въ лобъ или самому уложить пулею другого, вѣчный страхъ злокачественной лихорадки, царицы этихъ Богомъ проклятыхъ, безлѣсныхъ, испепеленныхъ солнцемъ горъ, ночевки по вертепамъ, кипящимъ насѣкомыми всѣхъ видовъ кусательнаго оружія, питаніе вяленою или соленою тухлятиною, — вотъ что представляетъ собою странствіе по большей части Албаніи и тѣхъ сербскихъ земель, гдѣ албанскій элементъ силенъ настолько, что покуда, скрѣпя сердце, приходится считать и ихъ фактически албанскими. Чтобы совершить простую прогулку изъ Санъ-Джованни ди Медуа въ Скутари, и то уже требуется не малая энергія и рѣшимость претерпѣть по совокупности всѣ, возможные для туриста, невзгоды и неудобства. Для того же, чтобы проводить въ этойъ мучительной и опасной тряскѣ всю свою жизнь, нуженъ не истиннѣ огромный запасъ силъ и физическихъ и нравственныхъ. Мои спутники говорили между собою — безъ всякихъ бравадъ — страницами изъ романовъ Купера, Эмара, Маншъ-Рида. Ъхаль съ нами еще австрійскій консулъ изъ Антивари, хорошо знакомый обоимъ монахамъ... Вхожу я въ верхнюю каюту, невзначай, и застаю разговоръ монаховъ съ консуломъ на полуфразѣ:

— ...И вотъ вижу я, — дорога-то пошла угломъ, — что онъ цѣлится въ насъ изъ-за камня. Ему не видно, что мы его замѣтили, а намъ онъ — какъ на ладони... Дѣло плохо! Полѣзъ я въ мѣшокъ, вынулъ вашу консульскую фуражку и надѣлъ на голову... Какъ онъ обругается! Плюнулъ и пошелъ прочь!

И смѣются добродушнѣйшимъ смѣхомъ. И консулъ смѣется и сочувственно киваетъ головою. Дѣло-моль известное, житейское, самое обыкновенное... О встрѣчѣ съ какимъ бандитомъ шла эта рѣчь, я позабылъ разспросить монаховъ, потому-что отвлекся бесѣдою съ ними же о лицѣ,

болѣе любопытномъ для русскаго дѣла и русскаго общества.

Есть на свѣтѣ городъ Элбассанъ—албанская трущоба, куда звѣрь не прорыскивалъ и ворошь костей не заносилъ. Въ Элбассанѣ этомъ и въ нагорномъ надъ нимъ племени шпатиотовъ завелась давно уже группа тайныхъ христіанъ православнаго исповѣданія, признающихъ греческаго митрополита. Тайное христіанство въ Турціи—не рѣдкость у народцевъ бѣдныхъ, живущихъ на дурной, безпахотной землѣ, а потому не домовитыхъ, но воинственныхъ. Въ округѣ Требизондскомъ тоже не мало тайныхъ христіанъ, предпочитающихъ,—чѣмъ платить довольно высокое обложеніе податями, въ качествѣ райи, отбывать лучше воинскую повинность, въ качествѣ мусульманъ. Собственно говоря, тайна эта—секретъ полишинеля. Власти прекрасно знаютъ, что такой-то Мустафа или Гамидъ—въ сущности, Иванъ или Петръ,—но до тѣхъ поръ, пока онъ гласно признаетъ себя Мустафою, въ дѣла его религіозной совѣсти не мѣшаются: былъ бы выполненъ государственно-религіозный обрядъ, а тамъ пусть Аллахъ разбираетъ, чей ты—Христовъ или Магометовъ. Однако, двойственное религіозное положеніе этихъ Гамидовъ-Ивановъ весьма мало способствуетъ прочности ихъ въ принадлежности той и другой вѣрѣ. Ихъ христіанство полно мусульманскихъ отголосковъ,—они не ѣдятъ свишны, не прочь отъ многоженства, справляютъ мусульманскіе праздники; а мусульманство—отголосковъ христіанскихъ: они пьютъ вино, женщины не закрываютъ лица предъ мужчинами, христіанскіе монастыри и святыни у нихъ въ почетѣ едва ли не большемъ, чѣмъ у самихъ христіанъ. Но малѣйшее давленіе турецкой власти, малѣйшія усилія мусульманской пропаганды, — а она въ послѣдніе годы, подъ покровительствомъ Стамбула, крѣпнеть, — и колеблющіеся полухристіане перестаютъ быть христіанами вовсе, исламъ поглощаетъ ихъ и уже не отдаетъ назадъ безъ фанатической борьбы.

Между албанцами-христианами большая часть — католики, православныхъ гораздо меньше, хотя, по симпатіямъ религіознымъ, албанцы очень тяготеютъ къ православію, которое знакомо имъ со временъ византійскихъ. Но, какъ говорено уже неоднократно, на Балканскомъ полуостровѣ религія—дѣло не только совѣсти, но и политическихъ житейскихъ соображеній. Албанцамъ гораздо выгоднѣе быть католиками, чѣмъ православными, такъ какъ на первыхъ какъ-нибудь одна изъ европейскихъ пропагандъ — римская ли, вѣнская ли, а то и обѣ сразу — смотрятъ уже какъ на своихъ людей, на свою собственность, поддерживаютъ ихъ преимущественно и, въ случаѣ насилія со стороны турокъ или, вообще, мусульманъ, умѣютъ припугнуть Стамбуль дипломатическими бурями. Православному же албанцу—одна вѣковая защита: его изба-крѣпость съ бойницами вмѣсто оконъ, да ружье, съ которымъ албанскій селякъ не расстаётся даже въ двухъ шагахъ отъ порога своей хаты. Безконечно перепутанныя въ вѣковыхъ развѣтвленіяхъ своихъ, обязательства кровавой мести довели мужскую половину албанскаго населенія до полной невозможности быть рабочей силою: въ полѣ ли, въ дорогѣ ли, эти люди — въ вѣчной смертельной опасности, это звѣри, которые охотятся другъ по другу. Вотъ почему въ Албаніи почти всѣ полевые работы правятъ женщины: нападать на нихъ считается для каждаго арнаута величайшимъ позоромъ, преступленіемъ, достойнымъ смерти. «Пусть тебя убьютъ, какъ собаку», — приказываетъ въ такомъ случаѣ байрактарь, глава клана, — «и да не будетъ по тебѣ кровомщенія!» Эта почетная безопасность покупаетъ для албанки не особенно благодарный даръ житейскій — круглый годъ гнуть спину подъ знойнымъ балканскимъ солнцемъ то за плугомъ, то надъ серпомъ, въ то время, какъ супругъ-арнаутъ сидитъ дома, подобно загнанному волку, съ ружьемъ на колѣнахъ, и поглядываетъ по бойницамъ, не крадутся ли къ нему враги-кровомстители. Наскучивъ такимъ безрадостнымъ су-

ществованіемъ, албанецъ либо уходитъ на заработки на чужую сторону, въ Стамбуль, въ Солунь, въ Старую Сербію, куда кровомщеніе за нимъ не можетъ погнаться, либо становится разбойникомъ. Любопытно, что главный контингентъ албанскаго разбойничества, и при томъ самаго убѣжденнаго, упornaго въ своемъ промыслѣ, даютъ католики или мусульмане, обращенные изъ католиковъ.

За православныхъ албанцевъ постоять некому. Греческое духовенство, гораздо болѣе преданное эллиническимъ задачамъ, чѣмъ религіозно-нравственнымъ, по большей части отлично уживается съ турками и презираетъ свою дикую паству — къ тому же весьма строптивую, гордую и, что особенно ненавистно грекамъ, полную національнаго самосознанія, національныхъ вождельній въ школахъ и церкви. Наши консулы далеко, да — нельзя не сознаться: до самыхъ послѣднихъ временъ русскій Константинополь весьма мало думалъ объ Албаніи и судьбахъ ея православныхъ. Прикосновенность наша къ албанскому вопросу развивается болѣе или менѣе лишь съ Зиновьевскихъ временъ, то-есть — чуть не со вчерашняго дня.

Отчужденность албанца-ортодокса отъ органовъ и средствъ православной защиты создала богатую почву для католической пропаганды, которую вдобавокъ Римъ облегчилъ введеніемъ и широкимъ развитіемъ уніи — удобнѣйшаго компромисса для желающихъ помирить запросы своей православной совѣсти съ политической и житейскою необходимостью въ католической поддержкѣ. Уніатство коснулось и тайно-православныхъ христіанъ-шпатіотовъ: триста изъ нихъ и нѣсколько элбассанскихъ семействъ, вмѣстѣ со своимъ духовнымъ руководителемъ и народнымъ любимцемъ, архимандритомъ Германомъ, признали главенство папы.

Это массовое отпаденіе отъ православія смутило наше константинопольское посольство. Произведено было консульское дознаніе, въ чемъ дѣло. О томъ, какъ производи-

лось дознаніе это, я не имѣлъ бы права говорить, еслибы слышалъ о немъ только изъ русскихъ оффіціальныхъ источниковъ, въ которыхъ оно составляетъ служебную тайну. Но теперь миѣ говорили про этотъ русскій консульскій подвигъ уже австрійцы, албанцы и черногорцы, заслуженно удивляясь энергіи, которую русское представительство при этомъ проявило. Въ недоступныя горныя ущелья шпатіотовъ консулъ нашъ добрался трехсуточнымъ переходомъ по поясъ въ снѣгу. Послѣ первыхъ двухъ часовъ страствія онъ упалъ въ обморокъ, — полагали, что нечего и думать ему продолжать путь, — однако, молодая энергія взяла свое, консулъ отдышался, оправился и снова поплелся впередъ, поплеывая кровью на бѣлые горныя снѣга. Проводники отказались за нимъ слѣдовать. Тогда онъ вручилъ свою судьбу разбойничьей шайкѣ атаманъ которой и доставилъ его къ цѣли, соблюдая, какъ зѣнцу ока, и — кажется — даже былъ полезенъ ему своимъ вліяніемъ на шпатіотовъ и элбассанцевъ.

Причины отпаденія послѣднихъ въ унию оказались обычныя для здѣшнихъ мѣстъ: полнѣйшій разладъ населенія съ корыстнымъ и злобнымъ эллинизмомъ — греческимъ митрополитомъ; нежеланіе константинопольской патріархіи поставить епископомъ архимандрита Германа, какъ кроваваго албанца; и — по обычаю греческаго духовенства — наущничество турецкой власти, предательство ей всѣхъ православныхъ, которые хотятъ быть православными, не становясь въ то же время греками, — со своимъ роднымъ языкомъ, со своимъ клиромъ, со своимъ богослуженіемъ.

Греческій митрополитъ принялъ русскаго консула только что не враждебно и даже долго уклонялся отъ свиданія съ нимъ, ссылаясь на запрещеніе мутесарифа, которое, какъ впоследствии обнаружилось, самъ же выпросилъ. Въ переговорахъ со шпатіотами онъ не только не былъ помощникомъ консулу, но еще всячески исподтишка мутилъ и гадилъ, свирѣпо недовольный неожиданнымъ вмѣшатель-

ствомъ русской опеки въ вопросъ албано-греческаго православія. Паству и Германа изображалъ негодяями, разбойниками и предателями первой руки. Шпатіоты, со своей стороны, слышать не хотѣли о своемъ владыкѣ, выржаясь о немъ хуже, чѣмъ Иванъ Грозный о Пименѣ Новгородскомъ. Германъ же оказался личностью недюжинною и весьма заинтересовалъ собою консула. Пришелъ онъ къ консулу тайкомъ, урвавшись изъ-подъ надзора строго слѣдившихъ за нимъ католическихъ миссіонеровъ. Откровенно признался, что переходъ его въ унию — вынужденный, что и самъ онъ, и шпатіоты, ушедшіе съ нимъ къ папѣ, попрежнему православные въ душѣ, и что если консулъ дастъ ему обѣщаніе поддержать ихъ въ случаѣ гоненія, какъ поддерживаютъ своихъ католики, они хотъ сейчасъ принесутъ покаяніе. Но—при условіи, что ихъ не подчинять постылому греку, а дадутъ шпатіотамъ — ужъ если не его, Германа, — то хотъ другого, менѣе враждебнаго имъ челоуѣка и не такого фанатическаго эллиниста. Разумѣется, русское представительство должно было взять на себя и хлопоты предъ турецкою властью по признанію шпатіотовъ изъ тайныхъ христіанъ явными, и ходатайствовать предъ султаномъ, чтобы налогъ, взимаемый съ христіанъ взаиѣнъ воинской повинности, былъ назначенъ для шпатіотовъ, по крайней бѣдности ихъ, въ минимальномъ размѣрѣ.

Въ концѣ-концовъ, дѣло разрѣшилось желаемымъ исходомъ: шпатіоты вернулись въ православіе, — безъ всякихъ къ тому стараній со стороны Фанара и врядъ ли даже къ радости его. По крайней мѣрѣ, лишь съ огромнымъ трудомъ удалось выхлопотать въ патріархіи прощеніе Герману и возвращеніе его въ православіе съ прежнимъ саномъ, — отъ епископства онъ самъ временно отказался. Между тѣмъ шпатіоты прямо заявили:

— Гдѣ Германъ, тамъ и мы. Онъ насъ велъ, онъ за насъ жертвовалъ собою, — мы ему не измѣнимъ. Если онъ

православный, то и мы православные. Если ему нѣтъ прощенья, пусть не будетъ и намъ. Не хочеть его и насъ патріархъ,—останемся съ римскимъ папою.

Насилу-то, скрѣпя сердце, согласился Фанарь поступиться своею эллинистическою ненавистью къ смѣлому и способному монаху-націоналисту. Нѣкоторое время Германъ управлялъ какимъ-то второстепеннымъ монастыремъ вдали отъ Элбассана, — отсюда греки нашли болѣе благо-разумнымъ его убрать. Затѣмъ, настоянія элбассанцевъ заставили возвратить любимца ихъ на родину. Но здѣсь греческое духовенство устроило Герману не жизнь, а каторгу. Не было гнусности, какой не пустили бы въ ходъ, чтобы отравить этому человѣку существованіе, чтобы подорвать его вліяніе на народъ. Дѣло доходило до того, что греческій митрополитъ гласно говорилъ:

— Развязаться съ Германомъ у насъ одинъ только способъ—убить его.

И убили бы, еслибы не трусили сорви-головъ иншатіотовъ, готовыхъ, по первому знаку друзей Германа, ринуться съ горъ своихъ грозою на Элбассанъ. Германъ защищался, какъ умѣлъ и могъ, писалъ отчаянныя письма русскимъ консуламъ и въ Константинополь, но—понятное дѣло!—задачи вѣчно возпяться съ его вопросомъ и вести систематическую борьбу изъ-за него съ патріархіей—*православной* патріархіей—русское представительство взять на себя не могло. А тѣмъ временемъ подоспѣли опять католическіе соблазны. И вотъ однажды Германъ послѣднею отчаянною мольбою просить русскихъ:

— Я не мученикъ, не герой; я—обыкновенный смертный. Я жить хочу. Греки не даютъ мнѣ возможности жить православнымъ,—я долженъ вновь уйти въ католичество, вопреки своему желанію, вопреки своему убѣжденію. Долженъ, потому-что католики защитятъ меня отъ греческой злобы, а вы не защищаете.

Пока шла переписка по этому поводу, францисканцы

захватили Германа крѣпко. Заперли его въ домѣ подъ стражею нѣсколькихъ братій-увѣщателей, не допуская ни къ нему никого, ни его ни къ кому. Уніей они уже не довольствовались, а потребовали прямого перехода въ католичество. И вотъ разнесся слухъ, что такой переходъ свершился.

Зная, что подобный шагъ навсегда лишитъ Албанію энергическаго и способнаго пропагандиста православной и русской идеи, русское представительство вновь хлопочеть за Германа предъ Фанаромъ. Но уже поздно: едва слухъ объ отступничествѣ Германа, — вынужденномъ и подготовленномъ фанаріотскими же кознями, — достигъ Константинополя, патріархъ, чтобы отрѣзать албанскому націоналисту всѣ пути къ примиренію и раскаянію, поспѣшилъ торжественно отлучить Германа отъ церкви и предать анаѳемѣ.

Такъ Россія потеряла бойца-руссофила, а православная пропаганда — блестящаго и вдохновеннаго агитатора.

Въ настоящее время Германъ, какъ сообщили мнѣ падре Бонавентура и секретарь его, — католическій патерь, живеть въ Элбассанѣ и уже не имѣеть ни прежней энергии, ни прежняго значенія. Страшно тоскуеть своею раздвоенною душою, и нѣтъ ему никуда выхода. Фанаръ можетъ торжествовать полную побѣду: съѣлъ человѣка цѣлкомъ.

Признаюсь, исторію консульской экспедиціи къ шпантиотамъ я слушалъ отъ иностранцевъ съ чувствомъ національной гордости. Вотъ, * говорятъ, что дипломаты мастера геройствовать только на бумагѣ. Однако, — нашелся же человѣкъ и въ ихъ слбаритской средѣ, который, когда понадобилось, очень просто, безъ рисовокъ, безъ геройскаго треска и блеска, отправился одинъ-одинешекъ ломать суворовскіе переходы, да такіе, что и нашему всевыносящему христоролюбивому воинству показались бы не въ легкой подъемъ.

— Очень вы измучились тогда? — спросилъ я консула, когда встрѣтился и познакомился съ нимъ.

Отвѣчаетъ:

— Не столько измучился, сколько выгрязнился. Три недѣли не раздѣвался, сапогъ не снималъ. Ночевка—на земляномъ полу, по курнымъ избамъ. Копоть, пасѣкомыя. Когда я вернулся, мнѣ была заранѣе приготовлена баня, и я распорядился, чтобы никто меня не встрѣчалъ: страшно было показаться своимъ. Одѣжу сбросилъ на дворъ и велѣлъ сжечь ее, а самъ—прямо бухъ въ горячую ванну, и вода въ ней стала сразу черная, какъ сажа. Ужъ именно, только когда въ семи водахъ вымылся, началъ чувствовать себя немножко человѣкомъ.

И сколько такихъ простыхъ и безпритязательныхъ дѣяній выдвигаетъ исторія нашего балканскаго представительства, чуть вы заглянете немножко вглубь ея, не довольствуясь поверхностно-презрительнымъ взглядомъ вдоль по лощенной и чопорной поверхности. Нѣтъ,—была бы работа, да давали бы работать, а работать эти люди и хотятъ и умѣютъ.

III.

Обѣхавъ всѣ государства Балканскаго полуострова, я познакомился съ огромнымъ большинствомъ русскихъ дипломатическихъ, военныхъ и торговыхъ представителей, трудящихся въ Турціи, Болгаріи, Сербіи, Греціи. Скажу откровенно: въ числѣ этомъ я видѣлъ, на ряду съ положительнымъ элементомъ, много и отрицательнаго: много людей, трудящихся понапрасну, много чиновниковъ, находящихъ нравственное удовлетвореніе въ исправномъ бюрократическомъ толченіи воды въ ступи, но я не видалъ лѣнтыевъ, отлынивающихъ отъ работы, старающихся обратить должность свою въ простую синекуру съ хорошимъ доходцемъ. Ознакомившись съ архивами нѣсколькихъ нашихъ консульствъ, я былъ пораженъ тою массою литературно-политической работы, къ которой обязалъ русскій консулъ; каждое донесе-

нѣ его въ посольство есть единовременно и фактическая, подробная, провѣренная корреспонденція «съ мѣста», и обстоятельная передовая статья по поводу корреспонденціи. Еженедѣльно, а то и чаще, уходятъ изъ консульскихъ пунктовъ нашихъ въ Константинополь огромные пакеты съ тяжелыми тетрадами такихъ донесеній, а дубликаты ихъ ѣдутъ въ Петербургъ. И вотъ—какъ доѣдутъ они до этого богоспасаемаго города, тутъ имъ и капутъ: ихъ очень ласково принимаютъ, нумеруютъ, складываютъ въ архивный шкафъ и... покойся, милый прахъ, до радостнаго утра! Архивы нашего министерства иностранныхъ дѣлъ полны драгоценнѣйшимъ этнографическимъ и политико-историческимъ матеріаломъ изъ консульскихъ донесеній, слежавшимся и пропадающимъ въ нѣдрахъ дипломатико-бюрократическихъ бездѣльно, бесплодно и безвыходно.

Путешествуя по Македоніи, я былъ пораженъ глубокими знаніями по ея вопросамъ, которыя нашелъ въ одномъ изъ мѣстныхъ консуловъ,—человѣкъ еще молодомъ, въ высшей степени порядочномъ, умномъ, сдержанномъ, образованномъ.

— Послушайте!—говорилъ я ему,—отчего вы не печатаете всего, что рассказываете мнѣ? Вѣдь вы бы оказали громадную услугу обществу—всей Россіи, всей Европѣ! Вѣдь вы бы бросили совершенно новый свѣтъ на здѣшнія событія...

Онъ возразилъ, улыбаясь:

— И въ тотъ же самый день, какъ пролился бы этотъ свѣтъ, меня бы выгнали со службы.

— За что?

— За разглашеніе служебныхъ тайнъ.

— Но позвольте: при чемъ же тутъ служебныя тайны? Въ данныхъ вопросахъ вы—не чиновникъ такого-то и такого-то правительства, а этнографъ, историкъ, представитель науки, которая международна и междуобщественна.

— О, нѣтъ! это—взглядъ не служащаго человѣка. Мы

всегда чиновники, и прежде всего чиновники, и послѣ всего чиновники. Такъ смотрятъ на насъ въ Петербургѣ. Такъ привыкаемъ мы смотрѣть сами на себя. И Петербургъ къ чиновничеству своему ревнивъ. Онъ ненавидитъ дѣлиться нами ни съ наукою, ни съ литературою. Посчитайте-ка, много ли научныхъ или литературныхъ трудовъ напечатано русскими дипломатами? Юннгъ, Ровинскій, Смирновъ... Самый ничтожный процентъ къ общему нашему счету. Только постовъ много... да и то большинство становятся извѣстными или въ глубокой старости и крупныхъ чинахъ, когда литературныя забавы почитаются уже нейтральными и безопасными, какъ Хитрово, напр., или даже по смерти, какъ Капнистъ. А между тѣмъ пишемъ «про себя» едва ли не всѣ мы, и, если почитаете наши бумаги, то увидите, что пишемъ недурно, — ужь, конечно, не хуже разныхъ вашихъ захудалыхъ корреспондентовъ, которыхъ вы, однако, печатаете съ наслажденіемъ за дорогую плату, — а про осѣдомленность, дѣльность содержанія нечего и говорить... Но все это остается подъ сукномъ, читаютъ это лишь посолъ въ Константинополь, а въ Россіи — министерскія... мыши. Какъ-то разъ я возгордился одною своею работою, затѣялъ ее напечатать. Посылаю въ Петербургъ къ начальству просьбу о разрѣшеніи на сію продерзость. Ну, съ тѣхъ поръ и закаялся... было въ первый и послѣдній разъ!

— Получили непріятности?

— Хуже: ничего не получилъ. Ни разрѣшенія, ни даже отвѣта. Кануль мой преступный пакетъ въ Нирвану какую-то. И люди опытные, постарше, говорятъ, что это исчезновеніе — знакъ симпатій ко мнѣ, любезности, уваженія къ моимъ заслугамъ: ты, молъ, прислалъ намъ просьбу нелѣпую и достойную порицанія, по мы, цѣня въ тебѣ хорошаго чиновника и памятуя благоую и послушную твою дѣятельность, сдѣлаемъ видъ, что оной нелѣпой просьбы не получали.

Онъ засмѣялся.

— Относительно другого доклада своего, на который тоже уложилъ я не мало труда,—и ужь могу похвалиться: изобразилъ положеніе края во всю его натуральную величину и подробность, готовъ былъ каждую строку защищать съ документами и цифрами въ рукахъ,—я поступилъ много осторожнѣе. Отправилъ всю эту махину на усмотрѣніе тогдашняго высшаго своего начальства, нынѣ уже покойнаго М., отправилъ и гордо жду отвѣта. Вотъ, молъ, когда я просвѣтилъ-то ихъ, вотъ когда они тамъ въ Петербургѣ—въ ихъ кабинетахъ, департаментахъ и канцеляріяхъ поймутъ всю подноготную вопроса и измѣнятъ свое ошибочное къ нему отношеніе! Сразу пастанеть переворотъ въ балканской политикѣ... и это—благодаря мнѣ!.. О, какое счастье!.. Ну-съ... Ждалъ, ждалъ я, и дождался наконецъ... получилъ удовольствіе, нечего сказать!

— Неужели пахлобучку?

— Нѣтъ, хуже. Кислосладкое замѣчаніе: охота вамъ было потратить столько труда и таланта на изслѣдованіе вопроса, который *въ данную минуту* ничуть не интересуеть.

Это «въ данную минуту» весьма характерно для всего положенія русскихъ консуловъ на Востокѣ. Иностранныя представительства существуютъ опредѣленными традиціями, цѣлями, имѣющими историческую давность и ясность. Наши—данною минутою. И не тою минутою, которую они на мѣстѣ видятъ, а тою, которую имъ диктуеть Петербургъ или въ лучшемъ случаѣ, — въ лучшемъ, потому что онъ ближе къ мѣсту дѣйствія, — Константинополь*). Вотъ почему назначеніе посломъ въ Константинополь такого неутомимо рабочаго человѣка и такого глубокаго знатока Востока, какъ Н. А. Зиновьевъ, было особенно

*) См. о томъ очень мѣткія слова Степана Стамбулова въ моей книгѣ „Недавніе Люди“, статья „Степанъ Стамбуловъ“.

симпатично всѣмъ трудящимся и охочимъ трудиться балканскимъ консуламъ.

— Это не кабинетный, а практическій дипломатъ, — говорятъ о немъ. — Онъ самъ былъ консуломъ, по опыту знаетъ наше двусмысленное положеніе — быть всеильными въ воображеніи здѣшнихъ властей и народа и совершенно безильными и безгласными предъ Константинополемъ и Петербургомъ. Онъ знаетъ, что иногда одинъ политическій моментъ, одинъ смѣлый, самостоятельный шагъ умнаго консула-патріота могутъ оказаться плодотворнѣе цѣлаго года дипломатической переписки, обмѣна нотами etc. Онъ цѣнитъ наши донесенія, какъ фактическій матеріалъ, принимаетъ ихъ въ соображеніе, — при немъ у насъ все же хоть сколько-нибудь развязаны руки дѣлать кое-что и по собственному здравому смыслу, и за свой собственный страхъ, не теряя времени на формальныя справки и разрѣшенія.

Нѣсколько упрощенный и оживившійся духъ, навѣянный «посломъ изъ консуловъ», я, впрочемъ, уже и самъ замѣтилъ, бывъ въ Константинополѣ.

Люблю я зданіе русскаго посольства въ Константинополѣ: эту огромную крѣпость-дворецъ, съ ея узкими зелеными воротами, съ ея садикомъ, съ ея вестибюлемъ, украшеннымъ мраморомъ, съ ея высокими залами, гдѣ съ такимъ — рѣдкимъ на Востокѣ — удовольствіемъ чувствуешь:

— Уфъ! ну, тутъ, по крайней мѣрѣ, шишки на темени не набьешь!

Въ прошлые мои пріѣзды (1894 и 1896 г.г.) я заставалъ во главѣ посольства еще А. И. Нелидова. Самъ Александръ Ивановичъ человекъ въ высшей степени милый и привѣтливый; но весь train посольства при немъ былъ столь высоко приподнятъ и поставленъ на цыпочки, что обыкновенному смертному, попадавшему въ грандіозныя константинопольскія залы подъ русскимъ гербомъ и флагомъ, становилось нѣсколько жутко:

— Кажется-моль, я еще ничего худого не сдѣлалъ? За что же со мною всѣ такъ величественны?!

Эта строгая подтянутость, этикетность — по пословицѣ: «каковъ попъ, таковъ и приходъ» — отражалась и на всемъ константинопольскомъ русскомъ обществѣ. Помню, — приглашенный завтракать къ одному здѣшнему медицинскому дѣятелю «средней оффиціальности», — я, закусывая, съ тщетнымъ отчаяніемъ старался припомнить:

— Въ чемъ, бишь, я предъ господами судьями и присяжными засѣдателями обвиняюсь?

А когда завтракъ пришелъ къ концу, и надо было проститься съ хозяйкою, я въ ея холодномъ и торжественномъ взорѣ ясно прочелъ:

— Вообще, — виновенъ, но, въ виду того, что не рѣзаль рыбу ножомъ, — такъ и быть, достоинъ снисхожденія.

Сейчасъ здѣсь попроще. И слава Богу! А то вѣдь, право, скучно и даже нѣсколько... неумно: въ Константинополѣ русскіе становились, если не кровными врагами, то недругами изъ-за того, что одинъ безшабашный совѣтникъ оназдывалъ закинуть свою карточку другому, изъ-за того, что одна безшабашная совѣтница была у другой не черезъ два часа послѣ визита ея, а на завтра.

Живется, что ли, имъ всѣмъ здѣсь ужъ такъ невыносимо пусто и тоскливо, что считаютъ они необходимымъ наполнять жизнь свою хоть такими пошлостями и глупостями совершенно условныхъ взаимоотношеній? Или это обезьянство съ дипломатовъ-европейцевъ — особенно, съ англичанъ? Эти вѣдь отъ природы таковы, — точно защиты по всему тѣлу въ лайку, съ всунутиемъ параллельно позвоночному хребту стальной пружины, превращающей человека въ автоматъ условныхъ, прямолинейныхъ движеній и условной, ничего не выражающей, изъ общихъ мѣстъ составленной рѣчи.

Повторяю: сейчасъ посольское общество производитъ впечатлѣніе куда большей простоты, естественности, непри-

нужденности и взаимодружества. Богъ ихъ знаетъ, гг. дипломатовъ: въ душу къ нимъ не влѣзешь,—быть-можетъ, подъ личиною взаимодружества этого кипятъ и вражды, и зависти, и соперничества: быть-можетъ, все это неискренно и припоровлено къ случаю «новаго режима», какъ временная роль; но, по крайней мѣрѣ, уже и то обстоятельство отрадно, что видѣ-то взять болѣе симпатичный, что ухо ваше слышитъ живой тонъ живыхъ людей, а не суконныя слова манекеновъ изъ механическаго театра, разъ навсегда заведенныхъ «отсюда до сюда». Уже и то пріятно, что слуха не мозолитъ вѣчный фальшивый обмѣнъ «вашихъ превосходительствъ», которыхъ въ Константинополѣ великое множество, и отъ которыхъ въ прежнее время буквально уши вяли. Только и слышишь, бывало:—Ваше превосходительство! А какъ ваше превосходительство? и т. д.

— До такой степени надоѣло это превосходительство,—шутя жаловался мнѣ чрезвычайно превосходительный посольскій драгоманъ,—что я одному изъ коллегъ сказалъ однажды:—Послушайте! ужъ если вамъ непременно хочется меня титуловать, такъ зовите хоть вашимъ преосвященствомъ... все-таки разнообразіе! «Превосходительство» такъ въ зубахъ навязло, что даже становится неприличнымъ. А «преосвященство» — хорошо, и чинъ одинъ, только что по духовному вѣдомству. Я къ тому же все возжусь съ монахами афонскими и иными.. ямя же имъ легіонъ!.. —

Столько превосходительствъ развелось, что здѣшніе турки, греки, славяне, кажется, даже и не вѣрятъ, что бываютъ русскіе не превосходительные. Счастливая, моль, страна Россія! Сплошь населена генералами! Кавасъ изъ посольства, командированный провожать меня на вокзалъ, тоже упорно превосходительствовалъ меня до самаго отъѣзда.

— Другъ мой,—кратко сказалъ я ему,—для чего вы себя такъ утруждаете? Я не только не превосходительство, но на мнѣ и вовсе никакого чина нѣтъ.

Онъ ослабился, хлопнулъ глазами и рывкнулъ гор-
таннымъ басомъ:

— Слушаю, ваше... превосходительство!

Наши консульскіе посты на Балканскомъ полуостровѣ—
несомнѣнно, политическіе по преимуществу, и политика
береть у консуловъ такъ много времени, что на иныя отно-
шенія въ краю имъ его почти совершенно не хватаетъ.
Отстаивать предъ турками христіанскіе интересы дѣло не-
легкое,—особенно, когда интересы эти такъ запутаны са-
мыми же христіанами въ безконечномъ ихъ племенномъ и
религіозномъ соперничествѣ, что самъ Соломонъ не разбе-
ретъ, кто правъ, кто виноватъ, гдѣ правда разграничена съ
клеветою и кривою.

— Когда я былъ здѣсь вновѣ,—говорилъ мнѣ одинъ
изъ консуловъ,—каждая жалоба на изнасилованіе жен-
щины, приносимая ея мужемъ или братомъ, приводила
меня въ благородное негодованіе, я летѣлъ къ вали, какъ
бомба, шумѣлъ, грозилъ... Ну, а теперь—дудки! иной
разговоръ.—Что тебѣ надо, братецъ? — Заступитесь! обез-
честили мою жену!—Турокъ?—Бей такой-то.—Ахъ, не-
годяй! Что же, ты подашь жалобу вали?—Нѣтъ, гдѣ намъ,
темнымъ людямъ, идти къ вали: пусть русскіе прикажутъ,
чтобы бей заплатилъ мнѣ за жену.—Хорошо,—только ты
все-таки сперва подай вали жалобу.—Да помиуйте! ту-
рецкія власти держатъ руку своихъ. Вали велитъ меня
вздуть, и только, а жалобу броситъ подъ столъ.—Ну,
нѣтъ: что этого не будетъ, мы тебѣ поручимся и за ходомъ
твоего дѣла будемъ слѣдить въ оба глаза. А жалобу ты
подай.—Да зачѣмъ вамъ, чтобы я жаловался вали? Вы и
такъ можете приказать.—А хотя бы затѣмъ, чтобы убѣ-
диться, что ты не врешь!..

Турки боятся консульскихъ вмѣшательствъ въ отно-
шенія ихъ къ райѣ вообще, а русскихъ—въ особенности.
Поэтому, когда какой-либо горячелькій консулокъ изъ но-

выхъ палеталъ на нихъ, какъ на несомнѣнно виноватыхъ, по первой-же жалобѣ, полученной въ консульствѣ отъ христіанина, — они, чтобы не заводить исторій, предпочитали удовлетворять предъявленные требованія, мало разбирая, справедливыя или нѣтъ. Тѣмъ болѣе, что требованія, обыкновенно, не высоки, и удовлетворить ихъ, даже въ ущербъ справедливости, всеже выгоднѣе, чѣмъ отказать консульству, даже имѣя на то основанія по всей справедливости. Вѣдь турки очень хорошо знаютъ, что консульство неправымъ себя не признаетъ, не можетъ, не властно, не имѣетъ ни права, ни охоты признать, что отказъ консульству затронетъ уже авторитетъ представляемаго консуломъ государства; значить, консулъ будетъ обязанъ писать о происшествіи послу, посолъ — своему министру... и затрещала дипломатическая переписка! и — глядь — всѣ сами не замѣтили, какъ выросли новый политическій конфликтъ. Но, поживъ въ краю нѣсколько лѣтъ, познакомившись съ турками и съ райею, горячіе консулки, обыкновенно, остываютъ и превращаются въ весьма хладнокровныхъ консуловъ.

— Какъ обожжешься на двухъ, на трехъ дѣлахъ, да поймешь, что изъ тебя дѣлалъ ловкое и тѣмъ болѣе неприличное, что неотразимо сильное, орудіе шантажа, — такъ начнешь дуть не только на молоко, но и на воду. Турецкое рабство и соперничество всяческихъ пропагандъ развратили здѣсь народъ до полной потери стыда. Мнѣ вспомнить совѣстно, какого дурака разыгрывалъ я въ первыхъ дѣлахъ объ изнасилованіяхъ христіанокъ, и какъ зло смѣялись надо мною исподтишка турки. Обвинитель увѣряетъ, что жена его изнасилована. Обвиняемый, — что все произошло по доброй волѣ потерпѣвшей. А потерпѣвшая — въ присутствіи мужа, поддакиваетъ его обвиненіямъ, но, чуть мы мужа вышлемъ въ другую комнату, начинаетъ опровергать свои показанія: не хочу, молъ, брать грѣха на душу и губить невиннаго человѣка, — только мужу ни

чего не сказывайте, а я сама съ нимъ согласилась и никакихъ угрозъ отъ него не терпѣла. А въ одномъ случаѣ такъ прямо указала, что мужъ-то и уговорилъ ее сойтись съ туркомъ, чтобы потомъ затѣять дѣло и ободрать турка, при помощи консульскихъ репрессій... Потому-что — ту щекотливую сторону нашего положенія, что, поднявъ дѣло, мы, консулы, уже не можемъ отъ него отступить, поставлены въ необходимость выйти изъ него непремѣнными побѣдителями, шельмы поняли до тонкости. И вотъ почему имъ такъ не правится, если я направляю ихъ жаловаться валл. Они понимаютъ, что простое наблюдение за правильнымъ ходомъ процесса въ обычныхъ инстанціяхъ турецкой власти налагаетъ на консула совсѣмъ не такія требовательныя и настойчивыя обязательства, какъ если бы дѣло началось по его личному почину. Знаютъ, что — въ первомъ случаѣ, — если христіанинъ проиграетъ свое дѣло по свидѣтельскимъ показаніямъ, то ни консулъ, ни представляемое имъ государство ничуть не будутъ оскорблены исходомъ процесса, тогда какъ во второмъ они должны принципиально и официально лѣзть на стѣну, поднимать дипломатическую бурю, которыхъ турки, повторяю, смертельно боятся, и чтобы погасить которую, они — правые ли, неправые ли — безразлично готовы на уступки и денежные жертвы. Такъ что теперь рѣшимость жалобщика идти прежде, чѣмъ въ консульство, съ просьбою къ валл — для меня пробный камень искренности его обвиненій. То есть хочеть ли человекъ, дѣйствительно, получить за обиду свою нравственное удовлетвореніе, рискуя для того даже счетами съ суровою и недоброжелательною турецкою властью, или просто старается разыграть на чести и добромъ имени жены своей трагикомедію, которая, за консульскій счетъ, легко и безопасно можетъ наполнить карманъ его, если не золотыми лирами, то тяжеловѣсными серебряными медяками.

На славянской Адриатикѣ.

(1901).

I.

Слава Богу, неспосная, холодная, сырая, безпросвѣтно скучная и безобразно дорогая Аббація осталась позади! Сквозь солнечный блескъ и—наконецъ-то! — настоящую адриатическую лазурь плыву я въ старыи славянскій Сплѣтъ—городъ умнаго Діоклетіана, а въ средніе вѣка—еще умнѣйшихъ его венеціанцевъ.

Въ Россіи, — вслѣдствіе богатыхъ рекламъ, которыя Südbahn дѣлаеть своему дѣтищу, не жалѣя денегъ, — Аббація имѣеть репутацію курорта, способнаго замѣнить климатическія станціи французской и итальянской Ривьеры, — при чемъ якобы задешево и даже съ большимъ комфортомъ. Я ненавижу модныя лѣчебныя мѣста на Ривьерахъ. Но послѣ четырехъ дней, прожитыхъ въ Аббаціи, самое скверное изъ нихъ всеже вспоминается мнѣ теперь, какъ рай земной. Какая же климатическая станція Аббація?! Больше того: не шарлатанство ли, не гнуснѣйшій ли, не вреднѣйшій ли, не предательскій ли для больныхъ обманъ выдавать ее за климатическую станцію? Я знаю всю Истрію, весь хорватскій берегъ Адриатическаго моря и теперь, впервые попавъ въ модную Аббацію, съ полнымъ убѣжденіемъ говорю, что она—самый дрянной, мокрый и мозглый уголь южно-славянскаго лукоморья. Нечего сказать, хорошій курортъ: въ Полѣ свѣтло, въ Зарѣ свѣтло, въ Фіуме чуть-чуть хмурится,—гдѣ же дождь? Разумѣется, въ Аббаціи! Это мѣсто свиданія всѣхъ адриатическихъ тумановъ, музей атмосферныхъ осадковъ всего Балканскаго полуострова. Вѣдь даже простымъ глазомъ видно, когда вы ѣдете въ Аб-

бацію по морю, — отъ Фіуме ли, отъ Пола ли, — что все на берегу ясно: одна Аббація вѣчно въ дымкѣ тумана или въ сѣткѣ дождя. Туманною я засталъ ее въ жаркое утро, туманною и оставилъ въ такой же жаркій полдень. Въ семь часовъ вечера по Friedrichs-Schüler-Strandweg'у нельзя уже гулять: платье пропитывается сыростью, стекла пенспэ становятся мокрыми, вы вдыхаете насморкъ и ревматизмъ. Нѣтъ, это совсѣмъ не адриатическая Ницца: клевететь на Ниццу Südbahn! Это даже не Алта, — больше того: это даже не адриатическое Хангё. Это — просто южные Теріоки, съ ихъ прокислымъ моремъ и прокислымъ воздухомъ надъ моремъ. Поселокъ аббаційскій — дѣло дутое, совершенно искусственное и врядь ли долговѣчное. Созданный рекламою, онъ, вѣроятно, вскорѣ начнетъ угасать, благодаря контръ-рекламѣ, которую быстро создаютъ ему посѣтителю — и, въ томъ числѣ, прежде всѣхъ вѣнцы, хотя объ ихъ-то удобствахъ, казалось-бы, и заботилась южная дорога, избрѣтая Аббацію, какъ суррогатъ Ниццы. Никто не ругаетъ такъ крѣпко Аббацію и рекламъ Südbahn'a, какъ они, никто не рассказываетъ столько курьезовъ, не дѣлаетъ такихъ пикантныхъ разоблаченій изъ жизни этого курорта, шарлатанствомъ зачатого, шарлатанствомъ рожденнаго, шарлатанствомъ воспитаннаго и живущаго. Здѣсь все — искусственное. Природы ни на грошъ. Гдѣ она показывается неподкрашеною, она бѣдна и убога. И такъ велики эти бѣдность и убожество, что маскировать ихъ устаютъ даже энергія нѣмецкой антрепризы: взгляните на сухіе кяпарисы Süd-Strand'a, на трупы кактусовъ и пальмъ, — это жертвы, падшія въ безплодной борьбѣ ресторанно-курортной культуры на вѣнскій ладъ съ суровою природою страны старинныхъ ускоковъ. Маленькій паркъ вокругъ Kuranstalten насаженъ очень искусно: тропики, судырь ты мой! — сказали бы капитанъ Копейкинъ. Но...

— Готова пари держать, — сказала мнѣ одна курортная дама, — что всѣ эти деревья не выросли здѣсь, а

просто врыты въ землю, взятыя на прокатъ изъ оранжерей...

— Богъ знаетъ, что выдумаете! Ну, а напимѣрь — эта колоссальная туя?

Дама пресерьезно возражаетъ:

— И туя поддѣльная.

— Какъ же такъ?

— Такъ: стволъ постоянный, а вѣтки—прививчены. И мѣняють ихъ каждый мѣсяць. Какъ станетъ которая засыхать, сейчасъ ее потихоньку, ночью, отвинтить, а на мѣсто ея привинтить новую, свѣжую. Такъ и поддерживаютъ трогательную иллюзію. А простаки вѣрятъ, будто тутъ тропики и въ самомъ дѣлѣ.

Дама заходила слишкомъ далеко въ дѣлѣ отрицанія. Но каково же было мое удивленіе, какъ же я смѣялся, когда, по разспросамъ свѣдущихъ людей, оказалось, что отчасти она все-таки угадала, и что цвѣтники аббаційскаго парка, дѣйствительно, поддерживаются именно такою жалкою и комическою фальсификаціею, регулярно размѣренною изо дня въ день, изъ часа въ часъ. Всѣ эти махровые и пестрые красавцы, что украшаютъ клумбы Аббаціи,—не дѣти мѣстной почвы: это — цвѣты-гладіаторы, привезенные изъ Италіи, съ Корфу, чтобы потѣшить ваше зрѣніе день-два и затѣмъ, поинкнувъ головками, увянуть и умереть. И, когда вы знаете секретъ этихъ живыхъ декорацій, онѣ становятся вамъ жалки и отвратительны. Вы чувствуете себя не въ саду, а въ букетѣ, приготовленномъ для поднесенія балетной танцовщицы или оперной примадонны. Паркъ—букетъ, а Аббація — аляповато-богатый портъ-букетъ, сочиненный по вкусу и средствамъ хозяевъ: вѣнскихъ банкировъ, которые въ Аббацію усылають кашлять своихъ болѣющихъ женъ, а сами — однако — предпочитаютъ жуировать съ содержанками въ Ниццѣ и Монако.

Аббація, при всѣхъ усиліяхъ оживить ее, всегда остается мертвымъ и скучнымъ угломъ. Между нею и Три-

стомъ лежитъ пресловутое Quarnero, переходъ черезъ которое, по безобразію качки, стоитъ Ламанша. Во время моей поѣздки въ Полу, изъ двадцати слишкомъ пассажировъ, взявшихъ билеты на обѣдъ за пароходнымъ table d'hôte'омъ, оказалось въ состояніи сѣсть за столъ лишь семь человекъ, а кончили обѣдъ благополучно лишь двое: капитанъ да вашъ покорнѣйшій слуга, имѣющій счастье быть природно застрахованнымъ отъ морской болѣзни. Остальныхъ мы теряли отъ кушанья до кушанья. Одинъ мальтиецъ держался мужественно до самаго сладкаго, но тутъ вдругъ позеленѣлъ, вскочилъ изъ-за стола, прохрипѣлъ намъ:

— Извините, но мнѣ кажется, что у меня въ животѣ самъ чортъ! — и убѣжалъ, какъ полоумный. Requiescat in pace!

Скучны карстовыя скалы, громоздяціяся вокругъ Аббаціи, скучно и населеніе, ихъ обитающее. По унылости настроенія, здѣсь даже не Вѣна, здѣсь Берлинъ. Вѣна поетъ, танцуетъ, кричитъ. Тамъ — жизнь, тамъ — Wienerblut. Здѣсь только рялятся, осматриваютъ другъ друга и зѣваютъ, платя за скуку на вѣсь золота. Не знаю, какія удобства можно получить въ пресловутомъ Hotel Stephania, располагая средствами Ротшильда или Вандербильда, по обыкновенному путешественнику, хотя бы и привычному, и готовому платить хорошо за хорошую службу, тамъ совсѣмъ не весело. Проскитавшись два мѣсяца по мѣстамъ дикимъ, куда, что называется, воронъ костей не заносилъ, я, казалось бы, долженъ былъ растаять отъ восторга, попавъ, наконецъ, въ условія культурно-европейскаго отеля. Однако, ей-Богу — ни въ Салоникахъ, ни въ Битоли, не говоря уже о Бѣлградѣ и Софіи, не находилъ я такой дрянной, вялой, избалованной и лѣнливой прислуги, такихъ плохихъ и неаккуратныхъ коммиссіонеровъ, такой невѣжественной справочной конторы, такой прижимистой и захудалой Wechselstube. Право, можно подумать, что Аб-

бація—сплавное мѣсто для людей, не пригодившихся въ Вѣнѣ ни по какой спеціальности наемнаго труда. Сюда отправляютъ, должно быть, штрафованныхъ лакеевъ, провинившихся приказчиковъ, глупыхъ горничныхъ, неумѣлыхъ продавщицъ. Грубо все это, непривѣтливо, неисполнительно, — прямо до удивленія. Именно потому — до удивленія, что ни въ Вѣнѣ самой, ни въ Прагѣ, ни въ Будапештѣ, ни во второстепенныхъ «губернскихъ городкахъ» Австріи, въ родѣ Граца, что ли, или Загреба, никогда нельзя встрѣтить ничего подобнаго. Являюсь въ контору продажи билетовъ на путешествія по Далмаціи, — управляющій не знаетъ и не желаетъ ничего знать, кромѣ перѣздовъ изъ Аббаціи въ Фіуме и обратно, продолжающихся ровно 15 минутъ. Разспросы объ отеляхъ, цѣнахъ рейсахъ и т. д. принимаетъ чуть не за личное себѣ оскорбленіе. Отдалъ я проявлять снятыя фотографіи — содрали безобразно, не прислали снимковъ во-время, и чуть я изъ-за нихъ на пароходъ не опоздалъ, да еще вдобавокъ оказалось, что проявляли ихъ самымъ перяшливымъ — пѣтъ, это мало: свинскимъ способомъ, — и перепортили всѣ негативы. Пошелъ мѣнять деньги, — за каждый наполеонъ даютъ на девять крейцеровъ меньше, чѣмъ въ двухъ шагахъ, — въ Фіуме. Захотѣлъ взять ванну, — въ огромномъ и великолѣпномъ отелѣ не оказывается ни одной свободной въ теченіе цѣлаго дня, и приходится путешествовать въ Hôtel Quagnero, гдѣ вамъ предлагаютъ мыться въ морской водѣ, ибо ванна прѣсная — одна на все stabilimento и расписана чуть ли не на мѣсяць впередъ.

И—Боже мой!—какая скука! Не думайте, ради Бога, что мнѣ нужны театры, концерты, кафе-шантанъ, циркъ, развлечения. Напротивъ: и въ Питерѣ-то начинаешь считать все это скорѣе въ числѣ своихъ обязанностей, какъ журналиста, чѣмъ въ числѣ удовольствій. А за границею, да еще на югѣ—хочется природы, хочется новыхъ людей, новой жизни и наблюденія надъ новою жизнью. Ужъ на что

театральная страна Италія, а и въ Италіи я почти никогда не бываю въ театрѣ, потому что любая улица любого городка тамъ интереснѣй для чужестранца, чѣмъ самый совершенный театръ. Но въ Аббаціи, которая, хотя сейчасъ и носитъ итальянское названіе, но вскорѣ несомнѣнно выродится въ гораздо болѣе приличествующій ей, какой-нибудь *Abbatendorf* или *Abbatenburg*, приходится прямо вздыхать по развлеченіямъ. Потому что—повторяю: среди прокислой въ туманахъ природы живутъ прокислые, скучные люди. Хотя бы одну пѣсню слышалъ я въ Аббаціи, хоть бы разъ мандолина прозвучала! Больше скажу: хотя бы осель, что ли, для *couleur locale*, прокричалъ! Туманъ, молчаніе, дождь—дождь, туманъ, молчаніе. И море-то здѣсь слабо и блѣдно красками, и какое-то малосольное, — именно, какъ въ Теріокахъ. Потому что, хотя здѣсь пѣтъ Невы, разбавляющей въ Финскомъ заливѣ балтійскую соль, зато, при каждомъ дождѣ (т. е. почти ежедневно) въ аббаційскую бухту сливаются, сотнями горныхъ ручьевъ, грязныя прѣсныя воды.

Въ путешествіяхъ, да и вообще въ жизни, я всегда держался теоріи Панглосса: «все хорошо, что хорошо кончается, все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ». Но—увы! пѣтъ правила безъ исключенія, — и я измѣняю своему Панглоссову оптимизму. Мнѣ искренно жаль и времени и денегъ, истраченныхъ въ Аббаціи, потому что и тому и другимъ легко было бы найти куда болѣе полезное и пріятное примѣненіе. Ищу эти строки въ доброжелательное предостереженіе многимъ русскимъ средняго состоянія, которые, довѣряясь рекламамъ, думаютъ найти въ Аббаціи дешевую замѣну Ниццѣ, Нерви, южному берегу Крима или кавказскому побережью Чернаго моря. Вотъ гдѣ ужъ именно сказалась-то справедливость пословицы, что «дешево, да гнило». А впрочемъ, пѣтъ: даже и того не сказывается. Потому что — какое же въ Аббаціи «дешево»?! Дорого — чортъ знаетъ до чего, — дороже и Ниццы, и Нерви.

и всего, что вамъ угодно. И—притомъ, т. е. при несравненной-то дороговизнѣ, именно—гнило. И дорого, и гнило, и скучно. Для меня, Аббация—самый типическій образецъ безсовѣстнаго и безжалостнаго къ большимъ курортнаго шарлатанства, какой только можно найти на югѣ Европы. И то разумью: на югѣ географическомъ, но отнюдь не фактическомъ.

II.

Сегодня одинъ молодой вѣнецъ спросилъ меня:

— Какъ вы полагаете: какія послѣдствія будетъ имѣть свиданіе королей румынскаго и греческаго въ Аббацин?

Я отвѣчалъ:

— Думаю, что они оба получаютъ хорошій насморкъ и затѣмъ разъѣдутся чихать—каждый въ столицу своего государства.

Замучали на славянской Адриатикѣ дожди! Съ утра до вечера, съ вечера до утра—«киша», киша и киша. Такъ-что я собирался было уже писать, полный негодованія, протестъ противъ извѣстной книги князя Д. П. Голицына (Муравлина)—«У снѣга моря». Какое, молъ, нашли вы здѣсь снѣжное море? Описывайте море сѣрое, море бурое, море скучное, море тошнотворное, но не приписывайте ему благородныхъ снѣжныхъ тоновъ благороднаго юга! «Киша» гналась за мною до самой Рагузы, и только въ этомъ прелестномъ уголкѣ, схожемъ съ Генуэзскимъ заливомъ, только еще болѣе свѣжемъ, дѣвственномъ, радостномъ, я принужденъ былъ раскаяться въ своей несправедливости къ князю Голицыну: море-то и впрямь здѣсь снѣжнее, — не бываетъ, не можетъ быть снѣжное и ласковѣе. И — какое солнце! какіе агавы и кактусы! что за пипи, пальмы, туовыя деревья, дубы, виноградъ, лимоны... Сейчасъ померанцы зацвѣли, и отъ ихъ влюбленнаго аромата въ вечеру одурѣть можно. Розы всѣхъ цвѣтовъ заплели изгороди, boules de neige

важно бѣлѣютъ въ купахъ темной листвы. Птицы кричатъ, какъ сумасшедшія, а мягкій, тихій прибой—бухъ да бухъ о берегъ, точно постоянный, приглушенный недалю, басъ къ этой божественной мелодіи весны, любви и возрожденія.

Въ такое время стихи бы читать (коли сочинять не умѣешь), а я разговариваю съ австрійскими офицерами о мѣстной политикѣ. Много ихъ здѣсь. Много войска держатъ австрійцы въ своихъ славянскихъ земляхъ, и—надо имъ отъдать полную справедливость!—они сами прекрасно сознаютъ невѣрность своего здѣсь положенія и прямодушно съ ней соглашаются.

— Мы дѣлаемъ здѣсь все, чтобы насъ любили, но—насъ ненавидятъ. Да и сами мы не въ силахъ любить здѣшняго населенія. Они и мы—кошка и собака. Сравните: вы—русскій, впервые въ краю, ничего для этого края не сдѣлали, а каждый мужикъ принимаетъ васъ съ распростертыми объятіями, какъ родного брата. Мы употребляемъ тысячи усилій, чтобы культивировать страну, благоустроить, обогатить,—и на насъ смотрятъ волкамъ. Каждый солдатъ нашей арміи обязанъ знать по-нѣмецки. Попробуйте-ка заговорить съ солдатомъ изъ здѣшнихъ славянъ на нѣмецкомъ языкѣ, если по близости не видно офицера. Вамъ не только не отвѣтятъ, но, пожалуй, еще и нагрубятъ. Это край старинныхъ «ускоковъ»—гордый, своеобычный, непоклонная голова. Городская жизнь здѣсь—портовая, установилась еще въ венеціанскія времена, поэтому побережье, по крайней мѣрѣ, итальянизировано. Но шагните вглубь страны: уже въ трехъ верстахъ отъ моря народъ не хочетъ понимать ни по-итальянски, ни по-нѣмецки и требуетъ, чтобы чужеземецъ говорилъ съ нимъ на его нарѣчій.

Я испыталъ это, бродя по деревушкамъ вокругъ Спалато и Салоны: люди угрюмо огрызаются на каждое нѣмецкое привѣтствіе, равнодушно и даже слегка презрительно отвѣчаютъ на итальянскую рѣчь, но положительно

расцвѣтають, когда вы просите говорить по-хорватски: я, моль, русскій, привыкъ уже понимать сербскій разговоръ— пойму и васъ. То, что русскій, настоящій русскій изъ московскаго царства, понимаетъ далматинца и легко можетъ быть понятъ имъ самъ, производило всюду въ простонародьи радостную сенсацию.

— Какъ вы уживаетесь съ швабами? — спросилъ я одного учителя.

Онъ пожалъ плечами:

— Да какъ же съ ними уживаться? Собаки.

— А итальянцы?

Онъ махнулъ обѣими руками, а старикъ-корчмарь, присутствовавшій при разговорѣ, вставилъ слово, наливая намъ въ стаканы вино, черное, какъ душа грѣшника, но сладкое, какъ отпущеніе грѣховъ:

— Такія же собаки, только породю попроче, да ростомъ поменьше.

Въ Зарѣ еще попадались мнѣ названія улицъ, написанныя по-итальянски и по-хорватски, но не по-нѣмецки и не по-венгерски. То же самое было и раньше въ Полѣ. Но въ Рагузѣ — сплошь славянское царство. Само офицерство, — конечно, во избѣжаніе непріятныхъ столкновеній, — старается не обращаться къ приватнымъ гражданамъ на государственномъ, т. е. нѣмецкомъ языкѣ, а, чтобы обойти необходимость славянской рѣчи, избираетъ нейтральную середину, говоря по-итальянски.

— Развѣ это люди? Это — черти! — откровенничалъ со мною пожилой полковникъ, — у нихъ у всѣхъ въ памяти 1869 и 1881 годы.

— Да вѣдь вы же ихъ тогда такъ блистательно укротили?

— А чего намъ стоило укрощеніе? Помилуй Богъ отъ такихъ удачъ: онѣ хуже всякаго пораженія. Пирровы побѣды! Послѣ 1869 года мы, побѣдители, должны были вознаграждать бунтовщиковъ за всѣ потери, которыя понесли

они за время возстанія противъ насъ... вознаградить золотомъ! Хороши побѣды, сопровождаемая уплатою контрибуцій! Въ 1881 г. мы были умнѣе, рѣшительнѣе, но—вѣдь мы усѣяли горы трупами нашихъ солдатъ, вѣдь развѣ лишь наполеонова армія въ Россіи переносила ужасы, среди которыхъ поставили насъ эти проклятые бандиты изъ Кривошин.

— До тѣхъ поръ, покуда предъ глазами здѣшнихъ славянъ будетъ торчать, какъ вышка съ національно-сербскимъ флагомъ, независпмая Черногорія, — мы здѣсь—сколько бы усилій военныхъ, культурныхъ, денежныхъ, ни употребили, чтобы упрочиться и пустить корни въ землю,—мы всегда останемся здѣсь только нелюбимыми гостями, никогда не станемъ хозяевами.

— Такъ взять Черногорію! — пылко воскликнулъ молоденькій подпоручикъ и даже кружкою по столу стукнулъ, инда соннаго кельнера испугалъ: такъ, по юности лѣтъ своихъ, разлютовался австрійскій богатырь!

Старшіе офицеры переглянулись и засмѣялись. Юноша продолжалъ:

— Разумѣется, взять,—и дѣло съ концомъ. Я знаю: за Черногоріей стоитъ Россія, и мы не рѣшаемся наложить руку на Черногорію, боясь вызвать войну съ Россіею. Но это ложный страхъ, старый предрассудокъ—и больше ничего. У Россіи столько важныхъ дѣлъ и политическихъ осложненій на шеѣ, что она никогда не рѣшится воевать съ нами изъ-за народца въ 250,000 человекъ численностью, изъ-за кусочка на картѣ Европы въ поготь величиною...

Полковникъ нетерпѣливо прервалъ эти бредни:

— Во-первыхъ,—сказалъ онъ,—значеніе Черногоріи для Россіи гораздо важнѣе, чѣмъ вы воображаете. Я даже думаю, что сама Россія—къ счастью для насъ—мало понимаетъ, какъ интересны ей этотъ поготокъ на картѣ, этотъ народецъ, о которомъ вы говорите съ такимъ презрѣніемъ. Иначе она обращала бы на Черногорію гораздо больше

вниманія, гораздо щедрѣе субсидировала бы ее и усерднѣе вооружала. Сила Черногоріи — чисто нравственная. Пока она стоитъ свободная, всѣ славянскіе народы здѣсь видятъ въ ней противу-швабскій символъ. Вотъ-де всѣхъ насъ нѣмцы захватили, сломили, а Черногорію взять не могутъ. Почему? А потому, молъ, что русскимъ они друзья, русскіе не даютъ ихъ въ обиду нѣмцамъ. Свободная Черногорія — это маякъ, по которому здѣшніе славяне знаютъ, что существуетъ гдѣ-то далеко великая страна, которая блюдетъ славянскіе интересы и защищаетъ вѣрныхъ ей славянъ. Вотъ — господинъ Амфитеатровъ пріятно испыталъ, какъ популяренъ здѣсь русскій народъ, какъ велико здѣсь обаяніе русскаго имени. А вѣдь русскихъ здѣсь почти никогда не видятъ, съ Россіей коммерческихъ и культурныхъ связей почти не имѣютъ. Откуда же популярность? Да именно — изъ зрѣлица независимой Черногоріи, дружественной русскому народу, съ черногорскаго примѣра, съ черногорскихъ разказовъ. Нѣтъ, молодой человѣкъ, Черногорія для Россіи столь важный передовой оплотъ въ славянскомъ мірѣ, такая дешевая и сильная крѣпость, что даромъ ее намъ русскіе никогда не уступятъ, въ какихъ бы тяжкихъ условіяхъ они ни находились.

— Да, какъ будто легко забрать, — помню русской защиты, — и самихъ черногорцевъ, каковы они есть! — вступился другой офицеръ, — вѣдь это народъ-армія! Правда, всего въ 45,000 солдатъ подъ ружьемъ, но — какихъ солдатъ! За ними — триста лѣтъ постоянной войны, притомъ войны оборонительной. Искусство сопротивленія развито ими до предѣловъ возможнаго. Когда мы оккупировали Боснію и Герцеговину, то надѣялись пройти ихъ безъ выстрѣла съ распущенными знаменами: народъ-де безоруженъ, народъ-де истощенъ, — онъ будетъ счастливъ принять насъ, какъ рабъ, перемѣнившій злого хозяина на добраго. А, вмѣсто того, этотъ безоружный и истощенный народъ дрался съ нами за каждую пядь земли, и оккупация стоила

намъ ста тысячъ нашихъ отборныхъ солдатъ: мы безъ войны потеряли столько же, сколько русскіе въ войну, прославленную Шипкою и Плевною. По этому примѣру можно себѣ представить, какъ примутъ насъ черногорцы, если намъ Вѣна и Буда-Пешть велятъ идти къ нимъ въ гости.

— Во-вторыхъ, молодой человекъ,—продолжалъ полковникъ, собирая языкомъ съ усовъ шивую пѣну, — во-вторыхъ, нашъ ударъ по Черногоріи вызоветъ не только русскую, но всеславянскую бурю. Коллега пашъ правъ: Черногорія не умретъ безъ отчаяннаго сопротивленія, и каждый побѣдоносный моментъ въ сопротивленіи этомъ легко можетъ стать роковымъ для нашего господства на этихъ берегахъ. Революція спитъ въ каждой деревушкѣ Босніи, Герцеговины, Далмаціи. Громъ орудій разбудитъ ее, а первый же черногорскій успѣхъ окрылитъ и разовьетъ. Къ счастью для насъ, славяне разрознены, и одно племя ненавидитъ другое. Но вѣдь это — ненависть несчастныхъ, неудачниковъ. Вообразите, что подъ русскимъ давленіемъ, подъ впечатлѣніемъ черногорскаго успѣха, имъ удастся договориться до объединенныхъ дѣйствій, найти или взять изъ той же Россіи новыхъ Черпяевыхъ и Скобелевыхъ. Вѣдь мы очутимся въ муравейникѣ, въ роѣ дикихъ пчель. И, пожалуй, вмѣсто того, чтобы забрать Черногорію, намъ придется позаботиться о другомъ—не упустить бы изъ рукъ и того, что имѣемъ, т. е. Боснію и Герцеговину. А, по улыбкѣ нашего русскаго гостя, я смѣю предположить, что въ Россіи такъ на этотъ счетъ и думаютъ...

— Да такъ оно и будетъ!—сказалъ я, смѣясь.

— Вы возьмете у насъ Боснію и Герцеговину?—раздалось нѣсколько возбужденныхъ голосовъ,—одни сердились, другіе смѣялись: — никогда!

— Не мы возьмемъ, онѣ сами себя у васъ возьмутъ. Не вѣрно же сербы будутъ ѣсть другъ друга, — когда-нибудь помирятся, споются, и тутъ оккупациі вашей конецъ, и владычеству — смерть.

— О! — сказала кто-то, — противъ этихъ перспективъ нами приняты хорошія мѣры. Мы вошли между Сербіей и адриатическимъ славянствомъ клинъ, котораго намъ не расщепить.

Но скептикъ-полковникъ возразилъ:

— Да, но только я нахожу, что клинъ этотъ слишкомъ коротокъ. Его легко обойти чрезъ Македонію и Великую Сербію. Что касается меня, я буду считать австрійскую мощь на Балканскомъ полуостровѣ непоколебимою только въ томъ случаѣ, когда наша территорія хоть узкою полоскою доползетъ до Салоникъ и упрется въ Эгейское море. До тѣхъ поръ мы — безъ базиса, мы стоимъ на головахъ и вверхъ ногами, балансируемъ. Положеніе сомнительное, и гимнастика наша, хотя и очень искусна, но все же противоестественна. Такъ вотъ — такъ-то: будемъ мы въ Салоникахъ, — здѣсь все и навсегда наше. О нихъ, стало быть, и надлежитъ думать. Но, откровенно говоря, добратся до нихъ... именно ужь: и око видитъ, да зубъ неймасть.

III.

Объ австрійскихъ военныхъ въ Россіи установилось — чуть ли еще не со времени суворовскихъ войнъ — крайне нелестное мнѣніе. Не знаю, насколько оно справедливо для поля ратнаго, но въ обществѣ австрійскіе офицеры, даже провинціальныя, производятъ очень хорошее впечатлѣніе. Помимо утопченной вѣжливости, благовоспитанности, прекрасныхъ манеръ и общей бравой выдержки, большинство — люди хорошо образованные, интеллигентные, съ литературными познаніями, съ политическимъ смысломъ и тактомъ. Меня удивляло то полное отсутствіе шовинистическаго азарта, то глубоко сознательное отношеніе къ своимъ силамъ и цѣлямъ, которыя звучали въ каждомъ ихъ словѣ по славянскому вопросу. Въ нихъ нѣтъ ни пѣту-

шинаго задора французовъ, ни противнаго, туно-самоувѣреннаго нахрапа сѣверныхъ нѣмцевъ, ни нашего легкомысленнаго «шапками закидаемъ». Словомъ, я убѣждался, что воинственный пылъ и надменный топъ австрійскихъ газетъ — одно дѣло, а военныя разсужденія австрійскихъ военныхъ людей — совсѣмъ другое. Общій смыслъ разговоровъ таковъ, что — конечно, моль, если придется намъ поднять оружіе противъ славянъ, каждый изъ насъ честно и мужественно исполнить свой долгъ, но — ахъ, если бы не случилось его исполнять, если бы минула насъ чаша сія, если бы наша политика не зарывалась въ приключенія! Слишкомъ хорошо сознается здѣсь людьми военнаго практическаго опыта вся трудность быть германскою плотною противъ славянскаго моря — въ случаѣ, если бы оно разбушевалось. И потому — въ то время, какъ вѣнскіе слѣтки изъ разряда желторотыхъ, еще не знакомые съ бытомъ адриатическихъ береговъ, кричатъ, по газетнымъ вдохновеніямъ, по «военнымъ мыслямъ штатскихъ людей»: — Покончить съ Черногоріей! идти въ Салоники! вести дорогу на Митровицу! что мы церемонимся со Старою Сербіей? — въ это самое время офицеры постарше, долго прожившіе въ краю, съ искреннимъ неудовольствіемъ встрѣчаютъ каждый правительственный шагъ, который раздражаетъ славянство, дразнитъ его, прибавляетъ яду въ чашу терпѣнія, и безъ того уже отравленную.

— Мы не трусы и борьбы не боимся, — слышаль я. Но за неуклюжести Вѣны и Будапешта придется непосредственно отвѣчать не Вѣнѣ и Будапешту, а намъ здѣшней ихъ военнои силѣ, — такъ дѣло-то значить немпожко касается и насъ. Тихи-тихи эти люди, поютъ пѣсни, пьютъ вино, а — какъ устроятъ они намъ сицилійскую вечерню, такъ вѣдь мы, а не вѣнскіе министры будемъ ее слушать.

— Ну, вы ужъ слишкомъ далеко заходите... какія тамъ сицилійскія вечерни!

— Не надо, чтобы онѣ стали возможными, не надо

взвинчивать народнаго терпѣнія, не надо надоѣдать народу своею опекою-тюрьмою, подозрительною, томительною. Австрійская политика въ славянскихъ земляхъ была геніальна, какъ сила дробящая. Подъ нашимъ вліяніемъ и внушеніемъ растаяла великая сербская національность, а вмѣсто нея появились сербы, босняки, герцеговинцы, хорваты, далматинцы, не только равнодушные другъ къ другу, но часто даже враждебные между собою. Они всѣ автономисты, но автономисты—каждый для своего уголка. У всѣхъ у нихъ въ головѣ либо Великая Сербія, либо Великая Хорватія, какое-нибудь королевство Звонимира, которымъ они утѣшаются—совершенно безвредно и безразлично для насъ, потому что не только осуществить эти мѣстныя автономіи, но даже сдѣлать хоть шагъ къ ихъ осуществленію они не въ состояніи, а между тѣмъ,—чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, только бы не плакало! Но, разбивъ сербскій народъ на маленькія и безсильныя клѣточки, обманувъ его миражемъ самостоятельности каждой изъ этихъ клѣточекъ, мы такъ увлеклись своею геніальною политикою, что и сами весьма неожиданно увѣровали въ реальность созданныхъ нами дѣленій, позабывъ совершенно о цѣломъ организмѣ, который они составляютъ. Въ Вѣнѣ привыкли думать, что, если у босняка крыша горитъ, то, напримѣръ, уже на герцеговинскую или хорватскую хату огня не перекинетъ, а, если и перекинетъ, пожара не будетъ: обѣ-де крыши изъ разнаго матеріала—тутъ солома, тутъ—огнеупорная черепица. Но это страшное заблужденіе, страшная, роковая ошибка. Можно не вѣрить въ пансербизмъ, въ Великую Хорватію, но надо вѣрить, что, какъ бы ни именовали себя раздробленные, разрозненные сербскія племена, они все-таки всѣ—сербы, и, какъ всѣ сербы, революціонеры по природѣ, швабо и мадыро-ненавистники. И потому всякій маленькій пожаръ, гдѣ бы онъ въ этихъ краяхъ ни обнаружился, будетъ уже жестоко опасенъ для насъ, потому что это—пожаръ возлѣ поро-

хового погребѣ. Дайте умереть Францу-Іосифу,—вы увидите, какая чертовщина здѣсь пачнется. Вѣнцы мало думаютъ о нашихъ краяхъ, смотрятъ на нихъ съ снисходительнымъ презрѣніемъ, какъ на дикаго звѣрька, который и хотѣлъ бы, да не можетъ больно кусаться. А ужъ какъ это не вѣрно! Когда въ Австріи настанетъ часъ столкнуться рѣшительнымъ боемъ нѣмецкой государственности и славянской революціи, — адриатическіе славяне окажутся писургентами гораздо болѣе опасными, чѣмъ, напримѣръ, чехи, которыхъ у насъ такъ боятся. Почему? Да — по самому простому соображенію: чехи богатый, культурный народъ, для котораго каждый день революціи будетъ создавать страшныя матеріальныя потери, требующія, чтобы выдержать ихъ, почти невѣроятной энергіи патріотизма. Здѣшнимъ же — нечего терять, кромѣ жизни, которою они совершенно не дорожатъ, и которую, возставая противъ австрійской власти, они могутъ сдѣлать только, можетъ быть, нѣсколько лучшею, но ужъ никакъ не худшею: существуютъ границы, за которыми хуже не бываетъ, — и, напримѣръ, въ Босніи энергія Каллая весьма увѣренно и опредѣленно ведетъ славянъ именно къ этимъ границамъ.

Боязнь русской агитаціи среди славянства и ненависть къ Черногоріи, какъ къ русскому оплоту на Адриатическомъ морѣ, какъ къ собирательному фокусу русскаго вліянія на все сербство, заставили насъ стиснуть эту страну-крошку грозною линіею фортовъ; она окружена нашими войсками; наши военные посты и таможни на черногорской границѣ суровы, взыскательны и награждены оборонительными сплами, точно маленькія крѣпости; мы обвели Черногорію мертвымъ кольцомъ желѣзныхъ дорогъ, — она раба наша въ экономическомъ отношеніи, шага ступить не можетъ, не покупая у насъ, не продавая намъ. Закрѣпостить народъ, конечно, дѣло политически выгодное. Но и закрѣпощенію должны быть мѣры, — какъ экономическія, такъ и психологическія. Если у человѣка

три пары платья, то, при упорномъ на него давленіи, онъ, хотя морщась и ворча, можетъ уступить насилію одну изъ нихъ; но, если у него только и есть, въ чемъ онъ одѣтъ, а вы требуете, чтобы онъ раздѣлся до гола, онъ полѣзетъ съ вами въ смертную драку. Боюсь, что политика наша требуетъ отъ Черногоріи именно, чтобы она раздѣлась до гола и отдала намъ свою послѣднюю рубашку,—ну, а это—мечтаніе рискованное, особенно съ черногорцами. Потому что, сколько мы ихъ не раздѣвали, а револьверы-то они за поясами сохранили, да и ружья имъ русскій царь прислалъ отличныя. И заступиться за нихъ есть кому. Не знаю, какъ думаютъ въ Вѣнѣ, но мы, мѣстные, отнюдь не желали бы видѣть себя среди новой бурской войны. И повторяемъ: не по боязни самихъ черногорскихъ храбрецовъ, а потому, что война съ Черногоріей, единственная вина которой передъ нами—ея свобода, отозвалась бы на Австріи и ея европейскихъ отношеніяхъ еще хуже, чѣмъ трансваальская война откликнулась на Англій. Трансвааль далеко, въ Африкѣ, и то всѣ страны и народы приковали къ нему взоры съ преданностью и симпатіей, онъ сталъ центральной нравственною точкою обонхъ полушарій, и—какъ бы англичане ни бравировали своимъ презрѣніемъ къ общественному мнѣнію Европы,—все-таки, отчужденіе отъ всего цивилизованнаго міра очень тяжело для нихъ. Ну, а если мы заведемъ своихъ собственныхъ европейскихъ буровъ?!

Параллель черногорцевъ съ бурами повторяется на берегахъ Адриатики часто, и сами черногорцы любятъ ее проводить.

— Вотъ увидите, когда будете въ Цетиньѣ,—говорилъ мнѣ черногорецъ, спутникъ по пароходу. — Тамъ телеграммъ съ театра бурской войны народъ ждетъ, какъ іудей Мессію. И если телеграммы благопріятны для буровъ, если они держатся и ускользаютъ отъ англичанъ, въ нашей престолиницѣ настоящей праздникъ. Всѣ отели и кафаны

полны: молоды пьютъ за здоровье буровъ. Если бы театр войны не былъ такъ далекъ, да проѣздъ туда не стоилъ такъ дорого, то Черногорія; конечно, поставила бы не меньше десяти тысячъ воиновъ, охочихъ пролить свою кровь за буровъ.

— Вотъ, — пошутилъ я, — кстати и помѣрялись бы: кто лучше стрѣляетъ, вы или буры? Потому что они, говорятъ, изумительныя стрѣлки.

— Ну, лучше нашихъ врядъ ли будутъ, — усумнился черногорецъ. — Наши стрѣляютъ несравненно. Не говорю уже о старикахъ, но и молодежь не теряетъ старыхъ преданій. Возьмите, на примѣръ, хоть престолонаслѣдника, князя Даніила; это — нашъ лучшій стрѣлокъ. Онъ на любомъ разстояніи выбиваетъ пулею монету, которую вы держите между пальцевъ, не повредивъ руки. Этотъ опытъ такъ у насъ извѣстенъ, что ни одинъ черногорецъ не задумается, если князь попроситъ его стать мишенью... Да и не одинъ князь Даніилъ хорошо стрѣляетъ. Многие. У самого князя Николы, хотя и старенецъ онъ, рука еще крѣпкая и вѣрная.

— Сохранились еще ваши знаменитыя длинныя «пушки», съ которыми васъ, черногорцевъ, принято изображать на картинкахъ?

Черногорецъ засмѣялся:

— Только въ арсеналѣ. Тамъ есть «пушка» длиною въ сажень и вѣсомъ въ пятнадцать кило. Но и сейчасъ есть не мало удалцовъ въ Черногоріи, которые этою махиною продѣлываютъ весь воишскій артикуль. Войско же наше вооружено «московками» — магазинками новаго образца, подаренными Государемъ-Императоромъ, а часть — берданками.

— А артиллерія?

— Въ Подгорицѣ, если поѣдете туда, увидите русскія пушки: съ ними мы когда-то брали Никшичъ. Въ Цетиньѣ — пушки Крушна, да три англійскія, отбитыя у ту-

рокъ. Какъ видите, мы артиллерію свою добывали на поляхъ сраженій, покупали мало,—не на что! Имѣемъ, тоже въ Цетиньѣ; митральезу, русскую, подарокъ Царя... Немного вообще, но — пусть Петербургъ только телеграмму намъ пришлетъ: вся Европа услышитъ, какъ онѣ заговорятъ.

— А вотъ,—поддразнилъ я,—австрійскіе поручики говорятъ, что съ вашею Черногорією покончить пора.

Глаза черногорца такъ и вспыхнули, точно у разсвирѣпѣвшаго льва, онъ поблѣднѣлъ и выпрямился во весь свой громадный ростъ.

— Покончить? Ого! вотъ какъ! — сказалъ онъ съ страннымъ глухимъ смѣхомъ, похожимъ на рычаніе и полнымъ такой силы, гнѣва и презрѣнія, что я не безъ удовольствія подумалъ:

— Ну, нѣтъ, господа швабы! При всѣхъ вашихъ широкихъ глоткахъ и еще широчайшихъ аппетитахъ, не совѣтую вамъ глотать этихъ молодцовъ: подавитесь!

Перспективы всякихъ недовольствъ или волненій въ славянскомъ мірѣ, мнѣ поработченномъ, тяжелы для австрійцевъ еще тѣмъ, что, въ случаѣ надобности, они должны будутъ бросить на славянъ славянскія же войска. По крайней мѣрѣ, въ первый моментъ. А что изъ этого выйдетъ,—Богъ знаетъ. Потому что времена теперь не старыя. Между славянами живетъ еще племенное соперничество, но проснулось уже и сознаніе кровнаго родства всѣхъ славянъ. И, если даже хорваты и сербы еще не настолько братья, чтобы поддерживать другъ друга, то уже врядъ ли они настолько соперники, чтобы стрѣлять одинъ въ другого для швабскаго удовольствія *).

Любопытно, что это мнѣніе австрійскихъ умѣренныхъ я слышалъ отраженнымъ и съ другой стороны, славянской, отъ черногорца.

*) Къ сожалѣнію, эта оптимистическая надежда не оправдалась въ Загребской рѣзнь 1902 г.

— А не дай Богъ намъ подраться съ Австріей!

— Почему?

— Съ тяжелымъ сердцемъ воевать придется. Выставить она противъ насъ хорватовъ, далматинцевъ, поляковъ, русинъ, словенцевъ... какъ ихъ намъ убивать? какъ имъ насъ убивать? Братъ на брата,—все равно, что Каинъ на Авеля!

IV.

Надо отдать справедливость державѣ Габсбурговъ. Едва ли есть у нея политическая соперница, равная по искусству пролѣзть въ чужое гнѣздо, поработить его себѣ и законныхъ его хозяевъ превратить въ слугъ своихъ. а себя произвести въ хозяева—да еще самаго крѣпостническаго типа. Политика Австріи—вѣчная сказка объ ежѣ, который, напросившись ночевать въ порку къ ужами, вкатился въ нее маленькимъ скромнымъ клубочкомъ, по потомъ, обогрѣвшись, распустилъ пглы, и—ну покалывать мягкотѣлыхъ ужей. — Пріятель, — говорятъ ужь, — ты намъ дѣлаешь больно. — Неужели? — говоритъ ежъ. — Не пора ли тебѣ уйти отъ насъ? Намъ съ тобою очень трудно. — Что вы! — возражаетъ ежъ, — вы ужь очень прпвередливы! Напротивъ, я нахожу, что здѣсь пречудесно. А кому въ порѣ неудобно, — что жъ? тотъ можетъ и вопъ уйти: я его не держу.

Захвативъ такимъ ежовымъ способомъ Боснію и Герцеговину, Австрія уже давно стучится и въ Черногорію, которую она стиснула такъ, что той буквально некуда податься, и въ Македонію, къ которой она подвигается желѣзною дорогою до Митровицы. Желѣзная дорога эта сознательно и предопредѣленно несетъ Черногоріи голодную смерть. Охваченная австрійскими линіями почти по самой границѣ своей: Кагель-Нови — Мостаръ — Сераево — Нови-Пазаръ — Митровица, — Черногорія превращается въ муху въ стальной паутинѣ какого-то сверхъестественнаго паука.

Когда строилась линия Сераево-Мостарь, австрийцы не хотѣли ни въ коемъ случаѣ брать рабочихъ изъ черногорцевъ, хотя эти дюжіе молодцы великолѣпны на поденщинѣ. Было весьма ясно выражено: заработковъ ни однихъ черногорскій подданный на австрийской почвѣ имѣть не будетъ. Между тѣмъ, безъ заработковъ на сторонѣ, голая Черногорія теперешнее свое населеніе прокормить не въ состояніи. И тогда австрийское гоненіе на ея рабочихъ породило въ Черногоріи острый экономическій кризисъ, разбудившій справедливое славянское негодованіе. Княжество было пакануѣ воинственнаго взрыва. На границѣ уже пострѣливали.

Черногоріи, запертой въ самой себѣ, остается лишь одинъ выходъ—на югъ, гдѣ стоятъ псконною ей преградой дикія и воинственныя албанскія племена, вѣковая ненависть которыхъ къ черногорцамъ непримирима. И, конечно, посадивъ дикаго черногорскаго кота въ уголъ, между стѣнкамъ котораго некуда податься, швабы найдутъ достаточное количество свирѣпыхъ гончихъ, охочихъ кучею броситься въ предательскій уголъ и загрызть загнаннаго, храбраго звѣря на смерть.

Погубить Черногорію недолго. Въ предсмертныхъ судорогахъ своихъ она будетъ ужасна и сокрушитъ много враговъ своихъ, но сила солому ломить—раздавить и ее. И, быть можетъ, лишь тогда и мы, русскіе, и все славянство оцѣнимъ въ полную величину все огромное значеніе этой крошечной свѣтящейся точки, этого маяка славянской политической самостоятельности на порабощенномъ адриатическомъ западѣ. Мала Черногорія, но она—символическій ключъ къ дому всего балканскаго славянства.

Опасность войны посредствомъ желѣзныхъ дорогъ хорошо понята адриатическими славянами.

Фіуме, то-есть славянская Рѣка,—оба названія одинаково въ ходу,—протестовало устами своей торговой палаты противъ желѣзной дороги на Новый Базаръ и Митровицу.

Если бы торговая палата думала въ данномъ случаѣ лишь о торговыхъ интересахъ, врядь ли г. военный министръ Бекъ, авторъ проекта, дождался бы не только единогласнаго, но даже и одnogолосаго протеста. Желѣзная дорога, прошикающая въ глубь Старой Сербіи, черезъ вѣковые лѣса боснійскихъ дебрей, должна стать нестоимымъ источникомъ доходности именно для хорвато-далматинскаго берега, для Фіуме, Спалато, Каттаро и т. д. Однимъ мачтовикомъ могла бы снова оживиться морская торговля славянской Адриатики, какъ во времена Венеціанской республики, отсюда черпавшей матеріалы для своихъ огромныхъ флотовъ и строительства.

Но славяне адриатическаго побережья поняли, что имъ подсовываютъ чечевичную похлебку, соблазнительно покупая за нее право первородства, и національно-политическія надежды оказались сильнѣе прельщенной матеріальной выгоды. Славянскій Исавъ не пожелать чечевичной похлебки, которую предательски сварилъ вѣнскій Іаковъ. Неудивительно, что сторону славянъ противъ австрійскаго напора взяли и итальянцы—второй, по численности, національный элементъ побережья: чѣмъ сильнѣе будетъ дѣлаться Австрія подъ Балканами, чѣмъ шире станетъ территорія ея опекунства, а, можетъ-быть, и захвата, тѣмъ безнадежнѣе дѣло ирредентистовъ, тѣмъ призрачнѣе для нихъ миражъ сліянiя съ Italia unita Истріи и Триэста. А какой же итальянецъ на австрійской Адриатикѣ не ирредентистъ?

Извѣстный славянофилъ, капиталистъ, путешественникъ по славянскимъ землямъ, О. В. Чижовъ, говорилъ нѣкогда: — Не прихожу въ отчаяніе, что австрійки забрали Боснію и Герцеговину. На вѣкъ имъ тамъ не удержаться, а на время они даже полезны. Они — хорошие хозяева: устроятъ дороги, заведутъ культуру, — намъ же лучше прійти на готовое, потому что вѣдь все равно: рано или поздно, край этотъ нашъ будетъ.

Уже давно угасла, — и слава Богу! — та вѣтвь славянофильства, которая всякое славянское движеніе старалась окрасить въ цвѣтъ вождельній — быть русскою губерніей. Угасла она, хорошо проученная Сербіей и Болгаріей, которая, бывъ выручена нами изъ-подъ турецкаго ига, подобныхъ вождельній, однако, рѣшительно не обнаружили, что многими павными російскими патриотами и объявлено было «славянскою неблагодарностью». Поэтому, слово «нашъ» въ тирадѣ Чижова уже не имѣетъ значенія въ томъ смыслѣ, какъ оно было произнесено авторомъ, но, если перевести въ ней мѣстоименіе «нашъ» прилагательнымъ «славянскій», то теорія Чижова жива и проповѣдуется многими еще до сихъ поръ. Наружно, она — здравомысленна и практична. Съ ея точки зрѣнія, пожалуй, фіумійскіе сепаратисты даже глупо поступили, отказываясь отъ липиц на Новый Базаръ. Пусть бы австріяки построили дорогу: коли суждено возникнуть босно-хорватской автономіи, ей же будетъ лучше съ уже проложеннымъ желѣзнымъ путемъ.

Но патриотизмъ національный, хотя и сильнѣе многихъ движеній человѣческихъ, однако, не всѣхъ. Всякій духъ силенъ, но всякая плоть немощна — славянская въ особенности. Далматинское и хорватское побережье — полоса мелкихъ капиталовъ, небольшихъ, но вѣрныхъ оборотовъ, маленькой, но бойкой торговли и промышленности. Боснія — край мелкой земельной собственности. Славяне очень хорошо понимаютъ, что австрійская желѣзная дорога — уже начиная съ отчужденія земель, — завяжетъ всѣ эти мелкія самобытныя экономическія величины Гордіевымъ узломъ и отдастъ ихъ въ кулакъ австрійскому же капиталу. А люди, экономически закабаленные, какъ бы ни былъ великъ ихъ принципиальный патриотизмъ, на практикѣ — уже лишь полупатріоты: своя рубашка становится ближе къ тѣлу, чѣмъ рубашка націи, дѣло своей шкуры дороже національнаго интереса. Развѣ мало славянскихъ единицъ опѣмчилось на

почвѣ экономическаго подчиненія германской расѣ? А итальянскій прредентизмъ? Развѣ такъ бы малы были политическіе успѣхи его, если бы присоединеніе къ Italia unita не грозило денежными затрудненіями, коммерческимъ кризисомъ и крахами сотнямъ буржуа итальянскаго происхожденія, запутаннымъ въ австрійскія предпріятія, въ австрійскій кредитъ, не купленнымъ даже, а просто порабощеннымъ австрійскимъ капитализмомъ?

Въ Черногоріи все это сознають очень хорошо.

— О, если бы Россія помогла намъ хоть нѣсколько упорядочить экономическій строй нашей страны,—говорилъ мнѣ первый министръ и правая рука князя Николая, воевода Гавро Вуковичъ. Край напрасно считают нищенски-бѣднымъ, неспособнымъ къ развитію. Мы голы только со стороны Цетинье, нашей природной крѣпости, о которую разбились усилія уже столькихъ нашихъ враговъ. Если вы проѣдете къ Никшичу, къ Подгорицѣ, вы увидите прекрасные, богатые лѣса. У насъ есть руды. Наше овцеводство могло бы имѣть обильный вывозъ. Но все это немыслимо при отсутствіи путей сообщенія. Наши горныя шоссе пріятны для туристовъ, но не для товарнаго движенія. Намъ нужны желѣзныя дороги. Теперь почти рѣшенъ вопросъ о внутренней коротенькой линіи, на Антивари, которую австрійцы предлагали намъ выстроить давнымъ-давно, но мы слишкомъ хорошо знаемъ, что это значитъ, чтобы льститься ихъ предложеніями. Мы выстроимъ эту дорогу при помощи бельгійцевъ. И безъ того уже тяжело давить насъ австрійское экономическое иго: вѣдь мы въ кольцѣ! И прорвать кольцо это, блокаду эту торговую и промышленную, будетъ въ состояніи лишь желѣзная дорога, которая соединитъ насъ съ Сербіей, съ Дунаемъ, съ Россією. Проектъ линіи Кладово-Няшъ-Митровица, съ выходомъ на Антивари, давно виситъ въ воздухѣ. Онъ былъ близокъ къ осуществленію, но покойному королю Милану удалось парализовать его, заставивъ скуп-

щину вотировать узкую колею для участка на протяженіи сербской территоріи. Послѣ того Румыніа отказалась отъ всякаго участія въ предпріятіи, такъ какъ сербская узкая колея превратила бы ея собственный участокъ въ обыкновенный подъѣздной путь. А между тѣмъ, на долю ея падали огромные расходы и въ томъ числѣ постройка моста черезъ Дунай. Теперь проектъ, потопленный королемъ Милапомъ, который дѣйствовалъ, конечно, подъ давленіемъ, всѣмъ извѣстнымъ и понятнымъ, вновь вышлываетъ поверхъ воды. Я веду энергическую переписку по его поводу. Австрійскія земли и даже ново-базарскій санджакъ въ нашемъ проектѣ обойдены совершенно. Это будетъ въ полномъ смыслѣ слова между-славянская дорога: она прорѣжетъ Сербію, почти коснется Болгаріи, пройдетъ Старую Сербію черезъ Искъ, затронетъ Македонію и, у насъ, упрется въ Адриатическое море. Покуда проектъ встрѣчаетъ затрудненія со стороны Турціи. Ей новая линія вообще желательна, но она имѣетъ свой собственный проектъ, выводящій эту желѣзную дорогу — исключительно по турецкимъ землямъ — чрезъ Битолію въ Санъ-Джіованни ди Медуа, на албанское побережье.

Герцеговина и Боснія — не австрійскія области; онѣ лишь взяты Австріею въ опеку впродъ до совершеннолѣтія. Но такъ какъ области эти — преддверіе голубыхъ просторовъ Эгейскаго моря, къ которому издавна несутся австрійскія мечты, такъ какъ онѣ — дивная операціонная база, владѣя которою Австріа не только равносильна съ Россіею на Балканахъ, но — при условіи политическихъ удачъ въ Болгаріи — даже сильнѣе ея, — то опеку ихъ только о томъ и думалъ двадцать лѣтъ, какъ бы прикарманить ввѣренное ему имущество на вѣки вѣчные.

Но, повидимому, онъ горько ошибается въ расчетахъ на безпомощность и малолѣтство своихъ опекаемыхъ. Ихъ презирали, сѣкли, обирали, а они росли-росли, да и выросли и вотъ — уже начинаютъ смѣло поглядывать въ глаза

проворовавшагося опекуна, съ выраженіемъ, ясно пророчащимъ: въ самомъ непродолжительномъ времени мы потребуемъ съ васъ, почтеннѣйшій радѣлецъ нашъ, подробнаго отчета и попробуемъ зажить самостоятельною жизнью, безъ вашихъ помочей, указки и колотушекъ.

Движеніе Кроаціи слиться съ Босніей и Герцеговиною въ единое политическое тѣло законно по условіямъ кроваваго тождества народностей, населяющихъ эти прекрасные края. Если бы ему удалось разростись, оно осуществило бы добрую треть той огромной задачи пансербизма, которою, въ свою очередь, самъ собою разрѣшится великій историческій вопросъ неизбежной, рано или поздно, славянской федераціи съ выходомъ на три моря—Черное, Эгейское и Адриатическое. Кроація съ Босніей и Герцеговиною — огромная территорія, — могла бы стать третьимъ, на Балканахъ, самостоятельнымъ политическимъ тѣломъ сербскаго языка и крови; примкнуть, по основаніи такого политическаго тѣла, къ нему, или къ Черногоріи, или къ королевству Сербіи, стало бы закономъ необходимости для Старой Сербіи, которая, выдѣляясь изъ македонскаго состава, неминуемо должна будетъ слиться съ одною изъ трехъ автономій уже простою силою національнаго тяготѣнія. И вотъ естественный способъ разрѣшенія македонской дилеммы, а македонская дилемма равна девяти десятымъ всей политической загадки о Балканахъ.

Панхорватское движеніе въ этомъ направленіи, поднятое было Штадлеромъ, было особенно важно потому, что оно католическое и творилось съ благословенія папы, не побоявшагося стать изъ-за Штадлера въ весьма обостренныя отношенія съ австрійскимъ правительствомъ. Уже говорено было выше, что опыты католическаго панславизма сопровождалсь руссофильскими манифестаціями. Австрійскія газеты острили, что—кому правятся русскіе, тѣ бы и шли къ русскимъ. Фраза эта не осталась только шуткою, она пошла было и въ жизнь.

Дѣло въ томъ, что режимъ Каллая развилъ широкое эмиграціонное движеніе между боснійскими сербами. Сербы-мусульмане выселяются въ Малую Азію, сербы-православные тянутся въ Сербію, Румынію и потянули было въ Россію. Въ октябрѣ 1900 г. русское правительство нашло себя вынужденнымъ предупредить боснійскихъ сербовъ противъ переселенческаго движенія въ Сибирь, которое начало принимать среди босняковъ размѣры совсѣмъ не шуточные. Въ то же время, оказывается, австрійское правительство поощряло эмиграцію, даже рекомендовало ее. Цѣль понятна. Какъ скоро могучая, плотная масса славянства на Адриатикѣ, съ ея неугасаемымъ стремленіемъ къ самостоятельному существованію, начинаетъ являть слишкомъ опасные симптомы пансербскаго броженія, Австріи на руку— какъ можно скорѣе сбыть изъ края тѣ легко воспламеняемые элементы населенія, которые, помимо національной антипатіи къ нѣмцамъ и мадьярамъ, озлоблены еще тяжелымъ экономическимъ кризисомъ. Словомъ, Австріи очень хотѣлось сплавить за русскій счетъ въ русскую Сибирь своихъ возможныхъ революціонеровъ *in spe*.

Россія уклонилась отъ чести сдѣлать одну изъ областей своихъ мѣстомъ австрійской политической ссылки, замаскированной пменемъ добровольной эмиграціи, и поступила прекрасно. Правда, многіе въ Босніи и Герцеговинѣ были очень разочарованы невозможностью укрыться отъ административнаго и экономическаго гнета швабо-мадьяровъ подъ крыло великаго родственнаго народа; конечно, враждебныя русскому вліянію, злыя силы славянства не преминули воспользоваться русскимъ нежеланіемъ боснійской иммиграціи, какъ доказательствомъ фальшивости нашихъ симпатій къ славянству, какъ уклоненіемъ съ русской стороны отъ прямыхъ нашихъ историческихъ обязанностей. Но, разумѣется, лучше было принять на себя подобныя теоретическія нареканія, чѣмъ, пзбѣгая ихъ, нанести двоякій, существенный вредъ— и самимъ себѣ и Босніи.

Плачевное состояніе нашего собственнаго переселенческаго дѣла, конечно, отнюдь не могло рекомендовать намъ принять на себя отвѣтственность за судьбы иммигрантовъ. Преувеличенное понятіе о сибирскихъ свободныхъ земляхъ умираетъ даже въ глухихъ массахъ русскаго крестьянства; маія переселенчества затихла, переселенцевъ движетъ теперь уже не азартъ къ «новымъ мѣстамъ», а лишь полная необходимость въ нихъ по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ дома «земля умерла». Живою земли въ Сибири далеко не такъ много, какъ принято воображать, глядя на географическую карту азіатской Россіи: при неумѣломъ пользованіи ею и при путаницѣ въ распредѣленіи ея, мы покуда не въ состояніи удовлетворить хорошими участками даже собственныя переселенческія нужды. Иммиграція босняковъ, конечно, пошла бы въ нѣкоторый ущербъ этимъ нуждамъ, но, обидѣвъ нашихъ, осталась бы неудовлетворенною и сама. Южно-русскія колоніи болгарскихъ и сербскихъ поселенцевъ далеко не могутъ похвастаться благоустройствомъ и зажиточностью, хотя было имъ время привиться къ почвѣ и развиться на ней.

Будетъ очень жаль, если Босна опустѣетъ отъ босняковъ. Австро-мадьяры ведутъ сейчасъ по отношенію къ Сербіи Адриатической ту же самую политику, что турки нѣкогда вели въ отношеніи Старой Сербіи, гдѣ завоеватели допустили и даже вызвали сильное эмиграціонное движеніе побѣжденной основной національности затѣмъ, чтобы сейчасъ же заселить опустѣвшія земли арнаутами и укрѣпить въ странѣ новую народность, воинственную и мусульманскую, съ дворянскимъ правомъ земельной собственности. И, дѣйствительно, часть Коссова теперь албанизована, и современныя албанскія автономическія притязанія простираются, опираясь на право давности, даже на Скопле. Точно такія же послѣдствія ожидаютъ и Босну, какъ скоро она разрѣдитъ свое славянское населеніе: швабы и мадьяры займутъ оставшіеся пробѣлы, и дѣло

германизациі и мадьяризаціи полетитъ впередъ гораздо скорѣе, чѣмъ даже поѣзда экспрессовъ по рельсамъ, врывающихся въ сердце Боснии, желѣзныхъ дорогъ. Босния-камъ надо подумать и подумать о своемъ историческомъ будущемъ, прежде чѣмъ бросаться въ ловушку эмиграціи. Уйти съ родины народу легко, но не легко назадъ возвратиться. И прежде всего потому, что—некуда возвратиться. *Qui va à la chasse, perd sa place.* Такъ именно—некуда было бы возвратиться сербамъ Коссова, Приштинны и т. д., иѣкогда оставившимъ дома свои, чтобы принять австрійское покровительство, подданство и земельный надѣлъ за Дунаемъ. Мѣста ихъ заняты и засижены другими.

Націоналистическое движеніе между сербами Адриатики должно серьезно принять во вниманіе эмиграціонную горячку: она рассчитана именно на то, чтобы ослабить силы пансербизма, разрушить организацію его арміи. Политическое и экономическое счастье свое адриатическіе славяне должны искать не въ Сибпри, не въ Канадѣ, не въ китайскомъ Туркестанѣ, куда выпираетъ ихъ нѣмецкій *Drang nach Osten*, но у себя дома, на берегу синяго славянскаго моря, по которому еще Садко, славный гость повгородскій, плавалъ въ славный городъ Веденець.

V.

Есть на свѣтѣ мѣстности, которыхъ нельзя вообразить, не видавъ ихъ въ дѣйствительности, хотя бы ранѣе того вы видѣли и рисунки ихъ и модели. Всѣ картинныя галлерей полны видами Венеціи, —однако, когда вы пріѣзжаете въ Венецію впервые, она поражаетъ васъ совершенно новымъ впечатлѣніемъ, потому что жизнь и строеніе этого города на водѣ оказываются, по оригинальной странности своей, выше всѣхъ представленій и ожданій вашей фанта-

зіи. Вы можете пайти Венецію лучше или хуже, чѣмъ ждали, но—за это ручаюсь—пайдете, навѣрное, не такую, какъ ждали. То же самое испыталъ я въ Цетиньѣ, въ этой, почти не поддающейся описанію, по безпредѣльной простотѣ своей, столицѣ-деревнѣ, съ помѣщикомъ-княземъ, съ помѣщицьею усадьбою-дворцомъ, съ крестьянами-вопнами, богатыми и бѣдными, образованными и полудикими, именующими себя городскимъ населеніемъ.

Вытянутое по стрункѣ въ три широкія улицы одноэтажныхъ и двухъэтажныхъ домовъ, похожихъ одинъ на другой до утомительнаго однообразія, съ одинаковыми красными черепичными кровлями, высокими и островерхими, съ крутыми скатами для снѣга и дождя,—бѣленькое Цетиньѣ, при первомъ взглядѣ на него, вызываетъ недоумѣніе:

— Гдѣ же городъ?

— Да вотъ эти самыя улицы—городъ и есть.

— То-есть, вы хотите сказать: начало города? предметъ, гдѣ расположены лѣтніе лагерные бараки для войскъ?

— Нѣтъ, это весь городъ. Престолиница! Вонъ—дворецъ князя, вонъ—престолонаслѣдника, вонъ—«Бильяръ», арсеналь, театръ...

Вы приглядываетесь по указаннымъ направленіямъ, но рѣшительно ничего не видите, кромѣ бараконъ, бараконъ и бараконъ. Одни бараки выше, другіе ниже, одни маленькіе, другіе уемпстые, но бараки—сплошь. Это—не городъ, не деревня, а военное поселеніе: станъ, гдѣ временно раскинулся каменными палатками полкъ бравыхъ и всегда готовыхъ къ военному походу, богатырей-солдатъ.

Сходство съ лагеремъ увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что на весьма оживленныхъ улицахъ Цетиньѣ вы почти не видите жепщинъ. Разгуливаютъ взадъ и впередъ безпечные великаны, одинъ къ другому на подборъ красавцы, косая сажень въ плечахъ, разряженные точно

для фееріи: черные, зеленые, бѣлые или подсиненнаго сукна казакины, золотые, либо шелкомъ шитые жилеты, красныя куртки, широкій кушакъ, за которымъ торчатъ рукоятки револьверовъ, шаровары съ Черное море и живописнѣйшій изъ плэдовъ—черная «струка», съ предлинною на обѣ стороны бахрамою, на плечахъ. Вооружены всѣ безъ исключенія. Офицеровъ и чиновниковъ среди этого сплошь военнаго народа отличаетъ лишь значокъ на пизенькой черногорской шапочкѣ: двуглавый орелъ и Н. I., т. е. гербъ государства и инициалы князя Николая I. Черногорскій гербъ—тотъ же, что и нашъ русскій, только подъ лапами двуглаваго орла помѣщается еще старый сербскій левъ: два благородные звѣря, съ характерами которыхъ въ историческомъ черногорцѣ такъ много общихъ привлекательныхъ чертъ.

Въ маленькомъ городкѣ, каковъ Цетинье, вѣсти распространяются скоро. Приѣхаль я поздно вечеромъ, а вставъ поутру, нашель уже на площадкѣ предъ гостинницею нѣсколькихъ черногорцевъ, русскихъ воспитанниковъ, которые пришли взглянуть на вновь прибывшаго руса и братски пожать ему руку. Крѣпко жмутъ! кости трещать! Вообще въ Цетинье я то-и-дѣло испытываю почти незнакомое мнѣ удовольствіе смотрѣть на людей не сверху внизъ, а снизу вверхъ: почти всѣ на полголовы, а то и на голову выше меня,—а какъ сложены-то при этомъ! Орлиныя головы на львиномъ туловищѣ!

— Вы къ Софьѣ Петровнѣ? Пожалуйте: ждутъ.

Хорошенькая, свѣженькая, юная пепиньерка вводитъ меня въ сѣрья нѣдра Маріинскаго института—педагогическаго учрежденія, которое еще недавно одинъ высоко-мѣрный австрійскій дипломатъ рекомендовалъ мнѣ, какъ «единственное умное, практическое и прочное дѣло русской политики на славянскомъ Адриатическомъ побережьѣ».

Управляетъ институтомъ Софья Петровна Мертваго — женщина стараго институтскаго воспитанія, «леонтьевская» смолянка. Однако, она рѣшительно ничѣмъ не напоминаетъ тотъ старый романтическій типъ «институтки», которымъ черезчуръ идеальнo восторгались годы сороковые, и надъ которымъ черезчуръ озлобленно издѣвались годы шестидесятые и семидесятые. Крѣпкая, живая, съ быстрыми, внимательными глазами, съ быстрою, складною, истинно русскою рѣчью, полною образныхъ словъ и оборотовъ, Софья Петровна — воплощеніе дѣятельной энергіи, практическаго, прикладнаго здраваго смысла. На рукахъ у нея — учрежденіе, если не огромное по размѣрамъ, то несравненно огромнѣйшее всѣхъ нашихъ институтовъ по труду, какаго оно требуетъ. Въ русскомъ Маріинскомъ институтѣ Цетиньѣ начальницѣ мало быть хорошею педагогичкою, — ей приходится быть и политикомъ-дипломатомъ, и домовитою хозяйкою, и сестрою милосердія, и... чѣмъ только не быть! Средства института крайне ограничены. Изъ 73 ученицъ его интерната двадцать — стипендіатки русскаго правительства, субсидирующаго институтъ, за воспитаніе ихъ, десятью тысячами флоринновъ (7,500 рублей) въ годъ. Остальныя — платныя. Но славянское населеніе Адриатики не слишкомъ богато деньгами и не слишкомъ-то охочетъ жертвовать ими на воспитаніе дѣтей своихъ — особенно дѣвочекъ. Поэтому, чтобы не оттолкнуть родителей высокими требованіями, институтъ не имѣетъ возможности брать съ воспитанницы, на полномъ содержаніи, болѣе 200 флоринновъ въ годъ, т. е. 150 руб. Сумма ничтожная, если сообразить, что даже наши богатые русскіе институты взимаютъ съ интерночекъ своихъ по 200 рублей, и что во многихъ частныхъ женскихъ гимназіяхъ Петербурга, — а съ ними, какъ по ограниченности средствъ, такъ и по скромнымъ размѣрамъ, конечно, удобнѣе сравнивать Маріинскій институтъ въ Цетиньѣ, чѣмъ

съ казенными учрежденіями, — берутъ столько же лишь за право ученія съ приходящихъ.

53 × 200 = 10,600. Итого, весь бюджетъ цетиньскаго института равняется 20,600 флориновъ, т. е. 15,000 рублей. Не жирно! Не разойтись на эти деньги, а — развѣ лишь о томъ денно и нощно думать, какъ бы вывернуться, чтобы свести концы съ концами. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, институтъ не можетъ и помышлять о многочисленномъ преподавательскомъ персоналѣ, и каждая воспитательная сила его должна волею-неволею являться въ своихъ приложеніяхъ весьма разнообразною и разностороннею. Тутъ каждый и каждая, какъ пословица говорить, «и швецъ, и жнецъ, и въ дуду игрецъ». Надо лишь удивляться энергіи и простотѣ, съ какими выносятъ опѣ на плечахъ своихъ всю эту пестроту утомительнаго педагогическаго труда. Главная масса работы, конечно, падаетъ на плечи самой г-жи Мертваго и ея энергической помощницы, Марьи Александровны. Послѣдняя — петербургская уроженка, питомица Маріинской гимназіи. Неутомимое ея сотрудничество съ г-жею Мертваго продолжается уже тринадцатый годъ.

Итакъ, на половину своего скуднаго бюджета институтъ окупаетъ самъ себя. Что же приобретаетъ Россія за вторую половину бюджета, которую она погашаетъ своею субсидіею? Какъ ни трудно, какъ ни невозможно, казалось бы, закупить на грошъ пятаконъ, — однако, въ данномъ случаѣ мы покупаемъ, и даже — не пятаконъ, а рублей. Если вся Черногорія — сплошной оплотъ, наглядное и внушительное знаменіе русскаго вліянія на Адриатику, то женскій институтъ въ Цетинье — наиболѣе характерный и явственный символъ-показатель этого вліянія. Лишь половина воспитанницъ института принадлежитъ Черногоріи. Остальныя — далматинки, словенки, боснячки, герцеговинки. Здѣсь собирается молодое поколѣніе тѣхъ адриатическихъ семействъ, что вѣруютъ въ Россію, — растутъ и

крѣпнуть будущія піонерки русскаго общенія съ юго-западнымъ славянствомъ. Здѣсь черногорка, далматинка, словенка, герцеговинка, боснячка опытомъ и товариществомъ познають, что всѣ онѣ—сестры во славянствѣ, способны и должны жить общею дружною семьею; привыкають и къ той мысли, что сила, способная сложить и осуществить такую единую всеславянскую семью, можетъ быть свойственна только Россіи, отъ которой получаютъ онѣ, безъ различія племенъ, общее образованіе и воспитаніе.

Враги цѣнятъ успѣхи наши всегда лучше, чѣмъ мы сами. У австрійцевъ—въ особенности, у Каллая—институтъ цетинскій бѣльмо на глазу. Тысячи препятствій ставятся боснякамъ и герцеговинцамъ, желающимъ отдать своихъ дочерей въ русскій институтъ. Въ 1900 году одинъ герцеговинецъ, когда задумалъ отвезти племянницъ своихъ въ Цетинье, пришелъ въ полное отчаяніе, сперва отъ правительственныхъ увѣщаній раскаяться и помѣститъ дѣвочекъ въ австрійскій пансіонъ, затѣмъ—отъ проволокъ съ выдачею паспорта. Наконецъ, онъ просто бѣжалъ съ одною изъ племянницъ, сдалъ ее на руки г-жѣ Мертваго, а по возвращеніи на австрійскую территорію (понимай: оккупационную) былъ немедленно схваченъ и отправленъ въ тюрьму. Православное и руссофильское вліяніе института, какъ опасную для Австріи силу, давно понялъ и взвѣсплъ бывшій австрійскій консулъ въ Цетинье, г. Кучинскій. По его докладу, вѣнское правительство, озабоченное противодѣйствиємъ растущему значенію института, уже рѣшило создать подобное же учрежденіе, но, разумѣется, на католическихъ началахъ. въ Зарѣ.

— Это будетъ грозный врагъ,—говорила мнѣ С. П. Мертваго,—потому что австрійцы, конечно, не пожалѣютъ денегъ, чтобы поставить свой институтъ блестяще, на самую широкую ногу, и мнѣ, съ моими 20,000 флоринновъ, за ними не угнаться. Но я такъ глубоко увѣрена въ любви здѣшнихъ славянъ къ Россіи, въ обаяніи ихъ рус-

скупъ пменемъ, что не боюсь грозы пзь Зары. Впрочемъ, вѣриѣ сказать: не побоялась бы, будь у меня хоть нѣсколько больше свободы дѣйствія, а то безденежье намъ руки вяжетъ. Нечего и говорить, что каждый отказъ принять воспитанницу въ институтъ — ударъ по русскому престижу. Между тѣмъ, мы принуждены безпрестанно отказывать. Наше помѣщеніе слишкомъ старо, тѣсно; мы и безъ того въ немъ — какъ пчелы въ ульѣ. Вы увидите дортуары: размѣстить въ нихъ 73 кровати было очень трудною геометрическою задачею: можно премію назначить тому, кто ухитрится втиснуть еще хоть одну. Слѣдовательно, если мы не расширимъ помѣщенія, институтъ долженъ замереть въ томъ состояніи, какъ есть онъ теперь, долженъ остановиться въ ростѣ. А это будетъ явленіемъ не только прискорбнымъ, — преступнымъ противъ русскаго дѣла здѣсь, въ Черногоріи, въ Сербіи, въ Далмаціи. Мы столько сѣмянъ бросили въ мѣстную славянскую почву! столько связей заключили! во столько семействъ проникли!

— А большіе милліоны нужны вамъ, чтобы поправить дѣла института? — спросилъ я.

— Какіе тамъ милліоны! Мы были бы довольнехоньки, если бы къ субсидіи, получаемой институтомъ, Россія прибавила 3,000 флоринновъ, да ссудила тысячъ пятнадцать-двадцать флоринновъ одновременно на ремонтъ и расширение зданія.

Мы отправились осматривать институтъ. Въ самомъ дѣлѣ, — какъ въ Москвѣ говорятъ, — «кругъ себя обернутья негдѣ». Хорошо, что дортуары высоки, воздуху въ нихъ много, — значитъ, все-таки есть чѣмъ дышать ихъ дѣвическому населенію, хотя и скучено оно до невозможности. Но тѣснота и неуютность, вслѣдствіе тѣсноты, церкви производятъ крайне печальное впечатлѣніе. Стѣны въ церкви не выкрашены, и плѣсень пустила по нимъ свои раз-

рушительные узоры. Бѣдно и первобытно! Только чисто вездѣ до удивленія.

— Вся эта чистота дѣлается руками воспитанницъ, — объяснила С. П. Мертваго. — Мы слишкомъ бѣдны, чтобы держать много прислуги. Дортуары убираются самими институтками. Каждая изъ нихъ должна сама встряхнуть и привести въ порядокъ свою постель: заботиться о томъ за нее другимъ некогда. Помимо того, что такой трудъ приготавливаетъ ихъ къ домоводству въ будущемъ, когда онѣ вернутся въ первобытныя хозяйства своихъ отцовъ, я нахожу, что дѣвочки извлекаютъ изъ него и сейчасъ уже осязательную практическую пользу. Вѣдь домашняя уборка — отличная гимнастика. Посмотрите-ка на нихъ съ утра, — послѣ уборки постелей, — какія онѣ всѣ розовыя, возбужденныя.

Курсъ хозяйства, домоводства, рукодѣлій и т. д. — примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ — проходится въ цетиньскомъ институтѣ въ гораздо широчайшихъ размѣрахъ, чѣмъ принято нашими женскими учебными заведеніями. Воспитанницъ строго экзаменуютъ по этой части въ стѣнахъ школы, потому что, какъ указали мнѣ г-жа Мертваго и ея помощница, за стѣнами института, по окончаніи курса, бѣдняжкамъ придется выдержать другой — семейный, еще серьезнѣйшій экзамень.

— Вѣдь, съ мѣстной точки зрѣнія, житейская практичность, семейственная и хозяйственная порядочность, которыя институтъ даетъ своимъ воспитанницамъ, — главныя его заслуги. На почвѣ ихъ и помирился съ нами черногорцы, ими и заслужили мы всеобщее довѣріе и вошли въ почетъ, добились того, что насъ стали признавать.

— А, стало быть, было время, когда и не признавали?

— Еще бы! Критическій духъ силенъ у всѣхъ славянъ, а у южныхъ въ особенности. Пріѣхавъ въ Цетинье тринадцать лѣтъ тому назадъ, я застала институтъ въ состояніи полного упадка. Средствъ никакихъ: чернилъ и перьевъ

не на что было купить. Домъ—полуразвалина. Довѣрія къ учрежденію ни малѣйшаго: изъ двадцати стипендій три были не заняты,—не находилось охотниковъ даромъ отдавать дѣвочекъ въ русскія руки. Мнѣ удалось выхлопотать въ Петербургѣ удвоеніе субсидіи: раньше институтъ получалъ всего 5000 флоринновъ. А затѣмъ закипѣла борьба съ мѣстными условіями. Работать пришлось, не покладая рукъ. Я совершила нѣсколько путешествій по славянскимъ землямъ, знакомилась съ тѣмъ, съ другимъ, съ третьимъ. Приходилось глотать много непріятностей. Люди западнаго воспитанія внушали презрѣніе къ намъ: какая ужъ школа для насъ можетъ быть у русскихъ! они сами для себя хорошей школы завести не могутъ. Сколько краснорѣчія, бывало, потратишь, уговаривая: да вы попробуйте! попытка вѣдь—не пытка! Тѣмъ не менѣе, изъ путешествій моихъ я возвращалась, какъ насѣдка, окруженная цыплятами,—всегда привозила нѣсколько дѣвочекъ-новобранокъ. И вотъ—какъ посравню я мысленно это тяжелое прошедшее время, когда надо было умолять: учите вашихъ дѣвочекъ въ нашей школѣ!—съ настоящимъ, когда наша скромная канцелярія переполнена прошеніями, которыхъ мы не въ силахъ удовлетворить: мѣста нѣту!—то, право же, имѣю я основаніе думать, что мы съ Марьей Александровной и честно поработали для института, и добились кое-какихъ благихъ результатовъ.

У института и теперь есть недоброжелатели между славянами же. Вы услышите жалобы, что институтъ представляетъ собою слишкомъ строго закрытое учебное заведеніе, что дисциплина въ немъ тяжела, что мы слишкомъ взыскательны къ провинностямъ дѣвочекъ, наконецъ, самая главная наша вина, что мы рѣдко допускаемъ родителей къ свиданіямъ съ дѣтьми и еще неохотнѣе отпускаемъ ихъ на праздники домой. Послѣ того, какъ я познакомила васъ съ матеріальными средствами института, вы легко можете понять, что каждый день, проведенный инсти-

туткою ви́сь стѣнь заведенія, на иждивеніи родителей, — только выгодеиъ нашей кассѣ, сберегаеиъ намъ средства. Если бы мы преслѣдовали цѣли экономическаго самоохраненія, а не педагогической пользы, намъ слѣдовало бы баловать своихъ дѣвочекъ долгими праздниками, легкими отпусками и т. д. Но, кто знаетъ, кто изучилъ мѣстное общество, его характеръ, взгляды, настроеніе, — тотъ пойметъ, что, съ воспитательной точки зрѣнія, такія льготы немыслимы. Онѣ превратили бы наше дѣло въ полотно Пенелопы: наше завтра вѣчно распускало бы ткань, которую соткало наше сегодня. Вѣдь здѣсь — не Россія, не одно, твердо установившееся, привилегированное сословіе, изъ среды котораго пополяются русскіе институты. У насъ — амальгама; составляя ее, надо считаться и съ національными особенностями, и съ сословными, и съ разницею въ состояніяхъ, и съ безконечно разнообразными ступенями образованности въ средѣ, откуда мы беремъ своихъ дѣвочекъ. У насъ есть дѣвушки изъ родовъ и семей, кровно враждующихъ между собою, есть дочери властныхъ богачей и людей бѣдныхъ, прииженныхъ, есть дочери господъ съ высшимъ университетскимъ или академическимъ образованіемъ и дочери полудикарей. Кровь южная — горячая, головки — упрямыя, настроеніе ума — острое, критическое. Отправляясь изъ института домой, дѣвочки критикуютъ свой домашній строй, съ точекъ зрѣнія, выработанныхъ въ институтѣ, и — недовольны. Возвращаясь изъ дома въ институтъ, онѣ критикуютъ его порядки, съ точекъ зрѣнія домашней свободы, и — опять недовольны. Первые мѣсяцы послѣ лѣтнихъ каникулъ для насъ самые мучительные: дѣвочки выбиваются за лѣто изъ привычной колеи, стаповятся своевольны, приходится спорить съ ними изъ-за всякой мелочи институтскаго порядка, бороться за дисциплину день и ночь, наказывать, поижать баллы за поведеніе. Дикій просторъ горнаго поморья и стѣны европейскаго института — начала, мало способныя помогать другъ другу. Прежде свиданія

съ родными допускались гораздо чаще. Но учение при этомъ шло очень дурно, возможность передавать роднымъ каждую подробность своей институтской жизни худо отзывалась на дисциплинѣ, — мы то и дѣло нарывались на фразы: а отецъ говорить не такъ, какъ вы! а мать говорить, что это пустяки! и т. д. Что же получалось? Семья парализовала работу школы, а школѣ приходилось, разбивая родительскія потворства и предрасудки, уничтожать авторитетъ семьи. Въ концѣ концовъ, дѣвочка становилась — ни ихъ, ни наша, полная недовѣрія и неуваженія и къ семьѣ, и къ школѣ, взаимно одна другую подрывающимъ.

Я лично сторонница открытыхъ учебныхъ заведеній. Но — если заведеніе открытое, такъ пусть ужъ будетъ вполне открытое, а не какой-то межеумокъ, полунинтернатъ, принципиально закрытый, но съ практическими послабленіями создающими надъ воспитательницами невыносимый, парализующій, энергію контроль тысячи родственниковъ, разномыслящихъ, разночувствующихъ, разнаго желающихъ. Это — не воспитаніе, это — пляска по дудкѣ самыхъ пестрыхъ потворствъ и сантиментальныхъ безхарактерностей, вѣчный пристрастный экзаменъ вашъ, за безпрестаннымъ держаніемъ котораго вамъ некогда ни учить, ни воспитывать. Если родители отдали дочь въ закрытое учебное заведеніе, то, по моему мнѣнію, они должны довѣриться ему на воспитательный срокъ всецѣло. Потому что закрытое учебное заведеніе есть завѣдомая непреложная система, и, вручая намъ свою дочь, родитель долженъ сознавать, что въ обработкѣ характера и умственныхъ способностей дочери по этой системѣ и заключается воспитаніе. Содѣйствіе системѣ позволить ей оправдать себя, приведетъ къ хорошимъ воспитательнымъ результатамъ. Критическое вмѣшательство въ систему прежде всего снимаетъ съ нея отвѣтственность за удачу воспитанія, а затѣмъ — плохой оно залогъ такой удачи!

Оставляя въ сторонѣ педагогическіе взгляды г-жи Мертваго, я еще разъ хочу подчеркнуть важное политическое значеніе дѣла, которое она дѣлаетъ, и которое, по моему глубокому убѣжденію, должно бы дѣлаться нами во всемъ южномъ славянствѣ, разъ мы настаиваемъ на роли его опекуновъ и покровителей.

Цетинье—единственное мѣсто, гдѣ развивается русское воспитаніе на славянской почвѣ. Между тѣмъ, сколько встрѣчалъ я въ славянствѣ людей, находилъ мѣсть, жаждущихъ русской науки, русскаго образованія, русскаго воспитанія. Вотъ, напримѣръ, софійское «Женское русское общество взаимной помощи въ Болгаріи». Его составили русскія дамы, замужемъ за болгарамъ, — такъ сказать, Елены, нашедшія своихъ Инсаровыхъ и послѣдовавшія за ними на ихъ милую, но нѣсколько диковатую родину. Цѣль общества опредѣляется въ уставѣ его—1) сближеніемъ всѣхъ русскихъ, находящихся въ Болгаріи, 2) оказываніемъ, какъ матеріальной, такъ и нравственной поддержки и помощи русскимъ, находящимся или прибывающимъ въ Болгарію. Къ этимъ задачамъ, прекраснымъ по существу, но, можетъ быть, нѣсколько слишкомъ теоретическимъ и неопредѣленнымъ, прибавилась еще одна — уже вполне практическая, полная глубокаго, всеславянскаго значенія. Это—созданіе въ Софіи, какъ центрѣ Болгаріи, русскаго учебнаго заведенія, подобнаго тѣмъ, что завели уже для себя здѣсь лютеранская и католическая колоніи. Русскія дамы, ставъ женами болгаръ, ни сами не утратили своей природной національности и культуры, ни желаютъ, чтобы теряли ее ихъ дѣти,—чтобы они забывали языкъ своихъ матерей, русскія симпатіи, русскій складъ души и мысли. Между тѣмъ, строй болгарскихъ учебныхъ заведеній такъ жалокъ и безобразенъ, что ребенокъ, вступивъ въ любое изъ нихъ, весьма скоро лишается не только русскаго, но и всякаго склада ума и мысли. Болгарскія гимназій — это лабораторіи невѣжества, поверхности, индифферентизма ко

всему, кромѣ всепожирающаго эгоистическаго политиканства, будущія арміи котораго онѣ готовятъ, поколѣніе за поколѣніемъ, съ энергіею, достойною лучшей участи. О нравственности дѣтей въ болгарскихъ учебныхъ заведеніяхъ тоже ходятъ не слишкомъ лестные слухи, и—что всего печальнѣе—весьма невысокій культурный уровень преподавательскаго состава и виѣдренныя пятисотлѣтнимъ рабствомъ правла и привычки мусульманскаго Востока дѣлаютъ крайне затруднительною борьбу съ злоупотребленіями такого сорта. Здѣсь воспитатель смотритъ снисходительно, почти съ извиненіемъ, на многія половыя безобразія, за которыя въ любой русской или нѣмецкой гимназіи ученикъ былъ бы исключенъ съ волчьимъ паспортомъ. Я не написалъ бы этихъ строкъ, если бы получилъ матеріалъ для нихъ только отъ русскихъ или, вообще, отъ иностранцевъ. Но сами болгары интеллигентныхъ слоевъ общества почти поголовно жаловались мнѣ на невозможное состояніе своихъ среднихъ учебныхъ заведеній: дѣти,—говорятъ они,—ничего не узнаютъ, а только развращаются. Результатомъ откровеннаго недовѣрія къ отечественной учебной системѣ является переполненіе болгарскими дѣтьми училищъ французскихъ, нѣмецкихъ и американскихъ, имѣющихся въ Болгаріи, благодаря энергіи католической и методистской пропаганды, уже въ достаточно значительномъ количествѣ. Однако, религіозное чувство болгаръ—прежде всего націоналистовъ и искони твердыхъ въ обрядѣ ортодоксовъ—протестуетъ противъ отдачи молодого поколѣнія въ руки католическихъ патеровъ и протестантскихъ миссіонеровъ, и множество отцовъ, которые душевно бы рады были отдать свои дѣтища въ училища европейскаго типа, не отдають ихъ только потому, что тамъ учать Закону Божьему не по православному катехизису. Естественно, что, по той же самой причинѣ, не мѣсто тамъ и дѣтямъ русскихъ матерей, и неудобно, чтобы послѣднія были вынуждены,

faute de mieux, вручать свое православное потомство папистамъ и методистамъ,

Покуда онѣ обходятъ это неудобство тѣмъ, что отсылаютъ дѣтей воспитываться въ Россію. Но нечего и говорить, какъ тяжелы нравственно подобнымъ воспитательныя пилигримства и для родителей, и для дѣтей, какъ унылы эти долговременныя разлуки и полны заочныхъ тревогъ и безпокойствъ, тяжкихъ и для старыхъ, и для малыхъ; многимъ же посланки дѣтей въ Россію непосильны и матеріально. Между тѣмъ,—подумать только, что въ одной Софіи есть 32 интеллигентныхъ семейства, съ русскими *matres familias!* Вѣдь это уже — готовый контингентъ поколѣній—учащихся, имѣющихъ учиться и имѣющихъ родиться, чтобы потомъ учиться. Это—русское сѣмя на болгарской почвѣ, это—зерно братства всеславянскаго, брошенное Россіею на болгарскія пивы. И неужели погибать этому зерну на каменистомъ и бесплодномъ грунтѣ черезчуръ наивныхъ и первобытныхъ болгарскихъ школъ? Неужели русскіе допустятъ, чтобы слабые всходы пропали, заглушенные широкими пивами иноземныхъ, безъ исключенія враждебныхъ Россіи, воспитательныхъ системъ?

Католическія (5) и французское (1) среднія училища въ Болгаріи поддерживаются на счетъ католической миссіи, субсидированной французскимъ правительствомъ; американскія (3)—миссіею методистовъ, имѣющихъ въ Самоковѣ протестантскую духовную семинарію. Также субсидируются и многочисленныя первоначальныя училища англійскія, нѣмецкія, французскія etc. Alliance israélite спеціально воспитываетъ во Франціи евреевъ-педагоговъ, съ цѣлью распространенія затѣмъ—черезъ еврейскія училища—французскаго языка въ славянскихъ земляхъ. Поэтому, въ Болгаріи, напр., вы повсюду встрѣчаете евреевъ,—даже носильщиковъ и офеней,—владѣющихъ французскою рѣчью. И только о русскомъ языкѣ никто ничего не думаетъ, только для русскаго языка никто ничего не дѣлаетъ. Даже въ со-

фійскомъ университетѣ не преподается русскій языкъ, — и академическое постановленіе о томъ, отъ 1896 года, остается до сихъ поръ мертвою буквою. А, между тѣмъ, болгарское студенчество, пользуясь близостью двухъ языковъ, привыкло руководиться русскими учебниками, справочниками, русскою научною литературою. Въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ до сихъ поръ всѣ пособія — русскія. Когда профессоръ Милюковъ по-русски читалъ лекціи въ «Великой школѣ», слушать его сходились толпы болгаръ и даже болгарокъ. Вообще, если русскому достаточно мѣсяца, чтобы, прислушавшись, хорошо понимать и уже самому, съ грѣхомъ пополамъ, владѣть болгарскою рѣчью, то болгарину, при добромъ желаніи, надо и того меньше, чтобы усвоить русскій языкъ. Разница въ скорости усвоенія зависитъ тутъ не отъ лингвистическихъ способностей того и другого народа, но отъ непривычки русскихъ къ употребленію опредѣленнаго члена, который, вдобавокъ, въ болгарскомъ языкѣ пренеудобно ставится не впереди, но сзади слова. Затрудняютъ иностранца также юсы и ъ — носовые гласные звуки, не имѣющіе себѣ подобныхъ во всей современной европейской фонетикѣ.

Въ гимназіяхъ болгарскихъ русскій языкъ, послѣ паденія Стамбулова, преподается, но очень дурно. Учителя, по большей части, сами знаютъ русскій языкъ лишь теоретически и говорятъ по-русски столь правильно и красиво, что даже одесское «тудою-сюдою», въ сравненіи съ болгаро-русскимъ учебнымъ краснорѣчіемъ, есть уже перлъ изящества. Вообще, школьное преподаваніе содѣйствовало распространенію русскаго языка среди болгаръ такъ же мало, какъ среди насъ, русскихъ, лишь самый ничтожный процентъ выносить изъ гимназій сколько-нибудь дѣльные знанія по «необязательнымъ» языкамъ — нѣмецкому и французскому. Рѣдкому русскому гимназисту двойка у француза или нѣмца мѣшаетъ перейти изъ класса въ классъ; ту же участь имѣютъ въ болгарскихъ гимназіяхъ колы и

двойки «изъ русскаго». Дѣтямъ—покуда они дѣти — конечно, возможность превращать ученіе въ баловство весьма пріятна, но съ годами приходитъ раскаяніе, и, въ поздней потребности необходимаго чужого языка, болгары такъ же проклипають своихъ quasi-русскихъ наставниковъ, какъ мы—разныхъ Тимофеевъ Анѣиногеновичей и Карловъ Оедоровичей, почему-то бравшихся обучать насъ языкамъ французскому и нѣмецкому.

Насущная необходимость для болгаръ хотя бы только литературнаго знакомства съ русскимъ языкомъ, равно какъ и православное преподаваніе Закона Божьяго открываютъ проекту софійскихъ дамъ о русскомъ училищѣ въ Болгаріи большія подспорья и перспективы. Многіе интеллигентныя болгары говорили мнѣ, что, будь въ Софіи русское училище,—они бы, не разсуждая, отослали въ него своихъ дѣтей. Такъ что будущая русская школа можетъ имѣть опору не только мѣстную русскую и полурусскую колонию, но и не малую долю кореннаго населенія. Нельзя же не согласиться,—даже разсуждая а priori,—что страна, воздвигающая всенародные памятники русскимъ подвигамъ, способна представить собою богатое поле для русскаго культурнаго воздѣйствія. И, были бы лишь охота, энергія и умѣнье воздѣлывать поле, а урожай и жатва будутъ.

— Сколько же надо вамъ, чтобы осуществить ваше предпріятіе?—спрашивалъ я дамъ-иниціаторшъ.

Оказалось: совсѣмъ пустяки,—онѣ обошлись бы пятью тысячами франковъ ежегодной субсидіи.

— Почему же вы не обратитесь къ русскому правительству? Сумма ничтожна, и—если затратою ея можно поставить на ноги такое глубоко симпатичное дѣло, то, понятно, вы не встрѣтите отказа.

— Мы не знаемъ, какъ и чрезъ кого обратиться. Г. Бахметьевъ выразилъ намъ глубокое сочувствіе, но мы и сами понимаемъ, что хлопотать ему за насъ неудобно: вѣдь мы, хотя и русскія родомъ, но болгарскія подданныя.

Вмѣшательство въ наше предпріятіе русскаго дипломатическаго агента сейчасъ же будетъ истолковано нашими политиканами въ самую дурную сторону. Закричатъ о руссофильской пропагандѣ, о руссификаціи болгарской молодежи... А, право, мы ничего такого не хотимъ. Мы желаемъ только, чтобы дѣти наши росли грамотными и нравственными. Желаемъ, чтобы они не уѣзжали за тридевять земель отъ родительскаго надзора. Желаемъ, чтобы они, будучи болгарами по отцамъ, не теряли духовной связи съ Россіей, откуда родомъ мы, ихъ матери, и гдѣ стали культурными людьми сами отцы ихъ. Всякая политика намъ совершенно чужда и ненужна, — скажемъ больше: мы бы не хотѣли, чтобы даже хоть тѣнь политиканскихъ пересудовъ падала на наше дѣло и сквернила его святую задачу.

Самое лучшее для прекраснаго предпріятія софійскихъ русачекъ было бы — начаться собственными средствами, потому что затѣмъ несомнѣнные благіе результаты покажутъ его пользу русскому обществу, и — «не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ»: власть ли правительственная, частная ли благотворительность не оставятъ безъ поддержки честный и благой починъ нашихъ задунайскихъ землячекъ.

— Только бы начать дѣло, — говорятъ онѣ, — а вырасти у него — всѣ шансы. Къ намъ не только изъ провинціи повезутъ дѣтей — изъ Сербіи, Македоніи, Адрианопольскаго вилайета. Потому что довѣріе къ русскимъ начинаніямъ всюду громадное, — но только, къ сожалѣнію, русскіе-то здѣсь ничего не начинаютъ!

VI.

Оглядываясь на свое пребываніе въ столицѣ Черногоріи, я не могу не повторить съ глубокимъ убѣжденіемъ тѣхъ словъ австрійскаго полковника, что слышалъ я въ Спалато:

— Если бы Россія понимала, какое огромное значе-

ніе въславянствѣ имѣеть для нея Черногорія, она тратила бы въдесятеро, — что въдесятеро! — во сто разъ больше на ея поддержку и развитіе.

Ель сожалѣнію, когда у насъ въ Петербургѣ говорятъ: Россія тратитъ столько-то на поддержку своего вліянія въ такомъ-то государствѣ, у такого-то народа, — это почти всегда значитъ, что Россія тратитъ столько-то и столько-то на пенсіи, подачки, подарки, субсидіи такимъ-то и такимъ-то виднымъ представителямъ такого-то и такого-то государства, такого-то и такого-то народа. Видные представители подарки и подачки берутъ охотно, весьма часто просятъ прибавокъ, — если имъ отказываютъ, они идутъ искать субсидій къ другимъ правительствамъ, изъ руссофиловъ за извѣстную мзду очень охотно превращаются въ руссофобовъ и т. д., и т. д. Такъ обстоитъ дѣло нашего вліянія на Востокѣ Балканскаго полуострова, въ автономіяхъ котораго мы всегда имѣли слабость довѣрять той или другой части ихъ интеллигенціи, не считаясь непосредственно съ лучшимъ нашимъ въ нихъ пріятелемъ — съ народомъ.

Иначе обстоитъ дѣло въ Черногоріи. Здѣсь намъ не нужно покупать «лица»: они — наши по духу, по симпатіямъ, по традиціямъ, по исторіи; наши, — какъ весь, породившій ихъ народъ. Но пора намъ показать народу этому, что Россія, въ которую онъ вѣруеть, какъ въ божественный, отвлеченный символъ благодѣтельной силы, дѣйствительно такова для него. Что съ именемъ ея въ славянство вторгаются не только маршевые звуки «Громъ побѣды раздавайся!» — но и культурныя начала, которыя необходимы южному славянству, которыхъ жаждетъ оно, какъ весенняя нива дождя — потому-что знаетъ: безъ нихъ ему — смерть, оно завянетъ, задохнется...

У насъ, русскихъ, есть прескверная черта, о которой мнѣ не разъ приходилось говорить, когда я писалъ о славянскихъ нашихъ отношеніяхъ, потому что въ отношеніяхъ этихъ она сказывается съ особенно непріятною и вредною

намъ назойливостью: мы очень любимъ благотворить, но еще болѣе обожаемъ, чтобы насъ за благотворенія наши благодарили.

И благодарили не разъ, не два, не три, но—цѣлые годы, всю жизнь, отнынѣ и до вѣка. Въ требованіяхъ благодарности мы не считаемся ни съ давностью, ни съ ходомъ исторіи, ни съ развитіемъ облагодѣтельствованныхъ народовъ. У насъ остается въ памяти лишь тотъ моментъ, когда мы ихъ облагодѣтельствовали, и за который они обязаны питать къ намъ признательность по гробъ своей государственности... Что такого рода требованія суть нравственные кандалы для всякаго живого политическаго организма, само собою понятно. Что всякій живой политической организмъ, исполнивъ потребность, долгу и желаніе благодарить своего благодѣтеля разъ, два, три, затѣмъ начинаетъ тяготиться обязанностью признательности, а затѣмъ принимается недоброжелательно критиковать и самыя причины къ ней,—неизбѣжное и естественное зло. Люди—вездѣ и всегда люди, и бессмысленно требовать отъ нихъ—дурныхъ или прекрасныхъ безразлично—больше хорошихъ чувствъ и проявленій, чѣмъ въ состояніи выдѣлнить человѣческая природа.

На чаяніяхъ этой—и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ—благодарности мы едва-едва не проиграли своего дѣла и въ Сербіи, и въ Болгаріи, которыхъ сами же поставили въ условія быстрого политическаго развитія, далеко умчавшаго ихъ отъ положенія и обстоятельствъ, въ какихъ застали ихъ наши благодѣянія, и въ какихъ послѣднія были, дѣйствительно, полезны имъ и благодѣтельны. Мы пролили за славянскую свободу кровь русскую, — и это былъ прекрасный, благородный, великодушный подвигъ. Нѣтъ славянъ, не признающихъ его величія, не благодарныхъ за него Россіи. Свободу мы дали имъ въ размѣрахъ, гораздо большихъ, чѣмъ сами ее имѣли. Однако, десятки разъ, когда болгары желали пользоваться своею свободою въ тѣхъ размѣрахъ,

какъ мы имъ ее дали, мы очень изумлялись, надували губы и объявляли ихъ неблагодарными. И такъ имъ этою тактикою надоѣли, такъ ихъ утомили, что въ одинъ прекрасный день они вышли изъ терпѣнія. Рѣшили: пу, считаютъ насъ неблагодарными, — такъ и будемъ неблагодарными, да зато сами по себѣ! И, политикою покойнаго Степана Стамбулова, весьма ловко и смѣло выжили насъ изъ Болгаріи. Намъ пужно было десять лѣтъ, чтобы въ нее вернуться, — а ужъ какъ было бы печально, если бы пришлось уйти опять.

Но, коря страну съ растущею культурою неблагодарностью за старую хлѣбъ-соль, мы въ той же самой Болгаріи не дѣлали рѣшительно ничего, чтобы подновлять впечатлѣнія своего великодушія, столь сильно поразившія ее двадцать пять лѣтъ назадъ. Ей уже давно не нужно съ нашей стороны военныхъ жертвъ, но ей нужна культурная помощь. Оказали ли мы ее Болгаріи? По совѣсти надо признаться: нѣтъ. До такой степени нѣтъ, что и то русское вліяніе, которое такъ сильно чувствуется въ болгарской образованности, пришло къ болгарамъ помимо насъ, они сами его у насъ взяли, по инстинкту необходимости. Мы не дали Болгаріи (исключая оккупационное время) ни своихъ медиковъ, ни своихъ инженеровъ, ни своихъ банковъ, ни своихъ профессоровъ. Этихъ послѣднихъ они вывозили отъ насъ чуть не контрабандою, и были случаи, что мы же сами выживали изъ Болгаріи русскихъ профессоровъ.

Итакъ, мы дали Болгаріи широкія потребности въ культурѣ, а культуры не дали. А, когда, повинувшись голосу потребностей, она пробовала устроить свою культуру помимо насъ, шла занять ее у другихъ европейцевъ, мы обижались, начинали попрекать болгаръ неблагодарностью. Наставивъ болгарамъ цѣлый рядъ соблазнительныхъ свѣтлыхъ точекъ впереди, мы гиѣвались на нихъ за то, что, стремясь къ этимъ яркимъ приманкамъ, они мало оглядываются на вѣху освобожденія, оставшуюся далеко позади. Повторяю:

послѣ всѣхъ самолюбивыхъ капризовъ и безтактностей, какія мы творили въ освобожденной Болгаріи до 1896 г., — не тому удивляться надо, что въ ней есть руссофобы, а тому, какъ еще главная масса народная и лучшая часть интеллигенціи сохранили въ себѣ рѣшимость вѣрить въ Россію, любить ее и надѣяться на нее. Это—всецѣло заслуга болгарь. Мы въ этой своей удачѣ рѣшительно не при чемъ. Это намъ Богъ на шапку послалъ.

Я былъ въ Болгаріи три раза, даже четыре, если считать коротенькое послѣднее пребываніе въ Софіи, видѣлъ и знаю всѣ ея партіи, знакомъ съ огромнымъ большинствомъ ея государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. И я утверждаю, что, если бы мы тѣ средства, что истрачены на поддержку разныхъ якобы руссофильскихъ рептилій, тѣ усилія, что были расточены въ лавировкѣ между разными «истами» и «овцами», употребили для мирнаго культурнаго воздѣйствія на общество, — въ Болгаріи не было бы никакихъ руссофобовъ, и вся она сплошь говорила бы русскимъ языкомъ почти въ такой же мѣрѣ, какъ своимъ роднымъ, и не страшны были бы намъ ни нѣмецкая промышленно-завоевательная, ни австро-католическая пропаганда.

На деньги, которыя Россія истратила въ Болгаріи для того, чтобы поддерживать вліяніе какого-нибудь казеннаго руссофила или даже цѣлой казенно-руссфильской партіи, мы могли бы открыть въ Софіи, Руссукѣ, Варнѣ, Филиппополѣ, Гавровѣ, Сливнѣ, Шумлѣ учебныя заведенія, съ русскимъ языкомъ, съ русскими преподавателями, — какъ дѣлаютъ это австрійцы, нѣмцы, французы, израэлиты, англичане, даже американцы: всѣ, — только не мы. Всѣ культуры завоевываютъ эти бѣдныя балканскія народности, — одни мы воображаемъ ихъ уже завоеванными и непоколебимо нравственно принадлежащими намъ въ силу освободительной вѣхи, поставленной двадцать пять лѣтъ назадъ. И это не въ одной Болгаріи такъ, но всюду подъ Балканами. Наша политика всегда была — приобрѣтать лица и партіи.

А куда и практичнѣе, да даже и дешевле было бы приобрести общество и народъ.

Зрѣлище Маріинскаго института въ Цетиньѣ особенно крѣпко утвердило меня въ только-что высказанныхъ мысляхъ. Вѣдь не Богъ вѣсть, что такое этотъ институтъ, въ концѣ-концовъ. Не боги въ немъ горшки обжигаютъ, а обыкновенныя смертныя. И обходится трудъ ихъ Россіи до смѣшного дешево. То, что мы тратимъ на институтъ, гдѣ воспитываются 70 несомнѣнныхъ будущихъ руссофилокъ, пропагандистокъ русскаго имени и влѣянія въ родныхъ и въ будущихъ своихъ семьяхъ, — въ Болгаріи и въ Сербіи годами получали разныя сомнительныя имяреки, коихъ мы субсидировали годами въ ожиданіи... чего? Да только того, что вотъ — придуть они къ власти, станутъ министрами и будутъ грабить уже не русскую казну, а болгарскую, и станутъ строить дома, «да правятъ кыштата». Ибо до сихъ поръ болѣе дѣльныхъ и полезныхъ Россіи результатовъ мы отъ ея политическихъ стипендіатовъ въ славянскихъ земляхъ не видали. И, если бы мы зачеркнули всѣ свои политическія стипендіи, а вмѣсто нихъ учредили бы стипендіи образовательныя: устроили бы нѣсколько славянорусскихъ гимназій, открыли бы въ славянскихъ центрахъ нѣсколько русскихъ книжныхъ магазиновъ, библіотекъ etc., — то, конечно, и насъ любили бы больше братья-славяне, и мы были бы болѣе довольны братьями-славянами.

Когда славяннѣ на Балканахъ тянеть къ западной культурѣ, мы дружнымъ хоромъ начинаемъ проклинать его:

— Измѣнникъ! *продался* австрійцамъ! *продался* англичанамъ! *продался* нѣмцамъ!

И непременно *продался*. Деньги взялъ. Потому что сами мы слишкомъ много сорили деньгами для лицъ и партій на Балканскомъ полуостровѣ и привыкли думать, что, на семъ рынкѣ политическаго предложенія, и всѣ остальные государства предъявляютъ такой же спросъ,

какъ и мы. О, да! они покупають, они соряють деньгами даже больше насъ, притомъ гораздо откровеннѣе и цѣлесообразнѣе. Но все-таки—нельзя же говорить, что былъ *купленъ* за деньги Европою противъ Россіи, напримѣръ, такой человѣкъ, какъ покойный Стоиловъ,—беру нарочно примѣръ дѣятеля, сошедшаго со сцены. Его купила Европа, да! но купила не чрезъ министерство Сольсбери или Кальноки, а чрезъ Robert-College, гдѣ онъ получилъ воспитаніе и сталъ убѣжденнымъ западникомъ задолго до того, какъ быть министромъ и государственнымъ мужемъ. А вотъ, если вамъ угодно, я дамъ и другой примѣръ политическаго героя, *купленнаго* Россіею, хотя русское правительство никогда гроша мѣднаго ему не дало чрезъ азіатскій департаментъ, и русское общество—чрезъ кассу славянскаго благотворительнаго общества. Это — замѣчательнѣйшій изъ государственныхъ дѣльцовъ современной Болгаріи, Петко Каравеловъ. Бывалъ онъ и нашимъ врагомъ, но въ самой враждѣ его было больше къ намъ дружбы, чѣмъ въ дружбѣ многихъ изъ нашихъ друзей. И это—потому, что онъ человѣкъ, дѣйствительно купленный Россіею въ собственность прочную и безповоротную, отъ которой не избавиться ему, какъ бы онъ ни отбивался. Потому что—при покупкѣ его для Россіи — комиссіонерами были не какіе-либо безотчетные фонды и не кассы шовинистическихъ кружковъ, но аудиторіи московскаго университета. Каравеловъ — человѣкъ русскаго воспитанія, и традиціи, закваска русскаго студента шестидесятихъ годовъ сопутствовали ему житейски до старости лѣтъ, когда въ рукахъ у него очутился портфель министра-президента. Давно умершіе Бабсть, Никита Крыловъ и другіе славные московскіе учителя купили его намъ, а ужъ, конечно, не чеки азіатскаго департамента. Это вотъ — покупка умная, практичная, прочная. И давай намъ Богъ такихъ побольше!

Повелитель Правовѣрныхъ.

Чудною лунною ночью, быстрѣ стрѣлы, летѣли мы на катерѣ «Донца» по трепещущему длиннымъ золотымъ столбомъ, ласковому, тихому Босфору. Весело было на катерѣ. Моряки, вообще, хорошій народъ, а русскіе моряки—прелесть, на выборъ между всѣми. Не о многихъ часахъ своей жизни я вспоминаю съ такимъ удовольствіемъ, какъ о короткомъ гостеваніи на «Донцѣ», нашемъ стаціонерѣ у Константинополя.

Катеръ летѣлъ... Справа и слѣва вставали мраморныя привидѣнія султанскихъ дворцовъ, мечетей, придавленныхъ кубышкообразными куполами, минаретовъ, стремящихся въ небо, какъ «растеніе молитвы», по эффектному выраженію старой арабской моаллаки. Прекрасныя и грозныя привидѣнія долгой, мрачной исторіи! На этихъ коварно-ласковыхъ берегахъ нѣтъ зданія безъ трагедіи въ прошломъ. Камни этихъ чудныхъ дворцовъ росятся кровью, земля подъ ними стонетъ по ночамъ.

Катеръ летѣлъ... И вдругъ—стопъ!.. Что такое?.. На перерѣзъ намъ выплыли двѣ барки, полныя вооруженными чаушами. Чауши кричатъ, машутъ руками, возбужденные такіе,—видно, что и злы на насъ за что-то, и боятся насъ. Подплыли, стали бортъ къ борту, фонари красными бликами испятнали темныя суровыя лица нашихъ и турецкихъ матросовъ. Ихъ начальникъ что-то объясняетъ очень почтительно, хотя и нервно, офицеру нашего катера. Въ синей дали силуэты еще нѣсколькихъ полицейскихъ барокъ. Объясненіе кончилось, — мы дружелюбно отвалили отъ турокъ и пошли къ другому берегу Босфора.

— Въ чемъ дѣло?—спрашиваю офицера.

Смѣется:

— Въ запретныя воды зашли. Здѣсь по ночамъ нельзя плавать.

— Почему же?

— А эту вонь громадину видите? Мурадовъ дворець. Мурадъ въ немъ сидитъ, низложенный, сумасшедшій султанъ. Ну, и стерегутъ его паче зѣнцы ока,—не выкрали бы. Говорятъ: только потому подпустили насъ такъ близко, что за свой катеръ приняли, а то стрѣлять бы стали... Да и теперь дѣло обошлось безъ исторіи только оттого, что узнали русскихъ. Будь на нашемъ мѣстѣ нѣмцы либо французы, завтра была бы жалоба въ посольство. А мы сейчасъ въ фаворѣ: русъ якши, франкъ ямань...

Дворецъ-тюрьма Мурада — двадцатипятилѣтній кошмаръ султана Абдуль-Гамида. Это—грозовая туча, которая томительно виситъ надъ головою повелителя правовѣрныхъ, и не столько она страшна ему, сколько пудна. И молніи въ ней потускли, и громы заржавѣли, а забыть о ней все нельзя: вдругъ, вспыхнетъ и грянетъ, карая внезапнымъ взрывомъ минутную безпечность? Въ сумасшествіе Мурада плохо вѣрятъ въ Стамбулѣ. Попытки освободить его бывали. Однако, это заблужденіе. Мурадъ, дѣйствительно, сумасшедшій.

— Если бы онъ не былъ сумасшедшимъ,—пожимая плечами, отвѣчалъ на вопросъ мой о томъ французскій дипломатъ, старожилъ Константинополя,—онъ не спдѣлъ бы сиднемъ въ своемъ дворцѣ,—но одно изъ двухъ: либо правилъ бы державою своихъ предковъ, либо лежалъ бы въ мраморной гробницѣ, съ шнуркомъ на шеѣ или перерѣзаннымъ горломъ. Безуміе, священное для мусульманъ, равно лишаетъ его трона и спасаетъ отъ ножницъ Абдуль-Азиса. Не будь онъ безуменъ, правительству Абдуль-Гамида было бы необходимо его убить, ибо онъ—готовый вождь и

знамя для всѣхъ недовольныхъ турецкой имперіи... А кто же въ ней доволенъ?

— Такъ что вы не приписываете этого сохраненія соперника живымъ и въ почетѣ политическому великодушію Абдуль-Гамида и вліянію на него правственныхъ началъ европейской цивилизаціи?

— Фа! фа! фа!—презрительно фыркнулъ мой собеседникъ, — цивилизація... великодушіе... Вы не знаете турокъ.

Если вы приѣзжаете въ Константинополь по желѣзной дорогѣ, то первое большое зданіе, какое представится вашимъ глазамъ, какъ скоро извозчикъ повезетъ васъ съ вокзала изъ Стамбула въ Галату, будетъ большая, старая закопченная мечеть, обнесенная нѣсколькими ярусами галлерей, со странными, точно чешуйчатыми окнами изъ мелкихъ кружковъ тусклаго стекла. Это — Ени-Валиде-Джаміэ, то-есть «Новая мечеть султанши-валиде», начатая постройкою въ 1615 году, оконченная въ 1665 г. Воздвигли ее двѣ султанши-матери: Гассаки-Кессемъ-Махъ-Пейкеръ, жена Ахмеда I, мать Мурада IV и Ибрагима I, и Тарханъ, мать Магомета IV, — а Гассаки-Кессемъ-Махъ-Пейкеръ приходилась этому послѣднему бабкою. Есть повѣріе, что прочно стоятъ только тѣ зданія, которыя построены на чьемъ-либо трупѣ. Ени-Валиде-Джаміэ — эта истинная «крѣпость молитвы», похожая на фортъ и населенная, какъ хорошій уѣздный городъ, — быть-можетъ, потому и не боится времени, что въ основу ея легли кости первой ея строительницы, могущественной и гордой Гассаки-Кессемъ-Махъ-Пейкеръ: она была удушена евнухами, по приказанію внука своего, султана Магомета IV, взревновавшаго бабку къ власти.

Если повѣріе справедливо, то Ени-Валиде-Джаміэ должна простоять вѣка вѣчные, такъ какъ — на случай,

буде выдохлась бы охраняющая сила перваго преступленія — султаны никогда не уставали снабжать дворы, переходы и галереи своего историческаго храма новыми покойниками, жертвами политики или серальных интригъ. Въ послѣдній разъ поставщикомъ мертвецовъ на Ени-Валиде-Джаміэ явился благополучно царствующій нынѣ его величество султанъ Абдуль-Гамидь-Ханъ. Случилось это двадцать пять лѣтъ тому назадъ, вскорѣ по восшествіи Гамида на престолъ. Время стояло смутное. Абдуль-Азисъ, зарѣзанный ножницами придворныхъ въ Долма-Бахчэ, спалъ въ «тюрбэ» султана Махмуда. Мурадъ V, объявленный сумасшедшимъ, сидѣлъ въ Черагацкомъ дворцѣ, ставшимъ ему пожизненною тюрьмою. На престолъ вступилъ братъ его, Абдуль-Гамидь-Ханъ, молодой человекъ, съ нѣжною улыбкой, задумчиво сентиментальнымъ взглядомъ, съ репутаціей западника и безъ всякаго прошлаго. Стамбулъ волновался. Софты и улемы, сдѣлавъ подрядъ два государственныхъ переворота, чувствовали себя хозяевами положенія. Европа не знала, что съ ними дѣлать, предчувствуя, что не сегодня-завтра мусульманская чернь бросится на Перу и Галату и произведетъ рѣзню, какой Константинополь не видывалъ со временъ янычарскихъ. Назрѣвалъ вопросъ о европейской конференціи. Младо-турки съ Митхадомъ-пашею еще не теряли присутствія духа, но уже запасались на всякій случай заграничными паспортами и разрѣшеніями отъ дипломатическихъ представителей разныхъ державъ — въ случаѣ чего — искать убѣжища за священными стѣнами посольствъ. Молодого султана никто въ грошъ не ставилъ. Ему безцеремонно намекали въ аудіенціяхъ про ножницы Абдуль-Азиса и сумасшествіе Мурада. Сановники собственнаго двора его обращались съ нимъ свысока. Онъ никому не могъ довѣриться. При малѣйшемъ проявленіи имъ самостоятельности, духовенство поднимало на ноги софтъ и чернь, и подъ окнами султановыхъ покоевъ начинали раз-

даваться грозные революціонные вопли... Абдуль-Гамидъ меланхолически улыбался и уступалъ.

Но въ одинъ осенній вечеръ онъ призвалъ къ себѣ тайно унтеръ-офицера своего почетнаго караула, турка изъ Анатолиі, грубаго и безграмотнаго солдата, но завѣдомо и беззавѣтно ему преданнаго, и сказалъ своимъ нѣжнымъ голосомъ, съ обычною улыбкою:

— Любезный другъ, во-первыхъ, поздравляю тебя полковникомъ. Во-вторыхъ, до свѣдѣнія моего дошло, что сегодня ночью софты собираютъ большую сходку на дворѣ семинаріи при Ени-Валиде-Джаміѣ. Они будутъ производить разныя измѣнительскія рѣчи и совѣщаться, какъ ссадить меня съ престола, чего я совсѣмъ не желаю, или добиться отъ меня ограничительныхъ реформъ, которыя мнѣ также неудобны. Поэтому, любезный полковникъ, возьми, сколько тебѣ потребуется, солдатъ, — не жалѣй, бери побольше! — и, какъ скоро софты сойдутся, окружи медресе войсками. Займи всѣ входы и выходы. Затѣмъ, въ разгаръ ихъ бунтовскихъ совѣщаній, ты войдешь въ медресе и...

— Всѣхъ ихъ арестую, ваше величество! Будьте покойны!

Но султанъ ласково улыбнулся и поправилъ:

— Нѣтъ: ты всѣхъ ихъ перерѣжешь. Арестовать не надо никого.

Приказаніе было исполнено въ точности. Увѣренные, что они — повелители города, софты сошлись безоружные, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, не ожидая никакой опасности, не принявъ никакихъ предосторожностей. Они толпились, шумѣли, ораторствовали во дворѣ медресе, — никто не предупредилъ ихъ, что солдаты крадутся къ нимъ и занимаютъ господствующія надъ дворомъ галлерей. И вдругъ — какъ волки въ овчарню — взводъ за взводомъ, съ примкнутыми штыками, ринулись на беззащитную толпу и, молча, начали страшную работу. Кварталь былъ тща-

тельно изолированъ патрулями: вопли убиваемыхъ не достигали ничьего слуха. Если же кто и спѣшилъ имъ на помощь, то еще вдалькѣ отъ мечети натыкался на сторожевую цѣнь:

— По волѣ падишаха.

Ночь стояла очень лунная. Спустия какіе-нибудь полчаса, сходка превратилась въ свалку безжизненныхъ тѣлъ. Зрѣлище было ужасное. Избѣенныхъ оказалось до 600 человекъ. Трупы,—благо Золотой Рогъ близко — только черезъ улицу перейти,—побросали въ море. Кровь убитыхъ скопилась на мраморномъ дворѣ медресе, какъ въ цистернѣ, на ладонь глубины,—палачи ходили въ ней по щиколку. Не знали, что съ нею дѣлать, какъ ее избыть. Доложили султану. Абдуль-Гамидъ улыбнулся ненаходчивости своихъ слугъ и далъ совѣтъ:

— Пошлите туда пожарную команду.

И, хлынувъ изъ десяти брандспойтовъ, вода, по сточнымъ трубамъ, смыла и унесла въ море слѣды страшнаго преступленія. Однако, не всѣ: мраморъ—чуткій, воспримчивый камень, и ржавыя, темныя пятна на нѣкоторыхъ плитахъ до сихъ поръ напоминаютъ посѣтителю медресе о той роковой ночи.

Такова послѣдняя легенда объ Ени-Валиде-Джаміѣ. Въ ней, конечно, должны быть преувеличенія: нѣтъ не преувеличенныхъ рассказовъ ни о добротѣ, ни о жестокости государей! Но основное зерно ея—истина. Я слышалъ ее много разъ въ нѣсколькихъ, но схожихъ вариантахъ. И, наконецъ, въ Македоніи встрѣтилъ человека, который рассказалъ мнѣ ее такъ, какъ я ее вамъ передаю, и прибавилъ:

— Мой дядя былъ унтеръ-офицеромъ въ отрядѣ, производившемъ бойню. На другой день онъ получилъ производство черезъ чинъ.

— А гдѣ теперь вашъ дядя? — спросилъ я съ понятнымъ любопытствомъ.

— Онъ застрѣлился семь лѣтъ тому назадъ.

И—на вопросительный взглядъ мой—пояснилъ:

— Видите ли: съ того самаго времени онъ сдѣлался въ родѣ какъ бы полоумный. Эти покойники не давали ему спать. А тутъ еще—сынъ у него родился, и вся правая ручка, представьте, подъ родимымъ пятномъ—красная, какъ кровь. Ну, дядя и затосковалъ... жить стало страшно...

Шефъ, руководившій убійцами, оказался менѣе чувствительнаго десятка, чѣмъ этотъ совѣстливый турка. Вчера унтеръ-офицеръ, сегодня полковникъ, онъ зашагалъ по лѣстницѣ высшихъ чиновъ быстрѣе, чѣмъ пресловутый Фрицъ при дворѣ герцогини Герольштейнской. Совершенно дикій и глупый рѣзакъ сталъ любимцемъ Абдуль-Гамида, управлялъ отдѣльными частями войскъ, генераль-губернаторствовалъ въ лучшихъ вилайетахъ и теперь отдыхаетъ въ почетной и добровольной отставкѣ, на покоѣ, имѣя рѣшительно всѣ чины, награды и титулы, какими могъ надѣлить его признательный падишахъ. Впрочемъ, кажется, уже умеръ.

— Да, вѣдь, именно, только такіе люди и во вкусѣ Абдуль-Гамида, — сказалъ мнѣ въ Вѣнѣ старый, хорошо знающій Турцію дипломатъ, когда я рассказалъ ему легенду старой константинопольской мечети.—Вѣдь, онъ—турокъ, изъ турковъ турокъ, самый настоящій турокъ, какой когда-либо правилъ Оттоманскою имперіею. Европа имѣетъ объ этомъ человѣкѣ самое неправильное, можно сказать, фантастическое представленіе. У насъ, вѣдь, о туркахъ и Турціи принято думать такъ: если ея правительственные и общественныя формы начинаютъ походить, хоть по внѣшности, на обще-европейскія,—значить, Турція прогрессируетъ, обзаводится цивилизаціей, стремится войти въ семью европейскихъ народовъ. При Абдуль-Гамидѣ сближеній, кажущихся прогрессивными, было больше, чѣмъ при его предшественникахъ. И вотъ сперва англійская, потомъ австро-мадьярская печать, а равнымъ образомъ ди-

пломатія Биконсфильда и Андраши—постарались рекомендовать Гамида Европѣ, какъ друга цивилизаціи, великодушнаго и доброжелательнаго поклонника европейской культуры. Репутація совсѣмъ незаслуженная, слишкомъ за дешево купленная у европейскаго легковѣрія. Надо считаться вовсе не съ умными фразами Абдуль-Гамида о цивилизаціи и тѣмъ менѣе съ его великодушіемъ но просто съ тѣмъ, что онъ смѣетъ, чего не смѣетъ. Люди короткаго кругозора способны прославлять повелителя правовѣрныхъ, какъ культуртрегера, уже за то, что, вмѣсто вѣковой зурны и дудаки, онъ предпочитаетъ слушать дорогие оркестріоны, купленные въ Парижѣ, Лондонѣ, Лейпцигѣ, и допускаетъ скрипачей и піанистовъ играть для него, среди его гарема. Онъ принималъ Контскаго, Саразате, Одуаръ, Стѣда, Эрнесто Росси—и всѣхъ ихъ очаровалъ и закупилъ уже тѣмъ, что принималъ, «сдѣлалъ исключеніе». Каждый, съ кѣмъ видится султанъ, воображаетъ себя, такъ сказать, проломившимъ брешь въ темное царство ислама, уходитъ въ восхищеніи отъ культурности повелителя правовѣрныхъ и потомъ стоитъ за его репутацію горой. Потому что нѣтъ на свѣтѣ другого такого искусника жонглировать бпрюльками цивилизаціи, оставаясь упрямымъ и жестокимъ врагомъ ея по существу. Да! Цивилизація—врагъ Абдуль-Гамида и, къ злобѣ его, врагъ часто побѣдоносный. Онъ повиновался и повинуется ей, втайнѣ скрежеща зубами, и всюду, гдѣ можетъ и смѣетъ, измѣняетъ ей, надуваетъ ее съ замѣчательнымъ дипломатическимъ искусствомъ, то и дѣло ставя Европу въ самыя неожиданныя и глупыя положенія, въ самыя дурачкіе и конфузныя просаки. Никто изъ монарховъ всемірной исторіи не стоялъ подъ болѣе бдительною опекою, чѣмъ навязанная ему берлинскимъ трактатомъ, и никто, быть можетъ, не сумѣлъ бы съ большею ловкостью сводить почти всѣ требованія опеки на нѣтъ и, высасывая изъ нея всѣ выгоды для себя, не давать въ возмездіе рѣшительно

ничего. Все царствованіе Абдуль-Гамида было полно воплями о турецкомъ прогрессѣ, о политическихъ реформахъ. Вопили эффектно и громко. Но все же еще громче звучали вопли тѣхъ, кого эти прогрессисты и реформаторы рѣзали. Вѣрьте мнѣ, г. Амфитеатровъ: когда рѣчь идетъ о туркахъ, пословица—будто «худой миръ лучше доброй ссоры»—не годится ровно никуда. Правда, въ трехъ войнахъ, что велъ Абдуль-Гамидъ, сербской, русской, греческой, пролились рѣвки крови, но все же—только рѣвки. А вотъ миръ, о которомъ съ нимъ вѣчно сговаривались и сговариваются представители державъ, и который онъ вѣчно имъ обѣщалъ и обѣщаетъ сердечными, краснорѣчивыми словами, произносимыми съ искреннѣйшими интонаціями,—этотъ страшный миръ всегда стоилъ, стоитъ и будетъ еще стоять морей крови.

Европа не знаетъ Турціи, и Богъ вѣсть, скоро ли ее узнаетъ и пойметъ. Потому что одинъ изъ опаснѣйшихъ политическихъ предразсудковъ Европы, это — признавать разумными и цѣлесообразными только свои собственныя правительственныя и общественныя системы. Въ прежнее время Европа была откровенна и кричала съ полною искренностью: «Вонъ турокъ! въ Азію турокъ!» Но турки оказались народомъ зубатымъ, выгнать ихъ не удалось, а,—покуда они сперва войнами, потомъ константинопольскимъ великолѣпіемъ размѣняли свои силы такъ, что, пожалуй, ихъ и впрямь выгнать уже можно, — къ тому времени ни у кого не осталось ни охоты, ни выгоды выгонять. Исторія мало-по-малу сдѣлала изъ турокъ элементъ, хотя и не изъ пріятныхъ, но, въ международной политикѣ, скорѣе для Европы полезный, чѣмъ вредный. Ихъ пребываніе въ Константинополѣ стало чѣмъ-то въ родѣ стрѣлки, регулирующей равновѣсіе европейскаго Запада съ Востокомъ, который сдѣлался слишкомъ могучъ съ государственнымъ развитіемъ Россіи послѣ Петра и Екатерины. Сейчасъ рѣшительно никому въ Европѣ не лестно, чтобы турки убрались

изъ Константинополя, — кромѣ насъ, русскихъ, фатально обреченныхъ тяготѣніемъ всей исторіи нашей на турецкія недоразумѣнія и турецкія войны. Но, по мнѣнію Европы, наше дѣло — съ турками только драться, а пріятные плоды драки мы обязаны передавать ей. И отъ обязанности этой насъ освободить, и турецкія права наши увеличить Европа отнюдь не намѣрена. Потому-то и неразрѣшимъ вѣковѣчный восточный вопросъ. Развѣ что въ одинъ прекрасный, хотя и не очень умный, день мы возьмемъ, — да и возьмемъ Константинополь сами, безъ всякаго спроса, экспромтомъ. Тогда восточный вопросъ умретъ, потому что народится «русскій вопросъ». И гнать изъ Константинополя Европа примется уже не турокъ, а насъ. И — куда энергичнѣе, чѣмъ турокъ.

Но, переставъ кричать: «Вонъ турокъ! въ Азію!» — по крайней мѣрѣ, потерявъ къ тому энергію, Европа не позабыла, что турки — варвары, враги христіанъ, — и тому подобныя принципиальные мотивы, по коимъ собственно и собиралась она нѣкогда, крестоносная, гнать ихъ въ Азію. И вотъ, чтобы сборовъ своихъ не исполнить, но и къ гону не приступать, оставить турокъ спокойно жить на своихъ мѣстахъ, но въ то же время, чтобы успокоить свою историческую совѣсть, — Европа, путемъ конгрессовъ и конференцій, выработала, черезъ рядъ компромиссовъ, спеціальныя условія терпимости для турецкаго potentата надъ христіанскими народами и землями. Условія эти, въ особенности рѣшительно поставленныя силою русскаго оружія въ послѣднюю войну, хотя затѣмъ и обрѣзанныя сперва санъ-стефанскимъ договоромъ, потомъ печальной памяти берлинскимъ трактатомъ, — выразились въ томъ, что нѣкоторыя христіанскія страны Европа освободила или полуосвободила отъ мусульманской зависимости и сдѣлала автономными, а для другихъ потребовала реформъ управленія, устрояющихъ страны эти, если и не совсѣмъ, то приблизительно по европейскому идеалу равноправія религіознаго

и національнаго. Освобождены отъ турокъ королевства Румынія, Сербія, Греція, княжество Болгарія. Ждутъ реформъ Македонія, Албанія и Старая Сербія въ Европѣ, Армения — въ Азіи. А проводить реформы предписано султану Абдуль-Гамиду, и проводить ихъ онъ двадцать пять лѣтъ, и... ни одной не провель. Да и не въ силахъ провести даже, если бы и хотѣлъ. А онъ ни мало и не хочетъ.

Онъ очень хорошо знаетъ, что устроить его имперію по образцамъ, предлагаемымъ ему европейскою дипломатіею, невозможно, потому что, — прежде всего, — имперія его не имѣетъ въ строеніи своемъ рѣшительно ничего общаго съ европейскими государствами. Онъ — историческій преемникъ-завоеватель Византіи, восточнаго Рима, и «*impreium*» для него значитъ то же, что для его предшественниковъ: дрящяся военная оккупация, крѣпкая вооруженная власть побѣдителя надъ разноплеменными побѣжденными, которые для него — всѣ равно чужіе и всѣ равно безправные, а права получаютъ лишь постольку, поскольку онъ это находитъ для себя полезнымъ. Оккупационный характеръ Оттоманской имперіи длится пятьсотъ лѣтъ. И султанъ знаетъ, что именно такой характеръ — и есть ея жизнь. Нарушить условія, имъ созданныя, значитъ убить имперію. А реформы, которыхъ требуетъ отъ султана Европа, колеблютъ какъ разъ этотъ устой мусульманской монархіи, — начиная съ желанія дипломатовъ уравнять христіанъ съ мусульманами въ правѣ носить оружіе, — желанія, вполнѣ естественнаго въ обыкновенномъ благоустроенномъ государствѣ, но совершенно нелѣпаго съ точки зрѣнія правительства, которое сознаетъ себя не болѣе, какъ побѣдоноснымъ военнымъ лагеремъ среди покоренной страны — вѣчно враждебной, безопасной только до тѣхъ поръ, покуда обыватели безоружны. Я взялъ вопросъ о вооруженіи лишь для большей яркости примѣра. Но, какую бы изъ предложенныхъ султану реформъ вы ни стали разбирать, будетъ все та же исторія: великолѣпная,

гуманная, удобополнимая съ точки зрѣнія общеевропейской, она кажется, съ точки зрѣнія турецкой, нелѣпою, невозможною, самоубійственной. Потому что каждая изъ чаемыхъ реформъ возвышаетъ Европу и христіанство, но душитъ Турцію и исламъ.

Абдуль-Гамидъ принялъ Турцію слабою, нищею, кругомъ зависимою отъ Европы. Онъ не въ силахъ отвѣчать на ея приказанія рѣшительными и ясными отказами. Если онъ заявитъ Европѣ, что не хочетъ чего-нибудь, чего она хочетъ, то — важно ли это, не важно ли — его все равно заставятъ силою сдѣлать приказанное уже только потому, что онъ не хочетъ, затѣмъ, чтобы показать ему, что давнымъ-давно прошли времена, когда турецкій султанъ смѣлъ не хотѣть. И Абдуль-Гамидъ помнитъ это и не претъ противъ рожна. Онъ знаетъ, что въ частныхъ требованіяхъ Европѣ нельзя сопротивляться. Но знаетъ и то, что вообще-то онъ Европѣ на руку, и въ ней всегда найдется у него выгодный контрагентъ, который не допуститъ его имперію до конечнаго краха. И на комбинаціяхъ этихъ двухъ знаній онъ политически балансируетъ всю свою жизнь.

Гостя въ Константинополь, непосредственно вслѣдъ за избіеніемъ армянъ, я имѣлъ большой и интересный разговоръ объ Абдуль-Гамидѣ съ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ представителей мѣстной дипломатіи, только — что отличившимся блистательно въ пресловутой исторіи спасенія оттоманскаго банка. Онъ лично знаетъ Абдуль-Гамида, весьма къ нему вхожъ, имъ уважаемъ, даже, — говорятъ въ Константинополь, — имѣетъ на него вліяніе. И вотъ что дипломатъ этотъ мнѣ тогда говорилъ:

— Султанъ — человѣкъ геніальный. Въ дипломатическихъ войнахъ онъ такой умница, что просто непобѣдимъ. Всю свою жизнь онъ только и слышитъ отъ насъ, представителей державъ, что требованія уступокъ, противныхъ его совѣсти, самолюбію, праву, какъ добраго мусульманина, преемника халифовъ. И на всѣ рѣшительно уступки онъ

всегда соглашался. И ни одной рѣшительно уступки онъ никогда не сдѣлалъ. Этотъ человѣкъ, кажется, никогда въ жизни не сказалъ никому «нѣтъ», но ни разу ни для кого не сдѣлалъ такъ, чтобы вышло «да». Кто говорить съ нимъ въ первый разъ,— уходитъ очарованный надолго. Надо съ нимъ пудъ соли съѣсть, чтобы раскусить, что онъ за птица. Онъ не рѣчистъ, но немного на свѣтѣ такихъ мастеровъ заставить говорить собесѣдника, выщупать его, исчерпать до самой подноготной, вызнать всѣ его средства и возможности. Я, по службѣ своей, перебивалъ при многихъ дворахъ, перевидалъ на своемъ вѣку не мало вѣнценосцевъ. У всѣхъ есть своя слабая струнка, на которой ловкій дипломатъ можетъ играть къ ущербу ихъ интереса. Одинъ идетъ на лесть, другой легко попадаетъ въ ловушку гнѣва, третій не въ силахъ устоять противъ большихъ матеріальныхъ выгодъ, четвертому, чтобы онъ сдѣлалъ по-твоему, стоитъ только внушить убѣжденіе, будто ты просишь совсѣмъ противоположнаго, пятому—лишь хвали его супругу, и онъ весь будетъ у тебя въ рукахъ. Но Абдуль-Гамидъ какой-то сѣрый, расплывчатый. Это—человѣкъ, который не скажетъ тебѣ ничего толкомъ, а только чешетъ себѣ бороду. Онъ всю жизнь ее прочесалъ и все свое благополучіе изъ нея вычесалъ. Слушаетъ, улыбается, чешетъ и поддакиваетъ: «Хай-хай-хай! эветъ, эффенди, эветъ!»ловишь его на похвалы—эветъ! Грозишь ему, хочешь вывести изъ себя, чтобы, хоть съ негодованія на дерзость простого смертнаго, онъ высочайше прорвался и высказался откровенно,— не тутъ-то было: только нервыѣ дрожить рука, бродя по волосатой щекѣ, да глаза потускнѣютъ, какъ свинцовыя пули, а то все попрежнему: хай-хай-хай! эветъ! эветъ!

Когда Абдуль-Гамида очень прижимаютъ «представленіями», пугаютъ, громятъ нотами, ставятъ ему ультиматумы, онъ вѣется, какъ угорь, изгибается, извиняется, сожалѣетъ, даже плачетъ. Да! Онъ плакалъ,—истинно крокодиловыми слезами плакалъ, когда представители державъ

краснорѣчиво и въ самыхъ трогательныхъ чертахъ описывали ему ужасы Константинополя въ страшныя «армянскія ночи» 1895 года, когда солдатчина, — имъ же тайно благословленная! — вырѣзала цѣлыя армянскіе кварталы, вязала армянъ десятками одного къ другому и топила въ Золотомъ Рогѣ, а, кто ненарокомъ выплыветъ, того прикладомъ по головѣ... Абдуль-Гамидъ плакалъ! Онъ часто плачетъ: пречувствительный человѣкъ! Онъ сентименталенъ, какъ Маниловъ, а первень, какъ дама въ интересномъ положеніи. Онъ не выноситъ не только вида, но даже названія крови. Въ Салоникахъ есть страшная тюрьма — могила столькихъ политическихъ преступниковъ, что народная молва прозвала ее «Канлы-Кула» — «Башня Крови», и давность прозвища сдѣлала его официальнымъ. Слушать доклады о комъ-либо, заточенномъ въ эту башню, приходится Абдуль-Гамиду чуть не ежедневно. И вотъ въ одинъ прекрасный день получается солунскимъ вали распоряженіе: переименовать Канлы-Кулу въ Біязъ-Кулу, Башню Крови — въ Бѣлую Башню, ибо прежнее названіе кажется его величеству падишаху слишкомъ зловѣщимъ... Да, онъ сентименталенъ. Только отъ сентиментальныхъ фразъ его, отъ слезъ, извиненій и рукопожатій никогда не прекращались въ христіанскихъ областяхъ имперіи, среди старинной «райи» и мало чѣмъ лучшихъ нынѣшнихъ «румъ-миллети», ни убійства, ни насилія, ни мерзости средневѣкового феодализма. И, получивъ отъ султана на словахъ все, чего желалъ, нагоревавшись съ нимъ и наплакавшись, опытный дипломатъ уходитъ изъ Ильдизъ-Кіоска, все-таки, съ тяжелымъ сознаниемъ, что уноситъ съ собою только воздушные замки, не получивъ на дѣлѣ ровно ничего. Что это за восхитительный обманщикъ! Что за великолѣпный лгунъ! Какъ всякій истинный турокъ, Абдуль-Гамидъ въ душѣ — воинъ. Онъ понимаетъ и уважаетъ только право войны. Надъ перьями дипломатовъ онъ смѣется. Имѣй Абдуль-Гамидъ хоть малую надежду на успѣхъ въ

европейской войнѣ, мы бы давно ее имѣли. Но русская война, облившая кровью первые годы его царствованія, придавила его воинственный азартъ. Онъ не изъ рискующихъ и ничуть не авантюристъ. «Я безсиленъ,—говоритъ онъ,— ну, и прекрасно! Сяду я, безсиленный, въ своемъ углу и стану дурачить и сосать сильныхъ. Умѣлое безсиліе, ловко заставившее признать свою необходимость, тоже сила, да еще какая! Сильнѣе всѣхъ силъ!» Абдуль-Гамидъ принялъ урокомъ и Санъ-Стефано, и берлинскій конгрессъ. Онъ помнитъ, какъ Россія—великая, могучая, побѣдоносная Россія Скобелева, Гурко, Тотлебена, Россія, разбившая въ пухъ и прахъ всѣхъ его «гази»,—оказалась слабѣе ребенка, когда хотѣла продиктовать ему свою освободительную волю, несогласную съ волею Бисмарка, Андраши и Дизраэли. И вотъ съ того опыта и осѣнилъ его геній лавировки, и рѣшилъ онъ, что самое выгодное, удобное и безопасное для него положеніе — всегда быть между двухъ стульевъ — позиція, которую каждый европеецъ нашель бы смѣшною и отвратительною, но азіату—сполагоря: онъ вѣдь въ стульяхъ-то не нуждается, эта пословица не для него писана,—привыкъ сидѣть на ковровомъ полу, поджавъ ноги подъ туловище. Сидитъ и твердо держитъ въ умѣ свой политическій шансъ—почти единственный, но зато надежный:

— Ни одна европейская держава не въ состояніи увязить себя въ восточномъ вопросѣ такъ глубоко и беззавѣтно, какъ увязли русскіе. Единственно, кто мнѣ опасенъ дѣйствительно,—русскіе. Но ихъ именно за это ненавидитъ вся Европа и, когда надо будетъ защититъ меня отъ русскихъ, пойдетъ на нихъ хотя крестовымъ походомъ. И русскіе знаютъ это, и не очень-то наираютъ на меня: значить, куда ни глянь, всюду у меня «друзья поневолѣ». Константинополь и проливы всѣ державы ревнуютъ другъ къ другу, а потому никогда никому они не достанутся, но, какъ сейчасъ они у меня въ карманѣ, такъ и быть имъ тамъ

на вѣки вѣчныя. А покуда они у меня въ карманѣ,—пусть франки меня ненавидятъ, унижаютъ, проклинаютъ, бранятъ. возмущаются мною: истинный-то господинъ и повелитель европейской политики все-таки буду я! Процарствовалъ я двадцать пять лѣтъ, хранимый Европою, —останется она моею тѣлохранительницею и до конца дней моихъ. А тамъ... хоть потопъ!

Англичане, нѣмцы, русскіе, французы, австріяки суетятся около постели «больного человѣка», споря между собою, порою чуть не до драки, кому его лѣчить, ибо—они знаютъ—доктору отказано по духовному завѣщанію весьма кругленькое состоянціе. Они наперерывъ прописываютъ больному тотъ или этотъ режимъ. Больной лежитъ смиренненько, глядитъ на докторовъ ласковыми умными глазами, щиплетъ подбородокъ и твердитъ «хай-хай-хай». Только, если врачи заикаются о какой-нибудь ампутаціи, «больной», хотя не перестаетъ улыбаться и хай-кать, но энергичнымъ движеніемъ прячетъ подъ себя ногу или руку, которыхъ коснулись хирургическія вождедѣнія медиковъ. Но, когда доктора, наконецъ, откланяются и уйдутъ, каждый въ твердой увѣренности, что пациентъ принялъ именно его методъ лѣченія, больной вскакиваетъ съ постели, цѣльздравовешенекъ, выплескиваетъ за окно лѣкарства, рветъ рецепты и восклицаетъ:

— Бисмилляхъ-рахмани! Что за идіоты эти франки! И какое великое несчастіе, что я не могу выгнать ихъ всѣхъ изъ моего дома, какъ велятъ Аллахъ, Мухаммедъ, пророкъ его, и достославныя традиціи моихъ предковъ!

И—за безсиліемъ излить свою ненависть на властныхъ и сильныхъ докторовъ, мнимый больной срываетъ досаду и злость на сидѣлкѣ-армянкѣ или македонскомъ фельдшерѣ...

Помню сверкающій солнцемъ и синевою днѣй саламлика. Рѣзное кружево Ильдизъ-Кіоска тепло золотится въ потопъ полуденныхъ лучей. Громко, пронзительно и кра-

сиво вопить на минаретѣ муэдзинъ, съ голосомъ, — самому Таманю умереть отъ зависти. Мимо оконъ «пріемнаго павильона» быстро шагаютъ, батальонъ за батальономъ, brave бронзовики-нубійцы въ зеленыхъ чалмахъ: гвардія, которая, говорятъ, умѣетъ только умирать, но не сдаваться. Музыка не столько играетъ, сколько «шумить» императорскій маршъ. Молодцомъ, вихремъ, проскакалъ на кровномъ жеребцѣ съдой генераль...

— Османъ-паша! — указываетъ мнѣ спутникъ изъ посольства. — Эка молодець какой! Вѣдь семьдесятъ лѣтъ! А фигура, посадка, выраженіе лица, молодые сверкающіе глаза, — хоть сейчасъ опять посылай его въ плевнинскіе окопы...

Опять муэдзинъ, опять нубійцы; ведутъ коней, несутъ какіе-то ковры: цѣлое шествіе изъ «Анды». Вотъ — войска стали, оркестры невыносимо гудятъ въ разладъ тоновъ: отъ мундировъ, — турки вѣдь ослѣпительные и разорительные щеголи въ военной формѣ, — зажмуриться хочется. И вдругъ — минута молчанія, и, за нею, «желѣзный крикъ легионовъ»: мѣрно и отрывисто выкликаютъ тысячи здоровенныхъ грудей казенное привѣтствіе падишаху. Медленно ѣдетъ вдоль фронта коляска, запряженная арабскими бѣлыми лошадьми, отъ одного взгляда на которыхъ, говорятъ, стало дурно одному русскому любителю-коннозаводчику.

А, какъ очнулся, только моргаетъ да спрашиваетъ:

— Во снѣ я это видѣлъ или наяву?

— Наяву.

— Быть не можетъ: это не лошади, это — ангелы! Миѣ видѣніе было!

Насилу его убѣдили!

Въ коляскѣ, на передней скамеечкѣ опять очутился уже, — когда только успѣлъ, — brave Османъ-паша, а напротивъ, сторбясь, какъ-то повиснувъ весь, сидитъ человекъ въ вишневаго цвѣта фескѣ, съ безцвѣтнымъ лицомъ, безцвѣтнымъ взглядомъ, безцвѣтными волосами... онъ еле

поднимаетъ правую руку, чтобы привѣтствовать свои ле-
гiоны, а лѣвою теребитъ подбородокъ, точно и теперь мы-
сленно, все-таки, твердить по привычкѣ свое прославленное
«хай-хай-хай»... И весь-то онъ — измученный, утомленный,
— дунуть, кажется, — такъ пушинкою и полетитъ по вѣтру...

— Вотъ она гдѣ — политика непобѣдимаго безсилія! —
подумалъ я.

— Хай-хай-хай! — ласково раздалось за моею спиною.
Я обернулся. Сѣдой турецкій майоръ султановой свиты
отобралъ у какого-то знатнаго нѣмца бинокль, въ который
тотъ вздумалъ было смотрѣть на церемонію. Нѣмецъ горя-
чился, настаивалъ на своемъ правѣ, доказывалъ, что за-
прещать близорукимъ людямъ смотрѣть на падишаха во-
оруженнымъ глазомъ глупо и даже непатріотично. Май-
оръ соглашался съ каждымъ его словомъ, улыбался, со-
чувствовалъ ему всею фізіономіей и душою, но... бинокля
не отдавалъ и все крѣпче и крѣпче сжималъ его въ своемъ
дюжемя кулакѣ, повторяя умильное:

— Хай-хай-хай!.. Эвѣтъ-эвѣтъ!..

...Босфоръ синѣеть, султанскіе дворцы индѣ блестятъ
мраморами, индѣ разваливаются, вчера былъ легкій ударъ
землетрясенія, бродячихъ собакъ великое множество, а
«жолифамщиковъ», надоѣдающихъ на улицахъ Перы все-
возможными пикантными предложеніями, кажется, еще
больше, чѣмъ бродячихъ собакъ. Константинопольскія зе-
млетрясенія — для меня нѣчто фатальное. Быть въ Констан-
тинополѣ и не встряхнуться хоть самую малость — этой
возможности я не въ силахъ даже себѣ представить. Въ
1894 году я видѣлъ, какъ рушились дома и гибли люди;
въ 1896 году видѣлъ только, какъ дома качались, а люди
бѣжали изъ нихъ, кто куда гораздъ; а вчера, когда прогу-
дѣлъ ударъ, и стѣны затрепетали, я сидѣлъ въ ваннѣ, и
единственною надеждою моею было, что — въ случаѣ, если
бы трусъ земной продолжился, а потолокъ обвалился —

меня, хоть по ошибкѣ, могутъ впустить въ рай, потому что примутъ за Адама до грѣхопаденія. Къ счастью, подземная буря ограничилась однимъ толчкомъ, да и то слабымъ.

Я засталъ въ Константинополѣ мусульманскій святой день—Байрамъ. Цѣлый вечеръ грохотали пушки, Стамбуль горѣлъ поздними огнями, султанъ въ торжественной церемоніи проѣхалъ раннимъ утромъ на священный обрядъ закланія барана. Бѣдные бараны! Вчера Стамбуль и Скутари пролили цѣлыя озера ихъ крови. Куда ни пойдешь, гонять навстрѣчу не гурты, а цѣлыя тучи барановъ, косматыхъ, огромныхъ, съ рогами винтомъ, съ курдюками, изступляющими умъ скотовода своимъ великолѣпіемъ, а умъ обыкновеннаго зрителя—своимъ безобразіемъ. Баранами покрыты паперти колоссальныхъ мечетей и галлерей, ихъ окружающія. Бараны топчутся на знаменитомъ мосту черезъ Золотой Рогъ, между Стамбуломъ и Галатою. И, когда, наконецъ, поздно вечеромъ, находившись по городу до изнеможенія, я легъ въ постель и сомкнулъ глаза, предо мною, въ легкомъ первомъ снѣ, побѣжали длинными рядами бараны и красныя фески, которыми такъ утомительно для зрѣнія пестрѣтъ разноплеменная толпа здѣшнихъ улицъ. Сперва бараны и фески бѣжали отдѣльно, потомъ побѣжали бараны въ фескахъ, а потомъ—я нырнулъ въ Нирвану до сегодняшняго утра...

— Нравится вамъ Константинополь?—спросилъ я у одного изъ мастеровыхъ, о встрѣчѣ съ которыми въ Галатѣ рассказывалъ.

А онъ отвѣчалъ уныло-пѣвучимъ, сладкимъ московскимъ говоромъ:

— Городъ милай, только я землетрясеніевъ терпѣть не люблю.

Не любить ихъ терпѣть и султанъ Абдуль-Гамидъ. Воскресное землетрясеніе случилось какъ разъ во время дворцовой церемоніи по случаю Курбанъ-Байрама и вы-

звало на пріемъ въ Ильдизъ-Кіоскъ настоящую папику. Въ первый моментъ повелитель правовѣрныхъ казался перепуганнымъ больше всѣхъ, но затѣмъ быстро овладѣлъ собою и даже обругалъ крѣпкими словами придворныхъ, убѣждавшихъ его удалиться изъ-подъ готоваго рухнуть потолка. Дворъ же растерялся страшно. Дамы падали въ обморокъ. Два доктора султанскіе выпрыгнули въ окна. Достоинно и прилично велъ себя, такимъ образомъ, только самъ Абдуль-Гамидъ. Какъ опора религіи фатализма, онъ, быть-можетъ, и вовсе не струсилъ бы, если бы сразу сообразилъ, что стѣны шатаются и гуль идетъ отъ естественнаго землетрясенія,—но, вѣроятно, первую пришла ему въ голову и оледенила умъ его другая мысль, уже много лѣтъ преслѣдующая его, какъ *idée fixe*:

— Свершилось! Вотъ онъ—обѣщанныя армянскія бомбы!

— Самое жалкое и противное существованіе, какое можетъ создать себѣ на землѣ человѣкъ,—это, конечно, существованіе султана Абдуль-Гамида!

Такъ говорилъ мнѣ сегодня видный, серьезный и вліятельный представитель дипломатическаго корпуса, хорошо знающій султана и часто выдающій его лицомъ къ лицу.

— Его жизнь—постоянный трепеть. Это—человѣкъ, напуганный до мапьячества. Его время проходитъ въ томъ,—что онъ гадаетъ и смекаетъ—не кто выгоднѣе для него или для государства, но кто опаснѣе для его жизни и благополучія, и кому, слѣдовательно, осторожнѣе будетъ уступить, а съ кѣмъ можно быть повелительнымъ, упрямымъ и—зачастую—даже наглымъ. Поэтому на него никогда и ни въ чемъ нельзя положиться. Вы, скажемъ, убѣдили его немедленно осуществить македонскую реформу, предписанную берлинскимъ трактатомъ. Чѣмъ убѣдили? Да, очень просто—доказали, что нельзя же доводить народъ до отчаянія и собственными руками создавать въ странѣ революцію, руководимую притомъ головорѣзами рѣшительными

и самоотверженными. Вѣдь они и въ Константинополь явятся, наконецъ,—динамить у нихъ есть... и полетятъ ваши дворцы и сады къ облакамъ небеснымъ. Струсить, согласится, и, какъ послѣ тяжкой операціи, чувствуетъ себя легко, даже какъ будто благодаренъ вамъ немножко. Однако, проходитъ день, другой... недѣля... ни о какихъ реформахъ ни слуха, ни духа. Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что послѣ васъ побывалъ у него какой-либо фанатикъ изъ старыхъ турковъ, либо представитель державы, которой выгодно поддерживать сумятицу въ Македоніи, Арменіи—во всѣхъ этихъ турецкихъ революціонныхъ котлахъ. Ну, и сумѣли напугать его еще больше, чѣмъ вы напугали. Дали понять, что, молъ, македонскія, армянскія, младо-турецкія бомбы—далеко, а если вы начнете мирволить невѣрнымъ, то ножницы Абдуль-Азиса или шелковая петля могутъ весьма легко настигнуть васъ въ вашей собственной спальнѣ. А онъ—турокъ, исторію султаната знаетъ. Динамить-то ему еще вообразить надо, что за штука: дѣло новое. Ну, а когда рѣчь идетъ о ножницахъ или о петлѣ, такъ онъ, я думаю, мысленно ихъ уже на горлѣ своемъ чувствуетъ. Вѣдь онъ никому не вѣритъ ни на грошъ, ни на четверть гроша. Онъ не рѣшается вѣрить своей особы туркамъ, его тѣлохранители, его ближайшіе люди—албанцы, дикіе смѣльчаки безъ отечества, кондотьеры, которые, подобно средневѣковымъ швейцарцамъ, не знаютъ ни политическихъ, ни національныхъ разсужденій и, какъ злая собака, вѣрны только тому, кто платитъ имъ за службу. Судите сами: какую нравственность, какое свѣтлое чувство въ душѣ можно сохранить, живя такою ужасною, каторжною жизнью? Абдуль-Гамидъ думаетъ, что весь міръ его ненавидитъ, ни самъ полонъ поэтому скрытной, ядовитой несправности. Онъ высматриваетъ среди людей своего двора: кто больше другихъ непріятенъ обществу и, слѣдовательно, долженъ опасаться за себя, нуждается въ твердой и сильной опорѣ, которая позволила бы ему презирать обще-

ственное недружелюбіе, плевать на всѣхъ, дѣлать какія угодно мерзости. И онъ умышленно любезничаетъ съ такими господами, ласкаетъ ихъ, возвышаетъ,—все даетъ понять: тебѣ-де, милый другъ, по дѣламъ твоимъ, слѣдовало бы давно быть повѣшеннымъ, а вотъ—ты въ звѣздахъ; и—покуда ты со мною и за меня—висѣлица будетъ сиротѣть безъ тебя, а на тебя будутъ сыпаться звѣзды, чины, помѣстья. Въ концѣ-концовъ, вокругъ султана создалась банда людей, связанныхъ его терпимостью къ ихъ общимъ преступленіямъ. Каждый изъ нихъ знаетъ про другого, что—вотъ человекъ такой-то и такой-то виновности, ему извѣстно про меня то-то и то-то грѣшное, мнѣ про него—то-то и то-то. И не пожираемъ мы другъ друга, не уничтожаемъ,—только потому, что есть центръ, необходимый для насъ и самъ въ насъ необходимо нуждающійся,—есть султанъ. Султанъ для насъ, а мы для султана,—это двѣ нераздѣлимые величины. Вертепъ! шайка! И—когда между этими людьми вспыхиваютъ ссоры,—вы сами можете вообразить, что за ужасы происходятъ. Имъ ничего и никого не жаль, ни предъ чѣмъ и ни предъ кѣмъ не совѣстно. Лгать, какъ лгутъ при дворѣ султана, не можетъ никакая дипломатія: для этого нужна полнѣйшая атрофія нравственности...

1894—1901.

Петко Каравеловъ.

(Впечатлѣнія и воспоминанія).

I.

Вымираетъ старая Болгарія—Болгарія освобожденія. Не стало Петка Каравелова. Можно смѣло и твердо сказать, что ушелъ съ земли самый честный и независимый изъ болгарскихъ политическихъ дѣятелей за истекшее двадцатипятилѣтіе болгарской свободы. Мы, русскіе, потеряли въ Каравеловѣ несомнѣннаго друга — одного изъ лучшихъ и искреннѣйшихъ, а потому и полезнѣйшихъ нашихъ славянскихъ друзей. Быть-можетъ, даже самага лучшаго и полезнаго...

Я не назову Петко Каравелова «русофиломъ». Казенная кличка эта слишкомъ часто употреблялась во зло и черезчуръ опошлена въ балканскомъ славянствѣ—особенно, послѣ 1894 года, начиная съ котораго «русофильство» въ Болгаріи сдѣлалось наиболѣе удобною лѣстницею къ власти и богатству для столькихъ авантюристовъ, безразлично готовыхъ на какія угодно фобства и фильства, лишь бы оныя «направленія» кормили ихъ хлѣбомъ,—а, буде возможно, то и съ маслицемъ... Опытъ трехъ путешествій въ славянскія земли сдѣлалъ меня изряднымъ скептикомъ по отношенію къ тѣмъ политическимъ партіямъ, которыя въ сказанныхъ земляхъ называютъ себя руссофильскими, громко крича о мнимой защитѣ ими русскихъ интересовъ и о покровительствѣ имъ русской государственной власти. Не отрицая паличности въ такихъ партіяхъ нѣсколькихъ дѣятелей, дѣйствительно и убѣжденно преданныхъ Россіи и понимающихъ неразрывность прав-

ственныхъ и политическихъ связей-интересовъ между нею и маленькими балканскими государствами, я давно уже прямо и откровенно говорю, что такихъ искреннихъ и умныхъ дѣятелей—весьма ничтожное меньшинство; а огромное большинство руссофильскихъ партій составляетъ изъ аферистовъ, которымъ рѣшительно все равно, Россія ли доведетъ ихъ до власти, Австрія ли, другая ли какая держава,—лишь бы у власти стать, пограбить страну и потѣшить свое самолюбіе. Руссофилами эти господа величаются только потому, что Россія—единственная иностранная держава, пользующаяся въ славянскихъ земляхъ неподдѣльною популярностью, съ вліяніемъ—всюду подъ Балканами сильнымъ, а въ Болгаріи, благодаря народной любви къ намъ, даже и повелительнымъ. Игра на русское имя—выгоднѣйшее макао болгарской политики; поэтому банкъ ея мечутъ безчисленные игроки и еще безчисленнѣйшіе шулера. Дѣйствія ихъ, какъ скоро банкъ ими сорванъ, и они становятся министрами, депутатами etc., конечно, не имѣютъ ничего общаго съ русскими интересами и, наоборотъ, весьма часто идутъ въ прямой вредъ русскому дѣлу и имени, компрометируя ихъ крайнею недобросовѣстностью и бездарностью лицъ, которыя пришли къ власти подъ русскимъ, хотя и самозванно поднятымъ, флагомъ. Политиканъ-руссофилъ въ Болгаріи, весьма часто и даже заурядъ,—вчерашній руссофобъ, съ самыми слабыми ручательствами, что и завтрашній. Для слишкомъ многихъ болгарскихъ политикановъ «руссофильствовать» значить лишь—безобязательно льстить и низкопоклонничать предъ нашими дипломатическими агентами въ Софіи, сноситься чувствительно-фразистыми телеграммами съ славянскимъ благотворительнымъ обществомъ, выступать фигурантами на приѣмахъ знатныхъ русскихъ путешественниковъ и т. п. Болгарскій политиканъ-руссофилъ и дѣятельностью своею. и образомъ мыслей, и рѣчами частенько напоминаетъ плутоватаго бурмистра Клима въ некрасов-

ской поэмѣ «Кому на Руси жить хорошо». Подобно Климѣ, онъ наслушался «мудреныхъ словъ»: «Москва первопрестольная! Душа великорусская!»—и умѣетъ великолѣпно декламировать ихъ во благовременіи. Подобно Климѣ, котораго единственною обязанностию было увѣрять Послѣдыша, будто крѣпостное право возвращено помѣщикамъ, и манифестъ 19 февраля 1861 года отмѣненъ, болгарскій руссофилъ неизмѣнно морочить податливыхъ русскія головы лукавымъ припѣвомъ: «Вы—наши отцы, а мы—ваши дѣти. Что законъ? Вы—нашъ законъ. Какъ вы повелите, такъ у насъ все и будетъ. Единокровные! Единовѣрные! Освободители! Только мы и живы, что вашими благодѣянiями!». И есть наивные люди, которые этимъ причитанiямъ вѣрятъ, и которымъ они нравятся, и которые не прочь устраивать для лъстивыхъ надувателей—Климовъ великія и богатая милости.

— Руссофилы... руссофобы...—иронически улыбаясь, говорилъ мнѣ давній, опытный русскій дѣлецъ, двадцать пять лѣтъ прожившій въ Болгаріи, Турціи, главнымъ образомъ, въ Константинополѣ,—цанковисты... стамбуловцы... А знаете ли, что было бы, кабы Стамбуловъ оставался въ живыхъ?

— Ну-съ?

— Онъ жилъ бы въ Петербургѣ на пенсіи, а всѣ эти господа «руссофилы» проповѣдывали бы ненависть къ Россіи и вели бы руссофобскую политику.

Мнѣ случалось слышать не отъ одного нашего дипломата на Востокѣ остроуту:

— Вы хотите знать, что такое quasi-руссофилы? Это—расходная графа въ бюджетѣ азіатскаго департамента, и больше ничего.

Настоящій, убѣжденный руссофилъ,—безъ ироническихъ кавычекъ,—любящій Россію безъ хитрости и заднихъ цѣлей, просто по благодарной памяти и родственной привязанности, это въ Болгаріи—простой

народъ, овчина. деревня. т. е. главная избирательская масса. Человѣкъ, имѣющій право или хотя вѣроятную возможность говорить съ народомъ отъ имени Россіи, — сила властная. Поэтому десятки политикамовъ стараются намозолить націи глаза, въ качествѣ «руссофиловъ», прослыть за людей, милыхъ и угодныхъ русской власти, за которыхъ, — въ случаѣ какого-либо политическаго недоразумѣнія, — Россія вступится, какъ за своихъ пріятелей, которыхъ она рада будетъ видѣть и въ министрахъ, и въ народныхъ представителяхъ. Достигнувъ иѣкоторой «руссофильской» извѣстности, болгарскій политиканъ, обыкновенно, спѣшитъ использовать ее невиннымъ самозванствомъ: морочить простодушную овчину своею мнимою интимностью съ русскимъ дипломатическимъ представительствомъ, русскими правящими сферами, русскимъ Государственнымъ банкомъ. Нѣтъ такой русской услуги, какой не посулилъ бы подобный «руссофилъ» своимъ избирателямъ и кліентамъ отъ имени нашего правительства, отъ его официальныхъ или офиціозныхъ людей, — лишь бы обезпечить себѣ голоса и симпатіи. Въ оплату обѣщаемыхъ услугъ внушается, будто Россія заинтересована въ болгарской внутренней политикѣ и общественной жизни до самыхъ мелочныхъ подробностей; если послушать болгаръ-«руссофиловъ», софійскому дипломатическому агенту нашему — рѣшительно до всего есть дѣло за Дунаемъ, а Петербургъ способенъ уже нахмурить чело, если околійскимъ начальникомъ въ какую-нибудь Елену или Ени-Загру будетъ назначень, вмѣсто добродѣтельнаго Ивана, злокачественный Θεодотъ. Вся выборная агитація 1900 года была построена цанковистами на монополизациі ими руссофильства. Агенты партіи, разъѣзжая по странѣ, особенно энергично упирали въ рѣчахъ своихъ на то обстоятельство, что мы-де истинные друзья Россіи и фавориты русскаго правительства, и что — стоитъ намъ прійти къ власти, чтобы Россія сейчасъ же дала Болгаріи денегъ и уплатила ея

долги (отъ 100 до 120 милліоновъ левовъ). Нѣкоторые рьяные агитаторы, особенно въ восточной Болгаріи, давали слово овчинамъ-избирателямъ, что «дѣдо Цанковъ» — послѣ князя Николая Черногорскаго — ближайшій другъ Царскаго дома, и что всякому, подающему голосъ за цанковистовъ, будутъ присланы изъ Петербурга двадцать рублей и корова. Для вящшей убѣдительности, размѣнивали левы, обреченные быть истраченными въ выборной агитаціи, на серебряные рубли и раздавали ихъ, какъ задатокъ будущихъ благъ изъ Россіи: вотъ-де-скатъ, сами видите — не какими-нибудь, а русскими, съ Царскимъ портретомъ, деньгами платимъ. Все это, при той огромной любви къ Россіи, какую полны болгарскія крестьянскія массы, разумѣется, должно было производить на мужиковъ могучее, обаятельное впечатлѣніе. Но тѣмъ горше было разочарованіе, когда населеніе увидало, что авторитетныя ссылки на Россію были лишь приемомъ избирательной кампаніи, и, вмѣсто русскихъ рублей и коровъ, оно получило лишь болгарскіе налоги. Конечно, такая эксплуатація русскаго авторитета съ партійными цѣлями была совсѣмъ не въ русскихъ интересахъ и дурно отозвалась на симпатіяхъ и довѣріи народа къ своей «Освободителькѣ».

Обѣщанія, которыхъ наобумъ надавали болгарскому народу цанковисты-русофилы отъ имени Россіи, и изъ которыхъ потомъ не сдержали ни одного, нанесли намъ болѣе тяжкіе удары, чѣмъ всѣ усилія руссофобской агитаціи стамбулистовъ *e tutti quanti*. Нашъ главный капиталъ въ славянскихъ земляхъ — вѣра въ насъ, убѣжденіе народное въ нашемъ неизмѣнномъ покровительствѣ и благожелательствѣ. Кто идетъ противъ Россіи открыто, не опасенъ намъ, потому что у него нѣтъ нравственной почвы подъ ногами, ему не вѣрятъ, онъ можетъ проскочить къ власти лишь фуксомъ, ошибкою, возможность каковыхъ обыкновенно, по дипломатической небрежности нашей къ вопросамъ ближняго Востока, мы сами же и создаемъ.

Вражда руссофобовъ можетъ насъ огорчать, уязвлять, раздражать, но въ концѣ концовъ безсильна намъ вредить, если мы сами не играемъ ей въ руку. Но каждый обманъ націи, производимый нашими «друзьями», въ родѣ цанковистовъ, ложится пятномъ на русское имя, силою котораго они производятъ свои операціи, и наносятъ неизлѣчимыя язвы русскому авторитету. Славяне, сами по себѣ, вовсе не ждуть, чтобы Россія устроила имъ медовыя рѣки въ кисельныхъ берегахъ, но—когда таковыя рѣки и берега обѣщаются имъ «на честное слово Россіи» ея мнимыми, громко афишированными друзьями и сторонниками,—начинаютъ ждать и, если хотите, имѣютъ на то полнѣйшее нравственное право. И, не получая ни меду, ни киселя, а только налоги, мыти и пошлины, принимаются проклинать обманы руссофиловъ, истолковывая ихъ какъ обманы самой Россіи. Руссофиламъ проклятiя эти—какъ съ гуся вода, потому что, во-первыхъ, они уже своего добились и всѣмъ, что имъ по чину хапнуть полагалось, воспользовались; а во-вторыхъ, потому что никакому руссофилу не закрыта возможность, когда угодно, перекачнуться въ руссофобы и заголосить даже громче послѣднихъ, призывая анаемы на хитрую обманщицу и предательницу «Москву». Примѣры тому безконечны. Можно даже спросить: кто изъ болгарскихъ дѣятелей не былъ тому, когда-либо въ жизни и карьерѣ своей, примѣромъ? Такимъ образомъ, весь скверный осадокъ подобныхъ политическихъ *qui pro quo* всегда и обязательно достается на долю Россіи, и вычернены мы осадками уже болѣе, чѣмъ достаточно. *Calomniez, calomniez,—il en restera toujours quelque chose*: это правило дѣйствительно даже для самыхъ крѣпкихъ и сильныхъ привязанностей, въ томъ числѣ и національныхъ. Когда-то Россія рисовалась воображенію балканскихъ славянъ бѣлымъ ангеломъ-освободителемъ. Было бы несправедливостью къ балканскимъ славянамъ утверждать, что теперь они воображаютъ ее уже «черною женщиною», но нельзя не согласиться и съ

тѣмъ, что снѣжную бѣлизну прежняго образа испестрило много нежелательныхъ пѣжинъ, да и общій тонъ видѣній, подцвѣтъ его сталъ сѣроватымъ. И виноваты въ томъ, повторяю, не столько враги, сколько «друзья». Неудивительно поэтому, что въ одинъ прекрасный день въ стамбуловскихъ органахъ появилось категорическое заявленіе о ложности выборныхъ обѣщаній отъ имени Россіи, напечатанное г. Грековымъ, съ благословенія нашего дипломатическаго агента въ Софіи, Ю. П. Бахметева. Несмотря на всю понятность и естественность такого акта, болгаре никакъ не могли уразумѣть его. Имъ казалось, что, не принимая на себя отвѣтственности за изобрѣтательность цанковистскихъ агентовъ, Россія какъ бы отталкиваетъ собственную свою партію, играетъ въ руку своимъ недоброжелателямъ. О томъ, что не дѣло иностраннаго государства мѣшаться въ мелкую политику партій, и что несогласно съ его достоинствомъ ставить бланки на каждомъ политическомъ векселѣ, какой угодно будетъ выдать нашимъ славянскимъ друзьямъ, — о томъ мало думали.

— Вѣдь никто бы не обвинялъ Россію, — наивно говорилъ мнѣ одинъ, виѣминистерскій, впрочемъ, политиканъ. — Обвиняли бы насъ: зачѣмъ надули отъ имени Россіи? Вѣдь здѣсь уже привыкли: какъ выборы, — такъ мы и начинаемъ обѣщать: русскіе дадутъ то, русскіе сдѣлаютъ это...

— А зачѣмъ расплачиваетесь съ «армянскимъ шансомъ», то-есть: «проигралъ, и не плачу»?

— Да вѣдь это ужъ правило выборной игры!

— Нечего сказать: хороша игра, да хороши въ ней и правила.

Лже-руссофильская группа являла порой картину такой денежной и правовой неурядицы, отъ которой съ отвращеніемъ отвели глаза свои всѣ непритворные и искренніе друзья Россіи, въ томъ числѣ маститый и почтенный Драгалъ Цанковъ. Среди народнаго собранія, старый вождь энергически, торжественно отрекался отъ юродствъ и без-

образій партій, имѣвшей притязаніе носить его имя, отъ злоупотребленій его вліяніемъ и авторитетомъ благосклонности къ нему въ Петербургѣ. Отрекся даже отъ зятя своего, Александра Людсканова, своего alter ego и второго вождя партій; отрекся отъ министровъ, проведенныхъ имъ, чрезъ соглашеніе съ Каравеловымъ, къ власти; отрекся отъ цанковистскихъ выборовъ и всѣхъ сопряженныхъ съ ними беззаконій. Я думаю, не легко было старому вождю произвести такую огромную и рѣшительную ломку въ пѣдрахъ «руссофильской» группы, и нужны были страшныя неурядицы и злоупотребленія, чтобы вызвать его на столь грозный поступокъ. Ждать власти чуть не два десятилѣтія и, получивъ, пережить полное банкротство надеждъ, которыя на нее возлагалъ, и людей, въ которыхъ видѣлъ ее опору, — тяжело на старости лѣтъ, тѣмъ болѣе — на такой ветхой и измученной старости, какъ Цанкова. Въ прошломъ этого дѣятеля осталось много темнаго, измѣнчиваго, уклончиваго; его колебанія, вибраціи политическія были шире, чѣмъ чьи-либо, и даже доходили въ 1859 году до готовности бросить болгарскій народъ къ ступенямъ папскаго престола. Но Болгарію Цанковъ несомнѣнно любитъ тепло и искренне и, если даже иной разъ предавалъ кого, то не ради себя, а ради идей своихъ о Болгаріи предавалъ. Въ политической борьбѣ, въ узахъ, въ изгнаніи, состарился, одряхлѣлъ боецъ, чая своего часа. И — когда часъ, хотя поздно, насталъ — надо отдать Цанкову справедливость. онъ умѣлъ поставить свою идею выше своего личнаго честолюбія, остался внѣ кабинета, отдавъ министерскіе портфели въ руки болѣе молодыхъ своихъ послѣдователей, свѣжихъ силами и энергіей. И вотъ — не прошло еще и года, какъ все это самоотверженіе оказалось поруганнымъ, затоптаннымъ въ грязь, и — чтобы спасти честь и правду своей идеи — бѣдному Цанкову пришлось вопіять къ болгарскому народу:

— Гоните прочь людей, которымъ я неосторожно вручилъ власть! Судите этихъ эксплуататоровъ, которые моимъ

авторитетомъ и руссофильскою репутаціей пробрались къ общественному пирогу, чтобы скушать его по всѣмъ правиламъ хищническаго искусства, надругавшись надъ страшною и ея безсильною конституціей.

Это кричалъ человѣкъ, которому уже нечего желать для себя отъ Болгаріи: онъ пережилъ и корысть, и политическія спекуляціи, и даже политическія симпатіи и антипатіи старыхъ партизанскихъ битвъ, — ему хочется лишь умереть съ именемъ честнаго патріота и убѣжденнымъ, что дѣло его было хорошимъ дѣломъ и останется въ хорошихъ рукахъ. И вотъ тутъ-то, въ послѣднемъ-то пунктѣ, какое разочарованіе! Какой срамъ предъ Болгаріей, предъ Россіей! — Бываютъ возрасты и положенія, когда люди выгнали рѣшительно все, что было суждено и надо имъ солгать въ жизни, — и видятъ, наконецъ, себя лицомъ къ лицу съ прямолинейною, неумолимою правдою, и убѣждаются, наконецъ, что она-то и есть мудрость, и безповоротно впадаютъ во власть ея и уже не могутъ ничего ни сказать, ни сдѣлать, отъ нея уклоняющагося... Такимъ порывомъ блеснулъ въ народномъ собраніи Цанковъ. Ужь, стало быть, нестерпимо сдѣлалось жить, барахтаясь въ партизанской тинѣ, если вожди фракцій должны уничтожать своихъ офицеровъ собственными руками, если старый Цанковъ долженъ на краю могилы уподобиться Юлію Бруту и, за неимѣніемъ сыновей, заклать на алтарѣ отечества Александра Людсканова.

Даже тѣни корыстнаго «руссофильства» не было въ покойномъ другѣ русскихъ, Петрѣ Каравеловѣ. Имя его чисто и благородно: оно не занесено въ списки ни австрійскаго Reptilien-Fond'a, ни въ безконечные реестры нашихъ «покровительствуемыхъ» славянскихъ пенсіонеровъ.

Послѣднюю встрѣчу съ Каравеловымъ я имѣлъ именно въ 1901 году, когда, послѣ скандальной смѣны нѣсколькихъ кратковременныхъ министерствъ, князь Фердинандъ, — словно бы въ пропическомъ отчаяніи какомъ-то, — составилъ

кабинетъ изъ заклятыхъ враговъ своихъ: каравелистовъ и цанковистовъ. Страна звала, — и старый, опытный, смѣлый боець Петко Каравеловъ не захотѣлъ уклониться отъ предложенной коалиціи, хотя и не слишкомъ-то ему пріятной. Въ прочность ея онъ не вѣрилъ, добра отъ нея онъ не ждалъ и, едва ставъ у власти, съ самаго начала, уже старался всячески разъяснить и устно, и въ своемъ «Прѣпорцѣ», что, несмотря на министерское объединеніе, онъ, Каравеловъ, остается самъ по себѣ и признаетъ себя отвѣтственнымъ, какъ шефъ, только за дѣянія каравелистовъ, въ поступкахъ же «цанковистовъ безъ Цанкова» умываетъ руки. Поэтому, въ періодъ каравелистскаго министерства, «Припорцѣ» весьма часто получалъ престранную фізіономію — правительственнаго органа, воюющаго, однако, съ правительствомъ не на животь, а на смерть. Сліяніе цанковистовъ съ каравелистами висѣло на весьма тонкомъ волоскѣ. Старикъ Цанковъ громко бранилъ Каравелова въ народномъ собраніи шарлатановъ, а органы каравеловской печати, не стѣсняясь, изобличили Цанкова и зятя его министра Людсканова въ неособенно-то благовидномъ приживальствѣ и попрошайничествѣ передъ русскимъ правительствомъ. Пенсія имъ шла до самаго 1896 г., т. е. до миропомазанія княжевича Бориса. Пріѣхавшій въ Болгарію русскій дипломатическій агентъ, г. Чарыковъ объявилъ официальнымъ болгарскимъ руссофиламъ, что субсидія имъ прекращается. Руссофилы стали умолять, нельзя ли сохранить субсидію? Имъ было отказано. Тогда началось клянчаніе: субсидію хотятъ прекратить съ 15-го мая, — такъ нельзя ли хоть съ 1-го іюня? Ужъ не знаю, удовлетворено ли было ихъ ходатайство.

— Трудность вашего положенія, — сказалъ я, между прочимъ, Каравелову при свиданіи, — какъ мнѣ кажется, осложняется именно тѣмъ, что въ послѣдніе выборы было набѣдано и государству, и народу слишкомъ много не-

исполнимаго. Разочарованіе неизбежно, и боюсь, что вы сдѣлаетесь жертвами разочарованія...

Каравеловъ прервалъ меня съ грустною улыбкою.

— Имѣю хоть то утѣшеніе, что—жертвами неповинными... Я ничего не обѣщаль! Моя партія ничего не обѣщала. Если цѣлковисты увлекали миражами, это — ихъ дѣло, имъ за то и отвѣчать. Я же все время и твердилъ, и твержу: не надѣйтесь на сверхъестественныя чудеса; ихъ не бываетъ,—тѣмъ паче, въ жизни государственной! Положеніе наше печально, надежды наши слабы, кредита въ Европѣ мы не имѣемъ, на русскую щедрость рассчитывать нѣтъ у насъ ни права, ни возможности, къ тому же Россіи и не до насъ. Она занята на Дальнемъ Востокѣ и денегъ намъ не дастъ. Самое бѣльшее, чего мы можемъ сейчасъ просить у Россіи,—это безмолвнаго поручительства за нашъ будущій заемъ, чтобы иностранные банки видѣли, что Россія принимаетъ нашъ долгъ къ свѣдѣнію и не порицаетъ. Ничего я не обѣщаль,—а ужъ въ особенности за счетъ иностраннаго покровительства, хотя бы и русскаго: Я до иностранныхъ вмѣшательствъ въ болгарскія дѣла, вообще, не охотникъ: обстоятельства заставляютъ иногда подчиняться ихъ необходимости; но вы сами легко поймете, что ничего утѣшительнаго въ такихъ необходимостяхъ нѣтъ, и покоряться имъ можно только съ краскою стыда на щекахъ. Экономія въ бюджетѣ, если не на 15, то по крайней мѣрѣ на 10 милліоновъ, совершенно необходима для Болгаріи—въ виду насущной потребности для нея новаго долгосрочнаго займа, которая назрѣваетъ съ каждымъ днемъ все настойчивѣе, говоритъ о себѣ все громче. Я увѣренъ, хочу быть увѣреннымъ, что изъ бюджетныхъ тисковъ намъ удастся выйти съ честью на будущее время, но—что дѣлать съ наслѣдіемъ прошлаго? что дѣлать съ массою летучихъ долговъ, ежечасно висящихъ надъ головою бѣднаго княжества, взывающихъ объ уплатѣ, грозящихъ странѣ, при несостоятельности болгарскихъ финан-

совъ, тѣмъ же непріятнымъ европейскимъ контролемъ, что испытала Греція? Здѣсь, конечно, одно спасеніе—превратить эту краткосрочную задолженность, бессильную оправдать себя своевременными уплатами, въ долгосрочную, погашаемую вмѣстѣ съ новымъ внѣшнимъ займомъ. Намъ нуженъ заемъ,—настойчиво требуется сократить бюджетъ. Вотъ прямыя задачи, съ которыми я сталъ у власти. Дѣла наши совсѣмъ не такъ отчаянно плохи, но мы растранижирили свои доходы, живемъ не по капиталу и, расходуясь на роскошь, часто не оставляемъ себѣ средствъ на хлѣбъ насущный, на просвѣщеніе, на орудія производствъ. Хватая верхи, мы то и дѣло подѣдаемъ себя въ корни. Провѣрить бюджетъ и ввести его въ рамки, не обременительныя для народа;—вотъ моя ближайшая практическая цѣль. Народъ разоренъ, обобрабъ. Нельзя его больше обирать! Нельзя рисковать его доходными статьями: жать для государства, что онъ съѣтъ для себя. Какъ ни дуренъ нашъ кредитъ, у насъ очень есть еще, что заложить: французскіе банки легко дадутъ намъ денегъ,—особенно, если благословить г. Витте, — подъ наши «монополы»... Но этого нельзя. А что можно? Скажу вамъ откровенно: я и самъ еще не разобрался. А наобумъ,—по апріорной теоріи, на отвѣтственность вдохновенія и внутренняго убѣжденія, — дѣйствовать нельзя. Мы не для опытовъ за дѣло взялись. Мнѣ не стыдно сознаться, что я встрѣчаю много неожиданнаго. Я давно не былъ у власти: возвращаюсь къ ней послѣ того, какъ многія старыя нити моего времени въ ней порвались, и старыя министерскіе иласты заформировались новыми наслоеніями до неузнаваемости. Предо мною—бюрократическій хаосъ, слагавшійся полтора десятка лѣтъ. Дайте же опредѣлиться и разобраться въ немъ: надо приглядѣться. Я твердо знаю, что намъ насущно нужно и что я могу сдѣлать,—скоро узнаю, и какъ сдѣлать. Никакихъ золотыхъ горъ я народу не сулилъ и не сулю,—но поручусь, что ни одна народная

стотинка не будет истрачена нами напрасно. А, что до общаній,—спрашивайте молочныхъ рѣкъ въ кисельныхъ берегахъ съ тѣхъ, кто увѣряетъ, будто онѣ спрятаны въ ихъ портфель. Что касается Россіи, то мнѣ, я полагаю, незачѣмъ разсыпаться предъ вами въ громкихъ фразахъ, какъ мы—болгары ее, свою Освободительницу, любимъ и сколько на нее уповаемъ. Вы это слышали тысячу разъ и знаете безъ моихъ увѣреній. Я лично могу только прибавить, что мнѣ-то, полурусскому по воспитанію и образованію, все русское,—поскольку оно уживается съ родными мнѣ болгарскими интересами,—особенно мило и дорого. Любовь болгаръ къ Россіи—это уже общее мѣсто, которое слишкомъ настойчиво повторять, по-моему, даже какъ-то пошлово: есть истины, настолько извѣстныя, что должны подразумѣваться сами собою: лѣтомъ—тепло, зимою—холодно; солнце свѣтитъ днемъ, луна—ночью, болгары должны быть вѣчно признательны русскимъ, русскіе—естественные покровители Болгаріи. Это рѣшено. Но вотъ, что касается проявленій любви, мнѣ кажется, она должна выражаться съ нашей стороны совсѣмъ не такъ, чтобы мы лѣзли къ русскимъ съ каждымъ нашимъ внутреннимъ затрудненіемъ и неурядицею. Наоборотъ, наша обязанность—какъ можно меньше беспокоить Россію приглашеніями къ опеке и одолженіямъ. Для насъ сдѣлано очень много. Благодаря Россіи, мы независимы; у насъ—превосходная конституція, залогъ будущей политической силы. Остальное надо искать не внѣ, но внутри насъ самихъ. Русскіе поставили насъ на добрый фундаментъ. Ну, а наше дѣло—на фундаментѣ этомъ строиться. Надо стоять на своихъ ногахъ! Русскіе—наша родня, наши друзья. Добрые друзья, любимая и любящая родня... Но, если родство и дружба наши будутъ выражаться только въ нытьѣ о нашихъ нуждахъ и въ жалобахъ на наши нелады, удивительно ли, что родня и друзья говорятъ намъ иной разъ: надоѣли вы намъ, братцы, хуже горькой рѣдьки?

Удивительно ли, съ другой стороны, что и мы иной разъ, взвѣсивая дипломатическія претензіи русскихъ, сравнительно съ современною энергіею ихъ къ намъ дружбы, бываемъ разочарованы, оскорблены, ворчимъ, дуемся? У васъ въ Россіи хорошо говорятъ, что дружба дружбою, служба службою. Другая современная фраза вашей дипломатіи и печати, что «для славянскаго вопроса эра сентиментальностей кончена». Прекрасно. Стало быть, родство—родствомъ, а дѣла—дѣлами. Есть подвиги незабываемые, чувства неизгладимыя. Но подвиги совершены, чувства проявлены. Пора быть трезвымъ, хорошимъ отношеніямъ. А въ нихъ, конечно,—первое правило: старайся сдѣлать для себя все, что можешь, самъ,—не рассчитывая, что работу сдѣлаеть за тебя пріятель...

Каравеловъ превосходно владѣль русскимъ языкомъ.

— Теперь, когда старость пришла,—смѣясь, говорилъ онъ мнѣ,—оставаясь почти безъ практики, я, конечно, впадаю въ болгаризмы и утратилъ чистый акцентъ... А вначалѣ, только-что пріѣхавъ изъ Россіи, я даже думалъ по-русски,—особенно, если вель научный или философскій разговоръ. Вѣдь терминологія-то наша только стала вырабатываться. Четверть вѣка назадъ у насъ былъ еще вѣкъ почти Остромирова Евангелія. Только поэты и писали хорошо. Но говорили мы и тогда уже недурно. Языкъ нашъ—чудный языкъ: живой, свѣжій, воспримчивый. Вы увидите: у него блестящая будущность. Жаль, что вы не владѣете имъ свободно: я бы далъ вамъ нѣсколько образцовъ удивительно быстрой эволюціи, которую онъ пережилъ въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Помяните мое слово: нашъ языкъ будетъ господствующимъ на Балканскомъ полуостровѣ,—недаромъ же сербы всюду пасуютъ предъ нашею рѣчью въ Македоніи...

Русскій университетъ, русская жизнь, русское общество шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ наложили на

Каравелова неизгладимый типическій отпечатокъ. Первымъ впечатлѣніемъ при взглядѣ на великаго болгарскаго трибуна было именно:

— Какой типичный «интеллигентъ семидесятыхъ годовъ»!..

Дальнѣйшее знакомство только поддерживало и усиливало это первое впечатлѣніе. Прямолинейно-матеріалистическое міровоззрѣніе, утилитаризмъ, какъ основное прогрессивное начало, народническій пылъ и строгая вѣра въ правовой порядокъ, любовь къ Писареву, Салтыкову, Некрасову, живо сохранились въ Каравеловѣ до конца дней его. Честенъ онъ былъ трогательно, бѣденъ, какъ церковная мышь. Его софійская хатка предъ скверомъ княгини Маріи-Луизы (если память мнѣ не измѣняетъ, эта улица называется Левскою, по имени дьякона Василія Левскаго, патріота и повстанца, нѣкогда повѣшеннаго турками) должна быть сохранена болгарскимъ народомъ не только, какъ жилище одного изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ мужей Болгаріи, но и какъ поучительный, пристыжающій и освѣжающій примѣръ для многихъ политическихъ дѣятелей настоящаго и будущаго болгарскаго. Вѣдь слово «министръ» давно уже сдѣлалось въ злополучномъ княжествѣ почти что синонимомъ «казнокрада». Попадая къ власти, болгарскіе политики, первую мѣрою, предпринимаятъ—выстроить себѣ поскорѣ дворецъ, «да правятъ кыштата», и настроено теперь эксъ-министерскихъ «кыштъ», благодаря частымъ «превратамъ», въ Софійи видимо-невидимо... Можно подумать, что вся внутренняя болгарская политика только ту цѣль и преслѣдуетъ, чтобы украшать улицы столицы богатою архитектурою стиля модерна, за народный счетъ—«на память» отставнымъ министрамъ. Среди этого откровеннаго строительнаго разврата, домикъ на курьихъ ножкахъ, гдѣ прожилъ свой вѣкъ Каравеловъ (кромѣ срока, проведеннаго, по милости Стамбулова, въ Черной Джаміи), дышитъ истинно-спартанскою

патріархальностью. Проходя мимо, благоговѣйно снимай шляпу, болгаринъ: предъ тобою жилище честнаго чело-вѣка, который не имѣлъ ни средствъ, ни времени позаботиться о собственномъ благѣ, потому что и день, и ночь думалъ о благѣ Болгаріи и для блага Болгаріи трудился.

Когда я посѣтилъ Софію въ первый разъ (послѣ паденія Стамбулова 18 іюня 1894 года), Каравеловъ сидѣлъ, или, — какъ въ Болгаріи больше принято говорить, — «лежалъ» въ Черной Джаміи. Лѣзть къ нему напроломъ въ Черную Джамію я считалъ неловкимъ, а г. Китанчевъ, кого я просилъ устроить мнѣ свиданіе съ Каравеловымъ, либо позабылъ о моемъ желаніи, либо Каравеловъ не захотѣлъ этой встрѣчи. Тогда онъ еще меньше разговаривалъ, чѣмъ разговорился къ концу іюля, когда, дѣйствительно, къ нему повалили пилигримы со всѣхъ концовъ Болгаріи. Но я въ эпоху этихъ пилигримствъ былъ уже въ Греціи. Популярность Каравелова въ эти дни была необыкновенно широка и могуча. Правительство, наскоро сплоченной покойнымъ Константиномъ Стойловымъ, «народной партіи» замѣтно боялось знаменитаго узника и, кажется, изъ всѣхъ дѣйствій низвергнутаго «тиранина и блудника», т. е. Стамбулова, втайнѣ сочувствовало только одной мѣрѣ — держать Каравелова подъ замкомъ, какъ опаснѣйшаго демагога. Я никогда не забуду, какую гримасу сдѣлалъ, при всемъ своемъ тактѣ и самообладаніи, Стойловъ, когда я поставилъ ему прямой вопросъ:

— Если всѣ согласны, что заключеніе Каравелова было дѣломъ личной ненависти Стамбулова, почему теперь, когда Стамбуловъ палъ, и сотни личныхъ жертвъ его возвратили себѣ права гражданства, — почему одинъ Каравеловъ забытъ въ темницѣ?

Стамбуловъ тоже злобно издѣвался въ своемъ отставномъ одиночествѣ:

— Я — насильникъ... я превышалъ власть, я губилъ самостоятельныхъ и сильныхъ соперниковъ... А «они» —

освободители? Что же они, освободители, Каравелова-то не выпускаютъ, томятъ въ Черной Джаміи? Или находятъ, что тамъ ему и мѣсто?...

— Отчего вы, освободивъ такъ много «политическихъ преступниковъ», не освобождаете Каравелова? — спросилъ я Радослава.

Онъ потупился.

— Противъ его освобожденія никто ничего не имѣетъ, — уклончиво произнесъ онъ, но тутъ замѣшались нѣкоторыя формальности и... маленькая доля принципиальнаго тумана. Во всякомъ случаѣ, я полагаю, что его освобожденіе дѣло самаго близкаго времени. Можетъ-быть, не пройдетъ и недѣли, какъ онъ будетъ на свободѣ.

Однако — послѣ этого разговора прошло около мѣсяца, а Каравеловъ попрежнему сидѣлъ въ Черной Джаміи. Предположеніе Радослава оказалось преждевременнымъ. По винѣ правительства или Каравелова? Говорили разное. Г. Китанчевъ, котораго я видѣлъ на другой день по его освобожденіи, сомнѣвался, чтобы Каравеловъ самъ хотѣлъ оставить тюрьму прежде, чѣмъ будетъ пересмотрѣно и оглашено его дѣло о прикосновенности къ убійству Бельчева.

Извѣстно, что вскорѣ обстоятельства перемѣнились. Стойловское министерство спохватилось, что Каравеловъ въ тюрьмѣ, пожалуй, сильнѣе Каравелова на свободѣ. Но, пожелавъ отъ него отдѣлаться, оно неожиданно очутилось въ положеніи охотника, который «поймалъ медвѣдя, а привести не можетъ, потому что медвѣдь не пускаетъ». Строптивый трибунъ, — полуслѣпой отъ тюремныхъ потемокъ, измученный ревматизмами и бронхитомъ отъ тюремной сырости, — тѣмъ не менѣе отказывался разстаться со своею ямою въ Черной Джаміи иначе, какъ по судебному приговору. Переговоры и просьбы уйти честью изъ тюрьмы, не омрачая ликующій правительственный день послѣднею тучею разсѣянной политической бури, продолжались очень долго. Наконецъ, Каравеловъ сдался, уступивъ просьбамъ собственной своей партіи.

Я познакомился съ Каравеловымъ въ февралѣ 1896 года, послѣ празднествъ въ честь присоединенія княжича Бориса къ православію. Живо помню, какъ—вошелъ я въ маленькія досчатыя сѣни и вижу предъ собою живую картину изъ «Наканунѣ»: за бѣдно накрытымъ, простымъ столомъ сидятъ нѣсколько болгаръ въ жилетахъ на рубахи, безъ пиджаковъ, и спѣшно, какъ очень проголодавшіеся люди, хлебаютъ изъ общей миски чорбу...

— Господинъ Каравеловъ дома?

Одинъ изъ болгаръ,—ясноглазый, съ большимъ лбомъ и курчавою вокругъ него сѣдиною,—всталъ изъ-за стола:

— Я—Каравеловъ. Чѣмъ могу служить?

Настроеніе трибуна, въ моментъ русско-болгарскаго примиренія, было не радостное, о чемъ онъ и писалъ въ своемъ «Знамени» рѣзко и откровенно. Онъ никакъ не могъ забыть и простить князю Фердинанду ни его стамбуловскаго избранія, ни долгаго стамбуловскаго режима,—былъ предубѣжденъ и вооруженъ противъ правительства страшно. То обстоятельство, что Россія пошла на миръ съ «Кобургомъ», совершенно его обезкураживало, вынимало у него почву изъ-подъ ногъ.

— Дешево же, дешево вы помирились!..—со страдаіемъ иронизировалъ онъ.—Дешево. Конечно, княжичъ Борисъ—очень симпатичное дитя, но какъ же мы-то всѣ теперь? Друзья Россіи, полагавшіе свою нравственную опору въ ея отчужденіи отъ Болгаріи незаконной, въ ея требованіи, чтобы Болгарія возвратилась на прямой путь своей конституціи, — мы оставлены, покинуты?.. Вѣрьте мнѣ: Россія раскается. Разрывъ съ прошлымъ не пройдетъ ей даромъ: она будетъ наказана, и очень скоро; она утратитъ свою нравственную связь съ Болгаріей и потеряетъ вліяніе на народъ...

— Вы, я вижу, оптимистъ, — желчно продолжалъ онъ, попивая жидкій студенческій чай, сквозь который было «Кронштадтъ видно»...—Ну, и давай вамъ Богъ не

ошибиться въ своей вѣрѣ и въ своемъ прекраснѣйшемъ. А я вижу не только, кто васъ обманетъ, но и какъ васъ обмануть...

Февральскія празднества онъ считалъ фальшивою мистификаціей, энтузіазмъ поддѣльнымъ, оваціи полицейски сфабрикованными.

— Гдѣ наши эмигранты?—воскликнулъ онъ. Гдѣ амнистія? Гдѣ свободно избранный князь? Гдѣ гарантія, что завтра правительство не повернетъ носа по другому вѣтру? Въ чемъ ручательство за прочность конституціи? Стамбуловъ былъ мой врагъ,—но нельзя же всѣ грѣхи валить на одного Стамбулова! Существуютъ режимы, при которыхъ Стамбуловыхъ можетъ быть сколько угодно, и изъ кого угодно можно сдѣлать новаго Стамбулова... Что же? Прикажете мнѣ вѣрить въ законѣрность лисицы Столлова и въ лойяльность скрытнаго звѣря Петрова?

Въ полемикѣ своей съ торжествующимъ правительствомъ Каравеловъ заходилъ даже слишкомъ далеко, оглашая на вѣру самые пристрастные партійные слухи и толки, въ родѣ хотя бы того, будто народъ для встрѣчи генерала Голенищева-Кутузова былъ согнанъ палками. Въ дѣйствительности,—я, какъ очевидецъ, могу съ убѣжденіемъ и сознаніемъ обстоятельствъ засвидѣтельствовать это,—оваціи, при встрѣчѣ официального представителя Россіи, по силѣ напряженія, по искренности восторга народнаго, приняты размѣры не только грандіозные, но совершенно исключительные: ни прежде, ни послѣ я уже такой бурной манифестаціи не видалъ. Когда надъ зданіемъ русскаго дипломатическаго агентства взвился давно не виданный русскій флагъ, вся многотысячная толпа такъ и ахнула общимъ «ура»; многіе плакали...

— Россія укрѣпила надъ нами власть своихъ злѣйшихъ враговъ,—тоскливо жаловался Каравеловъ. Не возражайте. Знаю все, что вы скажете: вы влюблены въ «Кобурга». Онъ васъ запѣлъ, заговорилъ. Онъ всѣхъ за-

пѣваетъ—спирена! Но, повторяю вамъ, я еще увижу, какъ вы раскаетесь въ своемъ довѣрїи,—скоро увижу... Тогда вы сами скажете: правъ былъ Каравеловъ: зналъ онъ людей,—и вамъ будетъ жалко, что вы мнѣ не вѣрили...

Мрачныя предсказанія эти покуда не исполнились...

Популярность Каравелова въ этотъ періодъ представлялась нѣсколько расшатанною, что онъ, повидимому, и самъ чувствовалъ, и на что въ разговорѣ намекалъ. Друзья его откровенно злились на своего шефа, что онъ, въ тюрьмѣ и послѣ тюрьмы, черезчуръ долго «жантильничалъ» съ правительствомъ и, проволочивъ время, упустилъ моментъ, когда ореолъ мученичества открывалъ ему возможность стать диктаторомъ, если не Болгарїи, то болгарскаго общественнаго мнѣнія, когда вниманіе народа было фанатически приковано къ кельѣ узника Черной Джамїи и повторяло слова его, какъ заповѣди. Но Каравеловъ не былъ честолюбивымъ авантюристомъ; добросовѣстность русскаго интеллигента-народника семидесятыхъ годовъ сказывалась въ немъ, необычнымъ для болгарскаго политика, критическимъ недовѣріемъ къ своимъ силамъ. У него вырывались (на что трагикомически жаловался мнѣ Китанчевъ) столь невѣроятныя, по мѣстнымъ нравамъ, признанія, какъ:

— Я слишкомъ долго пробылъ въ тюрьмѣ. Я отвыкъ отъ дѣйствительности. Я долженъ осмотрѣться, разобрать курсы дѣлъ.

Тургеневъ увѣрялъ, что—дайте русскому школьнику карту звѣзднаго неба, и онъ завтра же вернетъ вамъ ее исправленною. Болгарскіе школьники звѣздъ съ неба не хватаютъ, но—предложите любому постъ министра-президента, и мальчуганъ возьметъ за государственныя дѣла, ничтоже сумняшеся, съ такою увѣренностью, точно именно онъ затѣмъ и на свѣтъ родился. Понятно, что въ средѣ самонадѣяннаго политическаго авантюризма, добросовѣстность Каравелова многимъ казалась просто слабостью.

— Опустился...—говорили о немъ.

— Тюрьма сломила.

— Это—уже не Каравеловъ, а развѣ четверть Каравелова.

— По книжному разсуждать началъ! Книги виноваты. Слишкомъ много книгъ онъ въ тюрьмѣ перечиталъ...

Нѣкоторые даже цинически заявляли, что, молъ, политика—не училище добродѣтели и не богадѣльня; что изъ политической честности не шубу шить, и ловкій, энергическій авантюристъ, въ качествѣ шефа партіи, всегда имѣетъ шансовъ на успѣхъ больше, чѣмъ добросовѣтный старый кунктаторъ...

Такимъ образомъ, покидая Болгарію въ 1896 году, я очень мало расчитывалъ видѣть Каравелова когда-либо вновь вершителемъ болгарскихъ государственныхъ судебъ, — особенно, въ силу той непримиримой ненависти, которую онъ выказывалъ тогда къ князю Фердинанду. Князь тоже говорилъ о Каравеловѣ далеко неравнодушно. Замѣчательно, что такой умный и проицательный человѣкъ, какъ Стоиловъ, въ эту пору, считалъ Каравелова совершенно конченымъ человѣкомъ, говорилъ о немъ только-что не презрительно и исчислялъ его партію даже не десятками, по единицами.

II.

Возвратила Каравелова къ кормилу правленія именно та выжидательная политическая честность, за которую его объявили было слабовольнымъ. Четыре года, 1896—1900. послѣдовательно компрометировали всѣ политическія партіи Болгаріи. Утомленная скандалами въ своихъ эфемерныхъ министерствахъ, страна жаждала видѣть у власти честныхъ людей и не находила ихъ. Чтобы вернуть себѣ свое прежнее вліяніе, Каравелову не надо было прибѣгать ни къ какимъ ухищреніямъ и манифестаціямъ. Просто,—

Онъ стоялъ передъ отчизною
Воплощенной укоризною...

И каждый порядочный болгаринъ, мечтая о честномъ правительствѣ, вспоминалъ прежде всѣхъ именъ имя Петка Каравелова, гордаго, нищаго, неподкупнаго, пеустрашамаго. Каравеловъ сталъ для народа живымъ символомъ болгарской чести, политическаго благородства. Его требовалъ къ власти голосъ націи!

Князь Фердинандъ—человѣкъ большого ума и такта. И надо отдать ему полную справедливость: въ данномъ моментѣ, онъ поступилъ не только тактично, но и рыцарски, и какъ истинно-честный гражданинъ... Не помня старой непрязни, онъ пошелъ навстрѣчу симпатіямъ народа и, — какъ уже описано выше, — составилъ каравелистско-цанковистскій кабинетъ. Правда, что, исполняя народное желаніе, князь держалъ себя въ отношеніи новаго «своего» министерства довольно иронически и не скрывалъ, что не возлагаетъ на него особенно большихъ упованій, кромѣ одного:

— Поработавъ вмѣстѣ со мною, каравелисты и цанковисты убѣдятся: во-первыхъ, что я—совсѣмъ не такой дурной человѣкъ, какимъ они меня воображаютъ, а, во-вторыхъ, узнаютъ на опытѣ, что управлять Болгаріей, при современныхъ ея условіяхъ, гораздо труднѣе, чѣмъ во дни ихъ давняго могущества, пятнадцать лѣтъ назадъ.

— Вы много критиковали: не угодно ли творить самимъ?—насмѣшливо сказалъ онъ на одной аудіенціи, а на другой добавилъ:

— Господа, я знаю, что вы—честные люди. Вы имѣете мое полное довѣріе... Что же касается моего благоволенія, то вы о немъ и не заботитесь...

Какъ бы то ни было, ироническая или героическая рѣшимость принца Фердинанда составить кабинетъ изъ своихъ завѣдомыхъ противниковъ поразила Софію, какъ нѣчто крайне сенсаціонное. Распространился было даже глупый

слухъ, будто призваніе Каравелова и цанковистовъ—просто антиконституціонный фарсъ: князь-де хочетъ скомпрометировать послѣднія политическія группы, не успѣвшія еще осрамиться, а затѣмъ, доказавъ неспособность и непригодность и ихъ тоже, устроить «превратъ» и явить себя уже настоящимъ абсолютистомъ... Въ чепуху эту вѣрили многіе даже, казалось бы, серьезные и неглупые люди.

Въ мартѣ 1901 года я пріѣхалъ въ Софію, проѣздомъ въ Константинополь и Македонію, какъ разъ въ медовый мѣсяцъ новаго министерства (Каравеловъ, Сарафовъ, Даневъ, Бѣлиновъ, Людскановъ, Славейковъ и Паприковъ). Опять—домикъ на Левской улицѣ, со дворомъ, по которому протянулись черезъ грязь пляшущія дощечки къ кладовкѣ или кухонкѣ, гдѣ, какъ оказалось, и находился въ эту минуту министр-президентъ Болгаріи: ни стоиловскихъ жапдармовъ, ни радославовскихъ сыщиковъ-городовыхъ («сопаджіевъ»), ни стамбуловскихъ гайдуковъ на улицѣ предъ домомъ, во дворѣ и на крыльцѣ. Только собака лаяла, когда я входилъ въ хату Каравелова. Болгарь-ѣдоковъ изъ «Наканунѣ» на этотъ разъ въ сѣняхъ не было, но въ бѣдномъ убранствѣ ничего не перемѣнилось съ 1896 года. Изъ боковой двери неслись звуки скрипки... На кашель мой выглянула стройная, смуглая дѣвочка-подростокъ, гимназистка съ живымъ, симпатичнымъ личикомъ, разгорѣвшаяся румянцемъ: это именно она разыгрывала скриничные этюды...

— Папа дома... Вы не уходите... Онъ сейчасъ придетъ...

Словно на смѣхъ и нарочно для контраста, я попалъ въ каравеловскую простоту прямо изъ одного учрежденія-лилипута, гдѣ, прежде чѣмъ добратъся до «самого», мнѣ пришлось пройти сквозь цѣлый строй дежурныхъ докладчиковъ, помощниковъ и секретарей. Эта широкая доступность, эта безбоязненная простота, неумѣніе и нежеланіе

драпироваться въ тогу «великихъ міра сего» сразу подкупили посѣтителя въ пользу Каравелова. Нравилось, что онъ живетъ, какъ всѣ небогатые мѣщане живутъ, что не остерегается своихъ враговъ, что нѣтъ у него рѣшетокъ на окнахъ, верзилъ-палочниковъ въ передней, револьвера на письменномъ столѣ. Стамбуловъ, Стоиловъ, Радославовъ, Петровъ, Сарафовъ—всѣ окружали себя гласною или негласною гвардіей тѣлохранителей и принимали полицейскія предосторожности. Каравеловъ—одинъ—словно не вѣрилъ или не желалъ знать, что у него имѣются ярые враги.

И сидѣли мы, и опять пили жидкій студенческой чай съ видомъ на Кронштадтъ... Часть нашего разговора я уже передалъ выше. Каравеловъ очень хорошо понималъ трудность отвѣтственнаго положенія, которое онъ принялъ, и не скрывалъ: ни—что онъ нашелъ дѣла хуже, а обязанности сложнѣе, чѣмъ ожидалъ, ни—что призванъ къ власти, лишь скрѣпя сердце, по силѣ уступки необходимости.

— Эхъ!—отвѣчалъ онъ на мое поздравленіе,—слыхали вы пословицу: «когда осла зовутъ на свадьбу это значить, что попадобились дрова или вода»...

Въ теченіе всего нашего свиданія, русскіе писатели, русская школа, русская культура не сходили у него съ языка. Передъ отъѣздомъ изъ Россіи, я имѣлъ разговоръ съ однимъ крупнымъ предпринимателемъ, который, узнавъ, что я ѣду въ Софію, гдѣ имѣю знакомства, просилъ меня навести справки, какъ развивается и проектируется болгарская желѣзнодорожная сѣть. Я говорилъ объ этомъ съ Каравеловымъ (въ то время въ рукахъ его было и министерство фипансовъ). Онъ сдѣлался необыкновенно внимателенъ...

— Вѣдь у насъ есть законъ: право постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ принадлежитъ только государству. Но этотъ законъ, собственно говоря, лишь оборонительный. Онъ былъ предложенъ и проведенъ исключительно затѣмъ, чтобы австро-германскіе желѣзнодорожные тузы не захва-

тили насъ въ рабство. Но мы сами слишкомъ бѣдны, чтобы осуществить необходимыя намъ и уже рѣшенныя дороги. Поэтому, хотя принципиально я, конечно, стою за строгую государственность путей сообщенія, но, по нуждѣ, изъ всякаго правила бываютъ исключенія; поэтому, если бы можно было привлечь къ нашему желѣзнодорожному дѣлу солидные русскіе капиталы, то, по всей вѣроятности, народное собраніе не затруднилось бы отмѣнить законъ, если не вообще, то въ видѣ особой льготы, не въ примѣръ прочимъ.

— Значить, русскаго желѣзнодорожнаго рабства вы не бонтесь? — улыбнулся я.

— Нисколько. Его не можетъ быть. Прежде всего, мы не состоимъ въ непосредственной желѣзнодорожной связи съ Россіей, и, слѣдовательно, не зависимъ отъ ея путей въ такой мѣрѣ, какъ отъ австро-германской сѣти. Во-вторыхъ, русскій капиталистъ, конечно, далеко не безкорыстный предприниматель, но онъ, по крайней мѣрѣ, за деньгами охотясь, только о деньгахъ и думаетъ, а не воображаетъ себя героемъ культуркампа, творящимъ нѣкую политическую миссію, онъ — не завоеватель. Въ-третьихъ, безъ чужой помощи намъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ трудно обойтись, — такъ ужъ пусть эта помощь будетъ лучше славянская, чѣмъ швабская. Князь Хилковъ нѣкогда настроилъ намъ отличныхъ шоссе: отчего намъ не увѣровать и въ русскія желѣзныя дороги? Въ-четвертыхъ, — если предъ европейскими дѣльцами мы еще дѣти, то съ вашими-то, пожалуй, уже почти ровесники. Насъ, — засмѣялся онъ, — никакіе Губонины не заглотаютъ: сами имѣемъ зубы! Въ-пятыхъ и главныхъ, уже безъ всякихъ шутокъ, чѣмъ больше будетъ возникать у насъ точекъ дружескаго, культурнаго соприкосновенія съ Россіей, тѣмъ лучше. Изоляція отъ Россіи намъ не только общественно вредна, но и политически опасна, какъ зловѣще доказалъ нашъ конфликтъ съ Румыніей, когда мы оказались неожиданно отрѣзанными

отъ міра... Но, конечно, такъ какъ вопросъ, васъ интересующій, можетъ быть практически разрѣшенъ только въ законодательномъ порядкѣ, то предлогъ къ нему долженъ быть обоснованъ въ высшей степени солидно, и не съ одной матеріальной стороны, но и нравственными гарантіями, именами и репутаціей предпринимателей. Мы столько нарывались на иностранныхъ аферахъ!.. Эхъ, господа русскіе!—продолжалъ онъ дружески укоризненнымъ тономъ. Не будь ваши капиталисты такъ избалованы и неподвижны, какимъ бы прекраснымъ рынкомъ была для васъ Болгарія, а, чрезъ Болгарію, и всѣ славянскія земли! Но настоящіе, авторитетные ваши коммерсанты брезгаютъ Балканскимъ полуостровомъ, какъ мелочью, а аферисты безъ капиталовъ только подрываютъ довѣріе къ русской промышленности и компрометируютъ русское имя. Чѣмъ представлять славянскимъ народамъ русскую коммерцію рискованными предпріятіями на фу-фу, лучше ужъ совсѣмъ ея не представлять... Правда?

— Конечно.

Каравеловъ засмѣялся.

— Если вы собираетесь изучить проекты нашихъ желѣзныхъ дорогъ, обратитесь къ Бѣлинову: онъ дастъ вамъ свѣдѣнія. Васъ, вѣроятно, удивятъ двѣ странныя особенности нашей предполагаемой сѣти: множество маленькихъ параллельныхъ линій и—чуть не изъ cadaго городка—свой самостоятельный выходъ къ Дунаю. Но вы не смущайтесь этимъ чудачествомъ. Надо умѣть различать настоящія дороги отъ «депутатскихъ».

— То-есть?

— А видите ли: страна наша такъ жестоко страдаетъ отъ недостатка въ путяхъ сообщенія, что желѣзныя дороги—прямо неотвязная мечта какая-то въ большинствѣ избирательныхъ округовъ. Во время выборной агитаціи, кандидаты прельщаютъ избирателей: только, молъ, отправьте въ собраніе представителемъ меня, а ужъ дорогу я вамъ вы-

хлопочу. И вотъ—представитель въ собраніи. Избиратели памятливы, въ покоѣ его не оставляютъ: «гдѣ наша дорога? Юдай дорогу...» Въ одинъ прекрасный день, голосъ депутата и вліяніе его оказываются пужными какой-либо сильной партіи. Очень хорошо, — говоритъ депутатъ, — я по этому вопросу—вашъ человекъ, но услуга за услугу: вы поддержите проектъ моей дороги.— По рукамъ!.. Тѣмъ охотнѣе, что партія, вотируя за дорогу, рѣшительно ни къ чему себя не обязываетъ: утвердить дорогу въ идеѣ — одна вещь, а привести идею въ исполненіе—другая. Ни денегъ вѣдь, ни кредита на нее нѣтъ, и, сколько ни включай ее въ роспись государственной смѣты, такъ она и останется въ графахъ мертвою буквою и цифрою. Прежде нея, если бы и были деньги, нужно еще десятокъ тысячъ километровъ построить, раньше вотированныхъ. Стало быть; какъ бы дорога ни была нелѣпа, все равно: отъ воздушныхъ замковъ худа никому не бываетъ, а въ дѣйствительность они никогда не перейдутъ. Но, —серьезно закончилъ онъ,—это, если и не преступная, все-таки мистификація, игра человѣческимъ довѣріемъ; двусмысленная, способная легко превратиться въ злонамѣренное надувательство. Я счастливъ заявить, что между моими друзьями нѣтъ людей, прибѣгающихъ къ подобнымъ продѣлкамъ...

— Если взгляните пристальнѣе, —прибавилъ онъ; подумавъ,—то, при всей своей нелѣпости, эти депутатскія дороги—тоже показаніе, хотя и отъ противнаго, въ пользу строжайшаго соблюденія принципа государственности желѣзныхъ путей. Допустите сейчасъ; при нашей задолженности и нервной страсти быстро разбогатѣть, частныя строительство и эксплуатацію, и десятки городовъ бросятся за деньгами въ Вѣну, Будапештъ, Парижъ, и сразу очутятся въ лапахъ европейскихъ банкировъ и желѣзнодорожныхъ компаній. И закапаетъ тогда сокъ изъ насъ, вотъ—какъ изъ этого лимона...

Случалось мнѣ разговаривать о Каравеловѣ не съ

одними друзьями его, но и съ ожесточенными врагами, готовыми его утопить въ ложкѣ воды. Они, конечно, ввели на трибуна кучу всяческихъ пороковъ и недостатковъ. Но его поразительной политической честности и денежной нестяжательности не смѣли отрицать даже эти предубѣжденные, озлобленные люди. Издѣвались больше надъ его мягкостью и «слабохарактерностью» въ домашнемъ быту, т. е.,—переводя на языкъ цивилизованнаго общества,—надъ хорошими, деликатными отношеніями къ женѣ и семьѣ, въ которой Каравеловъ, какъ истый воспитанникъ шестидесятихъ годовъ и человекъ семидесятихъ, хотѣлъ видѣть своихъ друзей и товарищей, а не полурабовъ восточнаго домовладыки...

Съ женою Каравелова, Катериною Николаевною, мнѣ не пришлось познакомиться. Говорятъ, она женщина замѣчательнаго ума и образованія, совершенно исключительнаго гражданскаго мужества и той же свободолюбивой народнической закваски, какъ и покойный супругъ ея. Героическую стойкость своихъ убѣжденій она обнаружила во время заключенія Каравелова въ Черной Джаміи, когда, живя въ Русчукѣ, только-что не умирала съ голода, но отвергла лицемѣрныя попытки стамбуловскаго правительства оказать ей помощь. Катерина Николаевна перевела на болгарскій языкъ «Логикъ» Милля и, вообще, популярна, какъ переводчица, писательница и пылкая публицистка. Многія боевыя статьи «Знамени» и «Прѣпорца» приписывались ей перу. Страстная порывистость и властность характера жены, конечно, не могли остаться безъ вліянія на дѣятельность мужа,—тѣмъ болѣе, что Катерина Николаевна обладаетъ рѣдкимъ даромъ слова.

— Бывало,—разсказывалъ мнѣ одинъ каравелистъ,—сойдемся мы къ шефу на совѣщаніе. Споръ, шумъ. Катерина Николаевна тутъ же, въ углу, ребенка качаетъ. Вдругъ услышитъ что-нибудь не по душѣ себѣ... — Пойдите, господа! Подожди, Петко! Это — не такъ, это надо рассу-

дять... И сейчас же сунеть мужу ребенка на руки, выбѣжить на середину комнаты и пошла отчитывать нашу честную компанію. Выговорится, объяснится, растолкуеть, что хотѣла, — и опять къ младенцу...

Отъ товарищескаго равенства сильныхъ умами мужа и жены до женовластительства и «башмака», которымъ попрекали Каравелова его зложелатели, разумѣется, — дистанція огромнаго размѣра. Дай Богъ всякому политическому дѣятелю такую жену-товарища, и дай Богъ всякой женѣ стоять въ глазахъ мужа на такой высотѣ, какъ цѣпиль Катерину Николаевну Петко Каравеловъ.

Недостатки и промахи Каравелова были не лично ему характерные, но типическіе; привила ему ихъ старая, еще рабская Болгарія. Обвинителямъ Каравелова никогда не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ еще человѣкомъ ига. Отсюда частая неразборчивость его въ средствахъ политической борьбы, нѣкоторое «византійское» лукавство дѣйствія, скрытность, пристрастіе къ своимъ партизанамъ, неровность характера, вспыльчивость, а въ вспыльчивости — грубость.

— Какъ будто «вашъ» Каравеловъ никогда не палочничалъ! — язвительно сказалъ мнѣ въ 1894 г. покойный Стамбуловъ, исчисляя и опровергая предъявленныя къ нему обвиненія.

Но пятнышки солнца не препятствуютъ ему быть солнцемъ. Неудачи и личные недостатки Каравелова давно уже стусеивались для Болгаріи за огромными достоинствами, его, какъ дѣятеля и человѣка, за пользою, которую онъ принесъ своей страдалицѣ-родинѣ. Образъ Каравелова, какъ безкорыстнаго, самоотверженнаго патріота, останется сіять въ будущихъ славянскихъ поколѣніяхъ, незабвеннымъ примѣромъ человѣка, для котораго слово «родина» было требовательнѣе и святѣе слова «я». Жизнь Петко Каравелова достойна плутарховыхъ страницъ: такъ полна она эпизодами дивной гражданской красоты. Великолѣпна — патріотическая роль его въ румелійскомъ переворотѣ. Велико-

лѣпна фигура его. суроваго обличителя, предъ Александромъ Баттенбергомъ, убѣжавшимъ было съ поля сливницкой битвы. Великолѣпнѣ онъ въ сырой, какъ погребъ, камерѣ Черной Джамии, узникомъ, побѣждающимъ своихъ тюремщиковъ..

— Ломай меня, сколько хочешь, а согнуть — не согнешь.

Но всего великолѣпнѣе онъ, на мой взглядъ, все-таки, въ своей хаткѣ, — хижинѣ новаго Цинцината, — на Левской улицѣ, гдѣ

Волею умеръ онъ, какъ жилъ...

Повторяю: прямая обязанность болгаръ сохранить это жилище въ его смиренной и поучительной неприкосновенности. Оно лучше самыхъ краснорѣчивыхъ панегириковъ объяснить потомству, какіе люди освобождали и созидали Болгарію, и почему хватило у нихъ нравственной силы освободить и создать ее, при противодѣйствіи вдесятеро сильнѣйшихъ. Болгарская интеллигенція, на ряду съ множествомъ прекрасныхъ положительныхъ чертъ своего характера, часто обнаруживаетъ черезчуръ большую склонность къ эгоистическому, гордому «буржуйству». Въ ней ужъ слишкомъ быстро и нагло развивается въ послѣднее время бюрократическая и коммерческая аристократія. Ей нужны отрезвляющіе уроки противъ этого антипатичнаго теченія. Однимъ изъ такихъ полезныхъ постоянныхъ уроковъ былъ бы видъ житейскаго памятника народному трибуну, который я позволяю себѣ рекомендовать. Пусть хижина болгарскаго Цинцината постоянно напоминаетъ Болгаріи объ ея демократическомъ первоукладѣ, коего типичнѣйшимъ представителемъ былъ покойный Каравеловъ! Единственно при условіи такого уклада, Болгарія, — какъ и всякій славянскій край, — въ состояніи быть свободною, сильною, уважаемою. Сохраните память Каравелова, болгаре, и память эта убережетъ васъ самихъ отъ многого зла!..

О славянскомъ разселеніи на Балканахъ.

Вотъ статистика знаменитаго ученаго географа Риттера, очень хорошаго нѣмецкаго патріота, котораго, конечно, никто не заподозритъ въ стремленіи создать Великую Болгарію, въ обиду сербамъ и въ угоду русскимъ. Въ Македоніи, по Риттеру,

Болгарь	1.124,288
Турокъ и помаковъ	360,626
Сербовъ, албанцевъ и валаховъ	422,357
Грековъ	59,833

Сербская печать не только не опровергала этой статистики Риттера, но и попала-то она, цитированная въ извѣстной книгѣ Лавелэ, въ руки послѣдняго автора чрезъ хорватскій журналъ «Слобода».

Преобладающимъ національнымъ элементомъ въ Македоніи признаютъ болгарь Реклю, Убичини, Круссъ, Лежанъ и Кипертъ, авторъ знаменитой этнографической карты, сыгравшей столь важную роль въ дипломатической исторіи Балканскаго полуострова за послѣднія десятилѣтія. А вотъ мнѣніе по этому поводу князя Бисмарка, высказанное 19-го февраля 1878 года въ отвѣтной рѣчи на запросъ Бенцигсена:

«Этнографическое положеніе Болгаріи, — что мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника и какъ оно видно изъ лучшей карты, какую только мы знаемъ, карты Киперта, — таково, что національныя границы ея переходять: на *западъ*, почти безъ чуждой примѣси, по ту сторону Сало-

никъ, а на *востоки*, съ небольшою чуждою примѣсью турецкаго элемента, простираются вплоть до Чернаго моря».

Цифры Офейкова (Шопова) представляютъ собою плодъ многолѣтняго изученія Македоніи. Онѣ провѣрены Эмилемъ де-Лавелэ, чрезъ сношеніе съ разными достовѣрными корреспондентами, а, послѣ Лавелэ, повѣрку его сообщенія произвелъ майоръ Троттеръ, лично проѣхавшій по Македоніи. Именно по его окончательному свидѣтельству, «въ Ускюбѣ сербовъ уже нѣтъ».

«Чтобы разрѣшить этнографическій вопросъ, — говоритъ Троттеръ, — было бы достаточно послать въ Македонію двухъ болгарскихъ архіепископовъ, уже утвержденныхъ Портою, и произвести преобразованія, условленныя Берлинскимъ трактатомъ. Тогда вскорѣ все населеніе признало бы себя болгарскимъ; сербскія и греческія притязанія пали бы сами собою, за исключеніемъ округовъ, которые мною указаны (Призренъ, Дьякова, Приштина, Митровица, Ново-Базаръ etc.)». Первую реформу (епископальную) уже удачно произвелъ Стамбуловъ въ 1894 году: это — его послѣдній успѣхъ предъ паденіемъ. И, дѣйствительно, успѣхъ болгарскаго экзархата въ Македоніи превзошелъ всѣ ожиданія, тогда какъ сербамъ и до сихъ поръ (1903) не удастся отвоевать у грековъ ускубскую митрополию для своего Фирмилиана. Вторая половина *ria desideria* Троттера еще ждетъ осуществленія.

Сербы Эмиля де-Лавелэ очень не долюбиваютъ, какъ болгарофила. Однако, дай Богъ, чтобы любой славянинъ такъ благожелалъ балканскимъ славянамъ и такъ здраво мыслилъ о будущей балканской федераціи, какъ Эмилъ де-Лавелэ, хотя онъ и не любилъ Россіи и боялся ея вліянія на Балканахъ. И этотъ человѣкъ былъ глубоко правъ, когда писалъ, во время братоубійственной войны, поднятой сербами противъ болгаръ: «Если бы вмѣсто того, чтобы принять сторону турокъ и совершить столь же бессмысленное, сколько и преступное нападеніе на братьевъ, — Сербія

вступила въ союзъ съ Болгаріей и съ Греціей, съ цѣлью освободить Македонію, то нынѣ она владѣла бы Старою Сербією; Греція могла бы расширить свои предѣлы до границы своей этнической области; а остающаяся часть провинці подпала бы подъ власть Болгаріи». Но, вмѣсто того, чтобы стремиться къ простой и прямой разгадкѣ территориальнаго распредѣленія Балканъ, Миланова Сербія, озлобленная объединеніемъ Болгаріи и Румелии, бросилась нелѣпымъ набѣгомъ на болгаръ и потерпѣла тяжкое наказаніе въ Сливницѣ и Пиротѣ. Человѣка, посвятившаго перо своей цѣли непремѣнно доказать Европѣ необходимость стройной балканской федераціи, странно подозрѣвать въ желаніи пробудить междуславянскую распрю, а де-Лавелэ былъ именно такимъ человѣкомъ, и глубокою скорбью дышатъ страницы, написанныя имъ о сербско-болгарской войнѣ, этой великой политической глупости, которою Миланова Сербія значительно подорвала вѣру въ себя во всемъ славянствѣ и обрубила себѣ крылья, нужныя для полета къ идеалу объединенной великой Сербіи.

Замѣчанія объ освободительномъ движеніи въ Македоніи.

Сочувствовать македонской свободѣ можетъ и долженъ каждый славянинъ. Но македонская свобода не можетъ быть достигнута собственными же, македонскими средствами. Страна слишкомъ мала и слаба, чтобы бороться противъ стамбульской мощи, которой стоитъ только знакъ подать, чтобы десятки тысячъ свирѣпыхъ аскеровъ бросились на «Румели-вилайэти» и раздавили его, какъ мышь, прежде чѣмъ Европа спохватится, — даже прежде чѣмъ Европа узнаетъ. Итакъ, собственными силами Македонія освободиться не можетъ.

Желать вооруженнаго движенія въ Македоніи сейчасъ, при полной неподготовленности страны къ возстанію, при связанныхъ у всей Европы рукахъ, при сербо-болгарской розни, при огромныхъ заготовленіяхъ, сдѣланныхъ турками противъ саомалѣйшей возможности движенія, можетъ только злѣйшій врагъ, безсовѣстнѣйшій врагъ славянства. Или же *круглый дуракъ*. Такъ, именно этимъ самымъ словомъ и выразился въ бесѣдѣ со мною о македонскихъ комитетахъ одинъ изъ высокопоставленныхъ рѣшителей судебъ балканскаго славянства. Никто въ Европѣ, ни одна изъ великихъ державъ не въ состояніи сейчасъ дѣятельно вступить за македонцевъ противъ турокъ, — кромѣ, развѣ что, Австріи. Но одно имя Австріи производитъ панику въ македонскомъ славянствѣ, да и — кто же

пустить Австрію хозяйничать въ Македоніи? Вѣдь это было бы крушеніемъ всѣхъ идей панславизма, это было бы концомъ восточнаго вопроса, это было бы рѣшительною и послѣднею побѣдою міра германскаго надъ міромъ славянскимъ. Послѣ того намъ, русскимъ, осталось ли бы лишь скромненько сойти въ разрядъ государствъ съ зачеркнутыми историческими задачами, съ непризнанными расовыми идеалами, — государствъ въ родѣ современныхъ Италіи и Испаніи, только въ увеличенномъ форматѣ. Молодыя славянскія государства, сосѣдствующія съ Македоніей, слишкомъ юны и слишкомъ бѣдны, чтобы вступить въ борьбу за нее съ могущественною сюзеренкою. Притомъ, государства эти раздираются и внутреннимъ нестроеніемъ, и вѣшною семейною враждою. Болгары и сербы взаимно ненавидятъ другъ друга, каждый считаетъ Македонію своимъ законнымъ достояніемъ. Создавать Македонію для Македоніи ни болгаре, ни сербы не имѣютъ ни малѣйшаго желанія. Энтузіасты автономной Македоніи встрѣчаются только между македонскими же уроженцами. Ни сербу, ни болгарину автономія Македоніи ничуть не улыбается. Что же касается до того — станетъ ли Македонія болгарскою или сербскою, — то любой болгаринъ скажетъ вамъ съ полнѣйшею искренностью:

— Пусть лучше вѣчно владѣютъ ею турки. чѣмъ дать ее сербамъ и пустить ихъ къ Эгейскому морю.

А сербъ:

— Пусть лучше турки творятъ тамъ, что хотятъ, — только бы ваши проклятыя братушки не осуществили Великую Болгарію отъ моря до моря!

Въ Македоніи не рѣшенъ вопросъ народностей и врядъ ли когда-либо будетъ удовлетворительно рѣшенъ. Если вѣрять Гопчевичу и Ястребову, въ ней почти нѣту болгаръ: все сербы. Если вѣрять Офейкову и Милюкову, — нѣту вовсе сербовъ, все болгары. Вѣроятнѣе всего, что мы имѣемъ дѣло съ совершенно самостоятельною вѣтвью славянства,

промежуточною между болгарствомъ и сербствомъ. Но сама по себѣ вѣтъвъ эта недостаточно значительна, чтобы отвоевать себѣ свободу и сдѣлаться государственною единицею. Слѣдовательно, какъ бы ни рѣшился вопросъ ея національности, она лишена возможности жить, такъ сказать, въ самое себя и обречена служить политическимъ матеріаломъ — прямо для сосѣдей, переносно и косвенно — для Европы, руководящей сосѣдями.

Основная причина неудачъ македонской революціонной организаціи заключается въ томъ, что она пытается средствами, исторически доказавшими свою разрушительность противъ государственнаго порядка на европейскій ладъ, ниспровергнуть систему и власть, ничего общаго съ европейскимъ порядкомъ не имѣющія; что тактикою, которая рушила много европейскихъ правительствъ, она думаетъ уничтожить военное иго, длящееся въ Македоніи и Старой Сербіи вотъ уже пять вѣковъ; что орудія, побѣдоносныя въ войнѣ гражданской, междоусобной, примѣняются къ войнѣ внѣшней, потому что турокъ — не согражданинъ и не согосударственникъ славянина, а былъ, есть и будетъ его внѣшній врагъ.

Обычная революціонная система дѣйствія въ Европѣ — это подорвать довѣріе народное къ существующему политическому строю, къ охранѣ государствомъ правъ имущества и личности, наглядно явить безсиліе правительства, либо даже злонамѣренность его противъ гражданства. Съ этою цѣлью революціонеры устраиваютъ смуты, покушенія, наполняютъ край бандами повстанцевъ, сила и энергія которыхъ должны убѣдить мирное населеніе, что революція уже сильнѣе дряхлаго и расшатаннаго правительства, что ей можно и стоитъ довѣриться, что практично и цѣлесообразно пойти за нею, что она — другъ страны, тогда какъ ниспровергаемое правительство — ея злѣйшій врагъ. Убѣдить гражданство во враждебности къ нему правительства и въ обманчивости послѣдняго — первый шагъ всякой

европейской революціи. Но въ христіанскихъ провинціяхъ Турціи онъ не нуженъ, безцѣленъ и безсмысленъ. Ибо онъ является уже *post factum*.

Нельзя разрушать того, что никогда не существовало, — поэтому нельзя и разрушить «существующаго порядка» въ христіанскихъ областяхъ Оттоманской имперіи.

Оттоманской имперіи, какъ гражданскаго правительства, не существуетъ, никогда не было и никогда не будетъ существовать. Больше того: послѣ пятисотлѣтняго обладанія Балканскимъ полуостровомъ; не будучи правительствомъ, ей не стоитъ, невыгодно, нежелательно превращаться въ таковое. Къ тому приглашаетъ ее Европа требованіемъ реформъ въ славянскихъ земляхъ, а Турція, чувствуя, что въ реформахъ этихъ ея смерть, систематически и очень ловко уклоняется изъ года въ годъ, сперва отъ признанія ихъ въ теоріи, а потомъ — отъ примѣненія теоріи къ практикѣ.

Вотъ основныя положенія современнаго балканскаго политическаго катехизиса, ихъ же и сами турки приѣмлютъ.

1. Македонское христіанство въ ужасномъ положеніи.

2. Болгаре и называющіе себя болгарами въ Македоніи претерпѣваютъ жестокія притѣсненія.

3. Переворотъ въ Македоніи, по современнымъ политическимъ условіямъ, парализующимъ силу европейскихъ державъ, невозможенъ, но —

4. Необходимо, чтобы султанъ осуществилъ программу реформъ берлинскаго трактата.

5. А турки объ этихъ реформахъ и слышать не хотятъ, —

6. Потому что, правду-то говоря, самъ султанъ, какъ жестокій фанатикъ и палачъ въ душѣ, прежде всѣхъ и упорнѣе всѣхъ никакихъ реформъ не хочетъ.

Турки не боятся никакихъ переменъ въ своемъ собственномъ внутреннемъ строѣ, но у нихъ является инстинктивный трепеть предъ всякими улучшеніями въ бытѣ наро-

довъ, ими управляемыхъ. Они не испугались обмануть Европу введеніемъ Митхадовой конституціи, не испугались, что слабое подобіе конституціонныхъ формъ переродитъ ихъ расу, сломаеъ исконный строй политеократической, полутиранической власти. Они понадѣялись на свойственный имъ внутренний консерватизмъ вѣры, ума и духа, сильнѣйшій всякихъ внѣшнихъ формъ, и оказались правы. Они пообѣщали Европѣ, что переѣдутся. Европа, повѣривъ имъ на слово, логически вывела изъ этой вѣры еще и другую, — что, разъ турки переѣдутся сами, переѣдутся и вонистину ужасный гнетъ ихъ на подвластный имъ христіанскій слой. Но турки надули по всему фронту. Отстранивъ защитниковъ поработеннаго христіанина фальшивыми обѣщаніями, они лишь выиграли время—и не переѣдились ни сами, ни въ своемъ обращеніи съ иновѣрными подданными. Послѣдніе имѣютъ въ Турціи права только, покуда Европѣ есть время и возможность слѣдить за ними. Но едва небрежность или необходимость принуждаютъ Европу отвернуться въ сторону отъ Балканскаго полуострова, какъ права христіанъ на немъ исчезаютъ безслѣдно всюду, кромѣ автономій, и конституціонный турокъ, снимая личину, является старымъ свирѣпымъ янычаромъ—угнетателемъ, истребителемъ, разбойникомъ, насилвателемъ, убійцею.

Если Оттоманская имперія въ балканскихъ своихъ провинціяхъ не есть правительство, то—что же она собою представляетъ?

На этотъ вопросъ—вотъ мой отвѣтъ:

— Военную оккупацию, длящуюся полтысячи лѣтъ, по столь же опредѣленную, типическую, ясную, какъ въ первые дни ея возникновенія.

Военная оккупация, вооруженный лагерь въ мирной и безоружной странѣ—и ничего больше. Лагерь, управляемый собственнымъ закономъ, собственнымъ обычаемъ, собственной религіею, ничего общаго не имѣющей со страной, въ которой онъ расположился, предоставившій ей лишь

обязанность — питать его въ такихъ-то и такихъ-то размѣрахъ денежнаго обложенія и натуральныхъ повинностей. Вся исторія турецкаго владычества въ славянскихъ земляхъ — свидѣтельство полнѣйшаго нежеланія мусульманской власти знать, какъ живутъ, вѣруютъ, управляются въ средѣ своей крѣпостные христіане, ею завоеванные, вѣтъ ихъ контрибуцій деньгами и натурою, которыя она на нихъ наложила, и вѣтъ тѣхъ злоупотребленій этими контрибуціями, которыя она, по праву завоевательницы, себѣ позволяла. Всякій протестъ противъ контрибуцій или даже злоупотребленій ихъ именемъ принимался въ турецкомъ правительствѣ, какъ бунтъ населенія противъ лагеря, разбитаго въ его странѣ постоемъ. И — каждый протестъ такого рода, всякое столкновеніе при фуражировкѣ вело къ немедленной военной экзекуціи мѣстности, гдѣ они явились, безъ разбора, кто правъ, кто виноватъ. Преслѣдуются интересы не справедливости, морали и права, но торжествующей вооруженной силы; она — *ultima ratio*; счета правительства или, вѣрнѣе сказать, главной штабъ-квартиры ведутся только съ нею; все, кромѣ нея, въ странѣ безправно и существуетъ только ея милостью и снисхожденіемъ. И, повторяю, существуетъ само по себѣ, не общаясь съ завоевателемъ ни въ вѣрѣ, ни въ законѣ, ни въ обычаѣ.

Учредивъ гдѣ-либо военную оккупацию, европейскія государства стремятся прежде всего — послѣдовательно, систематически — превратить ее мирною эволюціею въ твердый государственный порядокъ, перевести временный строй захвата въ условія постоянной гражданственности. Къ этому были всегда направлены усилія администраціи австрійской — въ Босніи и Герцеговинѣ, и — опытъ особенно блистательный, по удачѣ своей — нѣмецкой въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Но вотъ именно о чемъ никогда не хлопотали турки. Быть лагернымъ самоуправленіемъ, не мѣшаясь съ чуждымъ населеніемъ, отнюдь не превращаясь въ его правительство, — всегда оставалось ихъ историческимъ административнымъ

принципомъ. Это — тираннія орды-завоевательницы, а отнюдь не тираннія феодальнаго и полицейскаго государства, противъ пережитковъ котораго побѣдоносно боролись французы итальянцы, испанцы XIX вѣка тайными революціонными организаціями, давшими образцы энергичной организаціи македонскихъ комитетовъ. Эти двѣ тиранніи—два совершенно разныя зла. Настолько разныя, что, какъ мы увидимъ, усилія и средства, вредныя одному изъ нихъ, оказываются не только безвредными, но даже выгодными для другого. Какъ ученики европейской цивилизаціи, болгаре-македонцы, въ угнетеніи своемъ, схватились и за ея революціонныя средства, увѣровавъ въ ихъ историческую папацею. Но—покуда—примѣненіе къ дѣлу кодекса старинныхъ карбонаровъ etc. не повело въ Македоніи ни къ малѣйшему ослабленію турецкой силы, а, наоборотъ, лишь способствовало къ ея сплоченію, укрѣпленію и ожесточенію. Почему? Да именно потому, что македонцы охотятся не на того звѣря и не съ тѣмъ оружіемъ, какъ надо. Предъ ними—сила совсѣмъ особаго рода, до безразличія закаленная противъ революціонныхъ попытокъ на европейскій ладъ и необычайно упругая въ противодѣйствіи имъ.

Турецкая система длящейся военной оккупациі не выработала подъ Балканами отношеній государства къ гражданину, гражданина къ государству: существуютъ только отношенія завоеванныхъ къ завоевателямъ, поработченныхъ туземцевъ къ пришельцамъ-поработителямъ, безоружныхъ, безправныхъ, сдавшихся на милость побѣдителя—къ отлично вооруженнымъ, полноправнымъ солдатамъ-покорителямъ. Обыватель никогда не считалъ турка-правителя другомъ и защитникомъ, всегда зналъ что это—его злѣйшій, опаснѣйшій, жесточайшій врагъ. Обратио, турокъ-правитель никогда не видѣлъ въ райѣ гражданъ, подлежащихъ управленію, но всегда разсматривалъ ихъ, какъ полузамиреннаго непріятеля, который не воюетъ только потому, что безсиленъ, котораго не убиваютъ только потому, что

нужны рабочія силы, скоть, хлѣбъ, сѣно и т. п., которымъ пользуются, какъ рабомъ, какъ крѣпостнымъ, покуда онъ смиренъ, а—чуть враждебно шевельнулся—бросаютъ на него военную силу и производятъ рѣзню, какъ въ военное время. Итакъ, подрывать довѣріе къ правительству организаціей беспорядковъ etc. въ Турціи,—значить ломиться въ открытыя двери. Беспорядки въ Турціи исторически организованы самимъ Стамбуломъ, о довѣріи и доброжелательномъ уваженіи къ Стамбулу со стороны райп нечего и говорить: смѣшно ему быть, откуда ему быть. Учитъ райо злобѣ и готовности возстать на турокъ нечего: сами турки пятьсотъ лѣтъ ихъ тому учатъ. Сами турки сдѣлали противъ себя ту черновую революціонную работу, на которую тратятъ свою энергію болгаро-македонскіе комитеты.

Всякій беспорядокъ, какимъ революціонные эмиссары хотѣли поколебать престижъ турецкой власти, до сихъ поръ оказывался престижу этому только на пользу. Дѣйствующему оккупационнымъ средствами, желающему чувствовать себя не только на военномъ, но даже на боевомъ положеніи турецкому правительству всякая шайка, всякое покушеніе etc.—прямо на руку. Потому что беспорядки среди райи оправдываютъ вѣковой взглядъ на нее, какъ на покоренную, но не усмиренную до конца, исподтишка еще воющую сторону, и даютъ возможность примѣнять къ ней жестокіе права, законъ, обычай войны—звѣриную мораль и кулачное право. Турки не только не боятся беспорядковъ въ Македоніи, — нѣтъ, беспорядки нужны имъ, желанны, необходимы: они питаютъ то военное положеніе, къ которому Порта привыкла для Македоніи, которое она сдѣлала своею правительственною системою.

— Меня считаютъ болгарофобомъ — говорилъ мнѣ П. А. Зиновьевъ. — Да вовсе нѣтъ! Я отношусь совершенно одинаково ко всѣмъ славянамъ и—были бы люди порядочны и симпатичны, а что мнѣ въ томъ: болгаринъ ли, сербъ ли, македонецъ ли? Но я русскій представитель и посланъ сюда

блюсти русскіе интересы прежде всего. Съ русскими интересами неразрывно связано извѣчное покровительство балканскому славянству, нравственная опека надъ нимъ. Но покровительство не есть хожденіе Россіи на славянскихъ помочахъ, опека не есть слабохарактерное потворство.

Между тѣмъ, что касается македонскаго вопроса, болгаре, какъ наиболѣе избалованныя дѣти наши во всемъ славянскомъ мірѣ, хотѣли именно повести Россію за собою, куда они сами рвались, слѣпо зажмурия глаза, требовали, чтобы опека превратилась въ потворство. Дѣйствія македонскихъ комитетовъ, долгое время покровительствуемая или терпимая болгарскимъ правительствомъ, имѣли прямой расчетъ:

— Мы заставимъ турокъ выйти изъ той сдержанности, которую они на себя приняли и съ трудомъ выносятъ,—рядомъ мелкихъ вспышекъ, убійствъ, вымогательствъ мы разбудимъ фанатическое негодованіе мусульманъ, султанъ принужденъ будетъ уступить требованіямъ своихъ подданныхъ-единовѣрцевъ. и въ Македоніи начнутся турецкія звѣрства. потечетъ кровь, запылаютъ села. Для достиженія великой цѣли безразлично, погибнетъ ли пятьдесятъ чело-вѣкъ или пять тысячъ,—главное: надо вызвать рѣзню, которая, въ свою очередь, вызвала бы необходимость европейскаго вмѣшательства, а—такъ какъ защита славянъ вѣковое дѣло Россіи. и не уступитъ же она македонскаго во-проса Австріи—то слѣдовательно, *volens-nolens*, Россія должна снова прислать сотни тысячъ своихъ солдатъ на Балканскій полуостровъ и штыками ихъ добыть Македоніи свободу, то-есть положить страну въ ротъ болгарамъ.

Потому что вѣдь они не признаютъ въ Македоніи иной національности, кромѣ болгарской. Слѣдовательно, будущая свобода Македоніи—для нихъ, либо исполненіе Санъ-Стефанскаго договора и объединеніе Македоніи съ княжествомъ Болгарскимъ, либо созданіе новаго автономнаго

болгарскаго тѣла, которое, опять-таки, рано или поздно сольется съ первымъ въ «Цѣлокупную Болгарію».

Вѣра въ стихійную мощь Россіи, инстинктивно сильная въ славянахъ, даже когда они руссофобы, заставляетъ македонскихъ революціонеровъ легкомысленно думать:

— Э! Россія только притворяется, что ей нельзя сейчасъ заняться нами. Заставимъ заняться, — такъ выдержитъ! Не впервые! И, слѣдовательно, церемониться съ нею, принимать въ расчетъ ея удобства и неудобства, желанія и нежеланія — незачѣмъ.

И опять — пресловутое всебалканское разсужденіе:

— Не Австрію же она къ намъ впустить!

Допустимъ, что всѣ эти самонадѣянныя мечтанія справедливы, что — въ случаѣ чего — и впрямь, хоть скрюпя сердце, выдержимъ. Но съ какой же стати намъ, вообще, «выдерживать»-то? Гдѣ эта русская необходимость, что насущно требуетъ русскихъ денегъ, русской крови? Развѣ онѣ такъ дешевы — эти деньги, эта кровь?

Было бы глупо и пошло утверждать, что между турецкими властями и христіанскимъ населеніемъ Македоніи существуютъ добрыя отношенія. Ихъ нѣтъ и не можетъ быть. Турки и славяне — естественные враги, собака и кошка въ одной клѣткѣ. Турецкая администрація отвратительна, турецкій законъ — мнѣ, злоупотребленія имъ безконечны, подозрительность власти, постоянно угрожаемой, болѣзненно обострена, мстительность безошадна. Но разнятся ли въ этихъ отношеніяхъ Македонія отъ другихъ провинцій Турціи, населенныхъ «румъ-миллети», христіанами? Увы, нѣтъ: въ любой области турецкой, гдѣ есть христіане, имъ живетъ такъ же трудно и безправно, такъ же невѣрно и рабски-мучительно. Не говоря уже о несчастной Арменіи, — пустите прыткаго дипломата или сенсационнаго корреспондента въ любой вилайэтъ Турецкой имперіи, и знакомство съ его тюрьмами, судами, полицейскими дѣлами, консульскими донесеніями не замедлитъ по-

дарить Европу новымъ христіанскимъ вопросомъ, ничуть не уступающимъ, по насущности своей, македонскому, если еще его не превосходящимъ. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, укажу прямо на Старую Сербію, гдѣ, съ благословенія турокъ и двусмысленнаго потворства Австріи, производится систематическое вытѣсненіе славянской расы съ ея дѣдины и вотчины, и гдѣ сами турецкія власти должны чуть не умолять албанскихъ головорѣзовъ, чтобы они довольствовались частичными притѣсненіями христіанъ, не спѣша насладиться давно подготовляемою общою бойшею.

Угнетательная энергія турецкаго режима проявлялась въ Македоніи (при условіяхъ обычнаго, не революціоннаго времени) не больше, чѣмъ въ любой другой провинціи. Слѣдовательно, изъ фактовъ угнетенія, при всей безспорности ихъ, не вытекаетъ спеціально-обособленнаго македонскаго вопроса, а вытекаетъ лишь подтвержденіе огромнаго общаго вопроса христіанской беззащитности предъ мусульманскою властью и волею. Но это уже—вопросъ, который не можетъ быть разрѣшенъ даже самыми широкими и либеральными реформами, вопросъ, удовлетворительный отвѣтъ на который со временемъ получится только въ паденіи Оттоманской имперіи. Эта часть восточнаго вопроса подлежитъ такому же способу рѣшенія, какой примѣнилъ Иванъ Грозный къ волжскимъ магометанскимъ царствамъ Казанскому и Астраханскому, какъ раздѣлались мы съ Крымскимъ ханствомъ и т. д. Такія историческія перспективы далеки и сомнительны, если онѣ и осуществятся, то не внутренне революціоннымъ, а внѣшне завоевательнымъ путемъ, ибо—сколько бы ни писали о слабости и готовности Оттоманской имперіи распасться и разложиться—внутренняя христіанская революція, даже всеобщая, умертвить ее не въ состояніи. Революціоннымъ путемъ отъ турокъ самостоятельно добивались автономіи и расширенія правъ только мусульмане; всѣ автономіи, права,

льготы, которыя имѣють турецкіе христіане, всегда были, есть и будутъ плодами завоевательныхъ движеній Европы, а, точнѣе сказать, сражавшейся за Европу, какъ вѣрный, хотя и мало оцѣненный и часто въ просакъ попадавшій, мечъ ея—Россіи.

1901.

Почтовый Скандалъ.

Въ послѣдній разъ, что я былъ въ Константинополь, надъ многоскандальной головою Оттоманской Порты шумно разразился новый—«почтовый» скандалъ. Иностранныя почты обнаружили, что турки завели «черный кабинетъ», подвергаютъ заграничную корреспонденцію предварительному просмотру.

Дѣйствительно, мерзость! ужъ такая мерзость, что мерзѣе и быть не можетъ. И вѣдь—исключительно—турецкая мерзость, неправда ли? Вѣдь ужъ въ Европѣ-то нигдѣ ничего подобнаго никогда не бываетъ?

Я отъ души смѣялся, читая въ «Neue Freie Presse» — телеграмму, что въ одинъ прескверный день жители Константинополя были возмущены, получивъ корреспонденцію, «съ явными слѣдами *неумълаго* вскрытія». Выходило по смыслу такъ, что причина возмущенія—не зачѣмъ турки вскрываютъ письма, но зачѣмъ они неумѣло вскрываютъ, оставляютъ явные слѣды вскрытія. Вскрывай-молъ... шутъ съ тобой! да хоть конвертовъ-то не порти! И, дѣйствительно, если хотите, то вѣдь оно — на самомъ-то дѣлѣ, такъ и есть. Ибо «черные кабинеты»... гдѣ ихъ нѣту, господа? Разница лишь въ совершенствѣ вскрытія, а не въ его отсутствіи. Турокъ — невѣжда, наивень, грубъ: онъ конвертъ рветъ, печать ломаетъ, а потомъ клейстеромъ замазалъ письмо, и—маршъ по назначенію! Конечно, каждый адре-

сать сейчасъ видить, что строками, къ нему обращенными, поинтересовался кто-то посторонній, и приходитъ въ негодованіе. Въ Европѣ это дѣло обстоитъ гораздо тоньше, а потому никогда никого въ негодованіе не приводитъ, — даже тѣхъ, кто, безъ всякихъ надорванныхъ конвертовъ знаетъ по опыту и соображенію, что письма читаются. Выходить, стало быть, дѣло-то вовсе не въ томъ, читаетъ государство частныя письма или не читаетъ, а въ томъ— соблюдаетъ ли оно при семъ апарансы чистоплотности или шпекинствуетъ наголо, въ открытую, безъ церемоній. Турція, по новости для нея сихъ европейскихъ упражненій, по азіатской глупости и по грубости, апарансовъ не соблюдаетъ, — зато и показанъ на ней примѣръ благороднаго всеевропейскаго негодованія. А вотъ гг.—тѣ апарансы соблюдать мастера, и зато не только никто не оказываетъ на нихъ примѣровъ благороднаго негодованія, но напротивъ, когда такой примѣръ показывается теперь на Турціи, они имѣютъ возможность и право негодовать и протестовать въ самомъ, что ни есть, первомъ ряду. Вотъ что значить разница между страной варварскою и государствомъ высокоцивилизованнымъ, и таково сладки плоды истиннаго прогресса! Того самаго прогресса, о которомъ одинъ изъ щедринскихъ героевъ съ умиленіемъ говоритъ:

— До чего люди доходятъ! Возьмите хоть бы наше дѣло: бывало, по старинному-то, письмо изъ конверта шпилькою выматываешь-выматываешь... и себѣ мука, и времени потеря, и адресату неудовольствіе. А нонеча,— подержалъ конвертъ надъ паромъ, сейчасъ онъ по швамъ лопнетъ, -- ты и правъ!... Просто!

Осторожности ради, я, когда приходилось писать съ австрійской территоріи щекотливыя корреспонденціи, никогда не адресовалъ ихъ прямо въ редакціи газетъ, въ которыхъ сотрудничалъ, но направлялъ къ кому-либо изъ членовъ редакціи, на частную квартиру.

— Довольно невинная хитрость, — сказалъ мнѣ одинъ

славянскій журналпсть, когда я ему признался въ своемъ маневрѣ. — Неужели вы воображаете, что ваши письма, все-таки, не читаются?

— Да откуда же знать, что это — корреспонденціи? — Съ какой стати регистраторъ можетъ заподозрить письмо, адресованное какому-нибудь имяреку, и подвергнуть его перлюстраціи?

— По очень простымъ соображеніямъ: письма тяжелѣе и толще обыкновенныхъ, посылаются часто, регулярно, по одному и тому же адресу иностранца, да еще русскаго. Странно! надо взглянуть: что-то въ нихъ пишется? Ну, вотъ которое-нибудь изъ писемъ раскроютъ для опыта, на удачу. Ну, статью-то отъ письма отличить немудрено. А затѣмъ и слѣдуетъ циркулярно-секретное распоряженіе: письма, поступающія на имя такого-то, подвергнуть осмотру. Вамъ не случалось испытывать необъяснимыхъ перерывовъ въ доставкѣ вашихъ писемъ? Все идетъ корреспонденція правильно, аккуратно, а вдругъ какое-нибудь письмо ни съ того, ни съ сего опоздаетъ на день, на два... Повѣрьте, что эти мнимые неаккуратности почты суть не иное что, какъ результаты перлюстраціи. Это значить, что письмо ваше прогулялось въ округъ для перевода и ознакомленія съ вами тайной полиціи.

— Не вѣрится какъ-то...

— Да?

Собесѣдникъ мой засмѣялся.

— Пробовали вы когда-нибудь завести въ Австріи тайнаго корреспондента — хотя бы не ради прямого сотрудничества, а только ради политической информации?

— О, сколько разъ.

— Ну, — и что же? Долго корреспондентъ вашъ оставался загадкою? Долго удавалось ему скрыть свое имя и адресъ?

— Къ сожалѣнію, вы правы: какими псевдонимами ни прикрывайте политическаго корреспондента, а не далѣе,

какъ черезъ мѣсяць, а то и меньше, въ заинтересованномъ правительствѣ уже всѣ знаютъ, что это пишетъ онъ, а не кто другой... Но, признаюсь, я приписывалъ это нескромности самихъ корреспондентовъ, — что они разбалтываютъ свое положеніе...

— О, нѣтъ! Это — перлюстрація. Она повсемѣстна въ Австріи — всюду, гдѣ послѣдняя достаточно сильна, чтобы ее себѣ позволить, или не жалѣеть денегъ, чтобы ее покупать. А наипаче — въ нашихъ, въ славянскихъ земляхъ. Полиція Каллая въ Босніи и Герцеговинѣ ничуть не стѣсняется съ славянскими письмами. Вы сегодня написали пріятелю письмо съ политическимъ намекомъ, а завтра васъ приглашаютъ объяснить, что, собственно, имѣли вы въ виду, когда писали такія-то и такія-то продерзостныя строки? Въ Босніи и Герцеговинѣ, когда надо помѣняться важными свѣдѣніями, обыватели не пишутъ другъ другу по почтѣ, а отправляютъ, по старинѣ, цыдулки съ оказіей...

Разговору этому — пять лѣтъ времени. Но на-дняхъ я имѣлъ случай убѣдиться, что собесѣдникъ мой, если нѣсколько преувеличивалъ въ подробностяхъ, то не лгалъ въ основѣ дѣла. а, можетъ-быть, даже не преувеличивалъ и въ подробностяхъ.

Въ маленькомъ далматскомъ городкѣ, гдѣ я задержался болѣе, чѣмъ хотѣлъ, и, ничѣмъ не развлекаемый, работалъ аккуратно и регулярно, познакомился я съ почтовымъ пріемщикомъ. Въ воскресенье повелъ его въ ресторанъ, угостилъ виномъ, онъ напился и растаялъ. И вдругъ, въ припадкѣ откровенности, сталъ прехитро ухмыляться и, грозя мнѣ пальцемъ, повторялъ мой петербургскій адресъ, который я проставляю на заказныхъ письмахъ.

— Что вы хотите сказать? — спросилъ я, неприятно удивленный.

А онъ наклоняется ко мнѣ и говоритъ на ухо мой псевдонимъ и названіе газеты, въ которой я работалъ...

При Миланѣ въ Сербіи не существовало частной пе-

11539.

реписки: все читалось, и многіе, неосторожно ввѣривъ свои мысли почтовому ящику, немедленно попадали затѣмъ въ тюрьму. Процессъ Дрейфуса доказаль, что «чернымъ кабинетомъ» не брезгуетъ даже республиканское правительство Франціи.

Что касается насъ грѣшныхъ, русскихъ... Ахъ, господа! имепно наша сатира возвела въ перль творенія почтмейстера Шпекина, и имя его приобрѣло нарицательный характеръ...

1901.

